

Ак – патр Алибабаевич Чугашвили

Распад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051973

Аннотация

Осень 1991 года. Последний призыв в Советскую армию. После прихода пополнения в подмосковную воинскую часть, загадочным образом умирают несколько старослужащих. Является ли их смерть следствием несчастного случая, или же...

Банальная история о преодолении тягот и невзгод воинской службы, превращается в детектив, остросюжетный триллер, действие которого разворачивается на фоне распада страны...

Распад.

– Ну что? Где они? Электричка уже отправляется...

– Да, сказали, что быстро сбегают... не знаю...

«Электрпэзд проследует до станции Бекасово, останов-
ки... остржно двери закрываются, следующая станция...» –
с ненавистью пробубнил машинист.

– Чего делать – то?

– Чего – чего... дёргай стоп – кран!

Раздалось характерное шипение, сержант начинал нерв-
ничать – а может они подорвались?

– На чём? Мин вроде бы нет...

– Дебил, подорвались в смысле... ээ, свалили, сдрисну-
ли...

– А –а, сбежали что ли?

– Ну да, вот ты дятел, русского языка ни хера не знаешь...

«Осторожно, двери закрываются»

– Дёргай ещё! Без них не уедем, шмотки ихние здесь, зна-
чит щас прибегут... а они далеко пошли – то?

– В ларёк, с той стороны вокзала, сам не пойму чего так
долго...

«Слышь ты, сука, а ну отпусти стоп – кран! Я тебя найду,
и тебе херово будет!» – просипел по громкой связи маши-
нист. Обрадованный хладнокровием машиниста, раскатисто
захохотал сержант.. В тамбур влезла неопрятного вида баб-
ка с авоськой – вот спасибо ребята, что поезд подержали, а
я уж его ищу – ищу, где моя крохотулечка, как я без него,

ведь потеряется один в огромном городе, он же несмышлёныш ещё... Вовик! Вовик? Ты где? Вы видели Вовика?

– Нет, мать, Вовика не видели... а какой он?

– Какой – какой... мальчик маленький, носик такой курносый, кепочка, сапожки. Ну... Вовик, в общем...

– Совсем маленький? Так чего же вы мамаша малыша одного бросили, и где его искать теперь?

– Не знаю... Воо – ооо – оовииик!

В тамбур ввалился здоровенный мужичина с небритой рожей, багровым носом пьяницы, и затухшей папиросой в углу рта – ну? Чё орёшь, мать? Перепонные барабанки в ушах полопались от твоего воя...

– Вот же он! Вовик!!! Нашёлся малыш!

– Вот это «мальчик маленький»? «Носик курносый»?

– Да, это он, сразу узнали?

– «Несмышлёныш»?

Вовик развернулся в нашу сторону, и перекатил папиросу из одного угла рта в другой.

– Чё, проблемы?

– Да нет.

– А хотите, будут?

Он придвинулся ко мне вплотную, обдав запахом какой – то кислятины, и мощным проспиртованным выхлопом.

– Хочешь, мои руки сейчас окрасятся кровью?

– Чьей кровью?

– Ну, хотя бы твоей...

Бабка натужно засмеялась – ох, он у меня с детства шутник, это у него юмор такой, так – то он безобидный, мухи не обидит... я тебе пива купила... три бутылки...

– Пиво это хорошо, а вы... сявки... живите пока... пошли мать...

Он открыл дверь в вагон, не сводя с меня недоброго взгляда, и быстро зашагал по проходу, бабка семеняла за сынулей, я громко и облегчённо выдохнул, сержант презрительно ухмыльнулся – ну, где они?

– Купили! Купили! Четыре бутылки!

– Вы чё, тормоза, где ходите? Мы уже два раза стоп – кран дёргали, кореша вашего чуть не убили тут.

– У вокзала водку не продают, пришлось на ту сторону сбегать...

Электричка поехала, в окнах замелькали подмосковные полустанки, совсем скоро нам всем захорошело, оказывается, в армейской службе нет ничего страшного, и сержант такой симпатичный попался, улыбается.

– Жалко мне вас солобоны, скоро перестанете веселиться...

– Это почему, а Слав? (призывник с пышной прядью седых волос запанибрата называл сержанта Славой)

– По ротам вас распределяют, и начнёте «летать» как срные веники, вот почему...

– А что значит «летать»?

– Всё узнаете скоро, и про «летать» и про «сушилку»...

Все притихли, потрясённые мощью неожиданного, такого военного слова «сушилка». Сержант резко встал – подорвались! Солобоны! На выход! Дальше нам пешком топать, электричка поворачивает...

Мы вывалились в темноту, счастливые, пьяные, часа два брели по шпалам, пока не дошли до КПП, воинская часть обдала нас освежающим запахом кислой капусты, в воздухе медленно кружились огромные, разлапистые снежинки, было очень тихо, идиллию нарушал стук работающего генератора.

– Так, щас вещи оставляете в приёмнике, и на склад, одеваться, а то вы на военных не похожи.

«Приёмник» оказался обычной трёхэтажной казармой, мы поднялись на второй этаж и увидели длинные ряды двухъярусных кроватей, застеленных однообразными синими одеялами с каймой из двух чёрных полос.

– О, подкрепление прибыло.

С постели медленно, морщась от боли, вставал парень с двумя огромными, чёрными синяками вокруг глаз.

– Здорово, мужики. Пожрать есть чего?

Мы все замолчали. «Седой» осторожно спросил – я извиняюсь, а что у вас с лицом?

– Догадайся с трёх раз. Я ещё и ссу кровью. Почки отбили...

Тишина стала гнетущей. Снизу донёсся крик сержанта – вы где? Солобоны? Бегом вниз!

Потрясённые, мы спускались вниз.

– Построились, нечего по части толпой ходить.

– Слав...

– Я тебе не Слав, а товарищ старший сержант, понятно?

– Да.

– Не да, а «есть», сделай тридцать отжиманий, упор лёжа принять!

«Седой» натужно отжимался, на счёт «десять» руки героя подогнулись.

– У– у– у, да у нас тут задрот, всем принять упор лёжа, тридцать отжиманий, а потом, после склада, объясните товарищу его ошибку.

Злобно глядя на лежащего в снегу «седого», мы отжались положенное число раз.

– Подъём, шагоом арш!

Нестройной толпой, шагая вразнобой, мы поплелись за сержантом. Стемнело, снег продолжал тихое и очень красивое падение. Сержант скрипуче рассмеялся – от это приколы, бля!

Мы не сразу поняли причину веселья, обуявшего нашего командира. Из темноты проступили очертания каких – то диковинных существ: зеленоватые, огромных размеров костюмы, инопланетного вида обувь с чёрными штрипками, хоботы шлангов, круглые глаза, в руках существа держали ломы с привязанными к ним веточками, и тщетно пытались этими импровизированными мётлами разгрести огромные

завалы снега. Всё это происходило совершенно беззвучно, было похоже на передачи о пребывании астронавтов на Луне, казалось ещё чуть – чуть, и существа пройдутся лунным шагом, или запрыгают, преодолевая гравитацию.

– Рота охраны даёт, это ж надо так над людьми глумиться!

– Товарщиц сержант, а что здесь происходит? Кино снимают? Ужастик?

– Старший сержант! Нет, это не кино, это губари...

– Кто? Губари?

– Арестованные с гауптвахты...

– А что это на них надето?

– ОЗК.

– Что?

– Я и забыл, что вы все сямки неучёные, ОЗК – общевойсковой защитный комплект, средство индивидуальной защиты от радиации, и прочей порноты...

– Здесь что, учения проходят?

– Ты чего такой дебил? (ударение в слове дебил, он делал на первый слог). Какие учения? Это ребята из роты охраны развлекаются, заставили этих ушлёпков одеть ОЗК, а он на морозе становится твёрдый, холодный брррр, и противогазы, дали им мётлы, и заставили снег мести.

– А чего это у них мётлы такие странные?

– А того, что это не мётлы, а ломы, иди ломом помахай, много ты им снега начистишь? Ну, у вас ещё всё впереди... это приколы такие, шутка, очень смешная, гы – гы...

Шокированные увиденным, мы молча вошли в складское помещение. Усатый дядька с двумя звездами на погоне, ожесточённо грыз шариковую ручку – о! Кого ты мне привёл, Гаврилов?

– Запахов вонючих, товарищ прапорщик.

– Кого? Духов что ли?

– Неет, дух – это после принятия присяги, а до, они ещё даже не духи, а запахи бесплотные, вообще не люди.

– Люблю я ваши приколы армейские. Ну чё? Одеваться будем, товарищи запахи? Садыгов!

Откуда – то возник солдат с тонкими, арабскими чертами лица, он подошёл к нашему сержанту, и смачно поцеловал его в щёку, сержант ответил не менее звучным поцелуем.

– Сука, развели педерастию, никогда не привыкну к вашим поцелуйчикам, запахи могут подумать, что в пидорскую часть попали...

– Это традиция, товарищ прапорщик, это кавказцы занесли, чего такого – солдаты одного призыва при встрече приветствуют друг друга?

– Не понимаю я ваших традиций, ты ещё в жопу ему присунь, поприветствуй зёму!

«Араб» шагнул к «седому» – сигарету дай! Быстро! «Седой» засуетился, дрожащими руками вытащил пачку, судорожно пытаясь вытрясти вставшую поперёк пачки сигарету – дай сюда, «араб» брезгливо выхватил у «седого» из рук всю пачку, вытащил из неё одну сигарету, пачку быстро сунул в

карман штанов.

– Огонь.

«Седой» вытащил зажигалку, «араб» прикурил – ого, Зиппо, зауважал! Зажигалка повторила судьбу пачки – исчезла в бездонных карманах «арабских» штанов.

– Откуда?

– Из Москвы.

– Вешайся.

Лицо «араба» озарила широкая, душевная улыбка, казалось, что он произнёс какое – то доброе, напутствие, пожелание долголетия, здоровья – такое счастье и доброта светились в его глазах. Прапорщик ловко одевал моих спутников – шинель, натянул? Сидит как влитая!

– Да она мне мала! Я руки не могу поднять!

– А на кой оно тебе, милый, это самое – руки поднимать? Ты чего у нас – вертолёт? На хера тебе лопастями махать? Держи руки внизу, а то яиц лишишься.

Раздался страшный треск, шинель лопнула под мышками, любитель махать руками жалостно посмотрел на прапорщика – ничего, ничего, зашьёшь, давай вали, следующий! Ого, какой ты здоровый! У меня такого размера нет, наверное, щас посмотрим. Вот, сапоги обувай. Налезли?

– Малы, размера на два...

– Да ты как – будто в них родился! Разносишь!

– Да я в них шагнуть не могу!

– Привыкнешь, военнотружущий должен стойко преодо-

левать тяготы и невзгоды военной службы, вот и иди, пре-
одолевай. Следующий!

«Седому» достались кальсоны, с огромной, прожжённой
чем – то круглым, дырой на заднице – Бог шельму метит,
быть тебе дырявым!

– Ну, товарищ прапорщик, ну как же так...

– Съебал отсюда, до следующей бани всего неделя, там
тебе бельё поменяют, а пока так ходи, вентиляция, мамкины
пирожки из задницы быстрее выветрятся.

– Вы просто волшебник, товарищ прапорщик, наслажда-
юсь вашим искусством!

– Секрет прост Гаврилов – всё для людей, всего себя от-
даю, горю на работе! Всё люДЯм! Уводи отсюда своих воню-
чек, что – то вид у них сильно стрёмный.

Одетые в шинели меньшего размера, тесные сапоги, с тру-
дом держащиеся на макушках шапочки детских размеров,
мы были похожи на махновцев, после ограбления очередно-
го поезда.

– Да это же друзья Миклухо – Маклая! Я тут со своим
младшим кино по телеку видел, там таких же показывали,
эти как его... пи... ппу...па... пи– да – рассы Новой Гвир-
неи, вот! Хрен выговоришь!

– Папуасы, товарищ прапорщик, не пидарасы, а папуасы.

– От же сука, начитанный, да? Ничего, в роту придёшь,
тебе там кукушку на место быстро поставят, всё, Гаврилов,
уводи их.

2.

Часть, в которую мы попали, оказалась своеобразным накопителем – сюда свозили призывников, в течение трёх месяцев готовили их к строевой службе, учили разбирать карабин, а затем отправляли по другим частям. Тянулись однообразные дни: строевая, изучение устава в Ленинской комнате, стрельбы, чистка оружия. И так изо дня в день. Весело было только по ночам, в том случае, если дежурным по роте оказывался сержант Коржиков.

– Заняли удобное положение ко сну! Рота, отбой!

Старые, продавленные кровати издавали жалобный скрижет.

– Раз скрип!

Кто – то сдавленно ойкнул – два скрип!

Наступила полная тишина, все замерли в ожидании чуда – вдруг сегодня пронесёт?

Не скрипела ни одна кровать, Коржиков подошёл к ближайшей, и пнул ногой лежащего на ней бойца – три скрип! Рота, подъём, форма одежды номер четыре, строиться на подоконниках с матрасами, повзводно! Время пошло!

Двести человек одновременно рванулись из своих кроватей, надо успеть одеться за сорок пять секунд! Толкотня, мат, на пол летят табуретки, сбитые впопыхах, кто – то падает, ударяясь челюстью о дужку кровати, раздаётся громкое клцание зубов, Коржиков громко хохочет, хлопая себя по ляж-

кам. Через минуту, приёмник представляет собой живописное зрелище – на всех подоконниках стоят, или висят чумазые, потные военнослужащие, бережно придерживая матрасы.

– Отставить! Строиться повзводно! Матрасы положить на кровати!

Коржиков горделиво обходит строй, сержант похож на генералиссимуса после выигранной битвы, такой боевой задор горит в его взоре. Он останавливается возле огромного, похожего на мамонта солдата по фамилии Белаз – бритый наголо череп, надвое разделённый продольным, розовым, уродливым шрамом, с кончиков губ свисает слюна, мохнатые брови, из – под очков злобно блестят маленькие глазки серийного убийцы.

– Правую ногу к осмотру!

Белаз снимает сапог, и вытаскивает голую, без признаков портянки ногу.

– Где портянка?

– Я не успел (сиплым басом оправдывается Белаз), я...

– Портянка! Где?

Белаз обречённо вытаскивает портянку из кармана шинели.

– Даун, бля! «Я не успел». Наряд на службу вне очереди!

– Почему? Это несправедливо. Я не ...

– Два наряда!

– Я хотел...

– Три наряда! Как надо отвечать?

– Хорошо... то есть...

– Есть три наряда на службу! А не «хорошо»! Не слышу?

– Есть три наряда на службу!

– Рота отбой!

Грохот сапог, швыряемые в шкаф шинели, мат, визг, все обречённо прыгают в койки.

– Отставить отбой, сложить обмундирование!

Какое – то время уходит на то, чтобы аккуратно сложить наши ПШ.

– Отбой! Приняли удобное положение для сна!

Слышно возмущённое фыркание Белаза – раз скрип!

– Я не скрипел!

– Два скрип!

– Да это несправедливо, а как же права человека?

– Три скрип! Рота подъём! Строиться! Форма одежды номер два!

Душа сержанта поёт, он получает от происходящего такое чистое, незамутнённое удовольствие, что становится завидно, на его розовом, круглом лице деревенского парня написано самое настоящее счастье. Коржиков обходит строй, останавливается возле Седого, и ощупывает его погоны, найдя щель между стежками, он просовывает в неё пальцы, и с наслаждением отрывает погон, а затем и другой – шить надо так, чтобы спичечную головку просунуть нельзя было, понял?

– Понял.

– Ещё один баран! Как должен отвечать военнослужащий? Так точно! Понял?

– Понял.

– Дебил! Не понял, а так точно! Теперь понял?

– Да! Понял! То есть, так точно!

– Что ты понял?

– Я понял, что я – дебил!

– Молодец!

Коржиков подходит к Кочану, и тянет ремень на себя – ух, ты! Да у нас тут дедушка! Ремень на яйцах висит! Сколько вам осталось до дембеля, товарищ старослужащий?

Сержант закручивает бляху ремня до тех пор, пока на лице Кочана не появляется выражение боли, вот так вот ремень должен быть затянут, и тренчик поправь!

И тут же без перехода – рота, отбой!

Вот так, скучные дни перемежались весёлыми ночами, испачканную ночной беготнёй взлётку (армейское название пола) мы дружно отмывали днём, время бежало быстро – скучный день – искромётная ночь.

Командовал «приёмником» чудной майор, которого мы называли майор – шинэлка, он неожиданно врывался в расположение, дневальный орал «смирно» выпучивая глаза, и подходил к майору с докладом, тот громко кричал – и замерли все! Выслушивал доклад, и привычно командовал –

все взяли шинэлки, и выходим строиться! Ты – взял свою шинэлку?

Майор искренне считал, что главное для военнослужащего – взять шинэлку, без неё военнослужащий несостоятелен как боевая единица...

По вечерам в казарму часто забредали солдаты из других рот, вначале в поисках жратвы, сигарет, а когда всё домашнее изобилие сошло на нет, то в поисках земляков. В девять часов все должны были сидеть у телевизора, смотреть программу «Время». Обычно я садился рядом с «седым» и «кочаном», прозванным так за необычную форму головы. Они лениво переругивались, выясняя, кто из них был круче на «гражданке» – у кого было больше тёлок, тачек и прочих доказательств крутизны. Вся перебранка затевалась с одной целью – не заснуть, многие клевали носами, всхрапывали, за что дежуривший по роте сержант поощрял их ударом ноги по голове. В один из таких нудных вечеров в казарму зашёл гнутый как банан, длинный тип с грязным лицом, и руками, покрытыми до локтя машинным маслом. Он не спеша шёл по проходу, пожимая всем руки, ему доставляло удовольствие видеть, как брезгливо морщили лица те, кто уже пожал его замасленную клешню.

– Здорово зёма, привет зёма – он медленно приближался к нашему ряду, «кочан» машинально пожал ему руку, и полез за платком, «седой» нервно смеясь, вскочил со стула, и шархнулся в сторону, «чухан» протянул руку мне – привет

зёма!

Я смотрел сквозь него.

– Зёма ты чего?

– Отойди, ты мне телевизор загородил.

– Зёма, привет!

– Ты мне не зёма. Съебал отсюда.

– Что? Ты сука мне брезгуешь руку пожать... я тебя... тебе пиздец... я щас за старшими схожу...

Минут через пятнадцать он вбежал в казарму и злорадно проговорил – слышь земляк, с тобой там поговорить хотят, выйди на минуточку...

Я пошёл, уверенный, что «Кочан» и «Седой» идут за мной следом. На крыльце стояли трое, один из них сделал шаг вперёд, и неторопливо протянул – дай мне вкууусную сигарету, землячок.

– Не дам, «землячок».

Кто – то из троих присвистнул – парень – то борзый.

Неторопливый (он оказался азиатом) протянул – пошли, поговорим на воздухе. Мы зашли за угол, и мне в переносицу тут же прилетел ослепляющий удар, от неожиданности я сделал шаг назад, и правая нога предательски заскользила по льду, левый боковой свалил меня на бок. Азиат неторопливо обшарил мои карманы, вытащил сигареты, закурил, и смачно заехал мне в живот ногой

– Слышь, сучонок, если я говорю – ты делаешь, эт поняаатна?

Не дождавшись ответа, он плюнул мне в лицо, и исчез из поля зрения. Я с трудом поднялся, доковылял до угла, «седой» отсвечивал свежим фингалом, иллюминация осветила левый глаз, «кочан» пытался улыбнуться разбитыми губами. «Чухан» визгливо заголосил

– Поняли, пидары? Ещё раз, и я вас...

Азиат нанёс ему чудовищной силы лоукик, чухана просто срубило, громко причитая, он рухнул на снег, двое друзей азиата радостно заржали.

– Завали хавало Лошарик, твоё место – мойка, бегом на кухню, посуда ждёт.

«Лошарик» поднялся, и скособочась, побежал в сторону столовой. Азиат неспешно последовал за ним в сопровождении друзей. «Кочан» спросил у меня.

– Ты дал ему сигарет?

– Угу.

– Так какого... ты выпендривался?

– Кто ж знал, что он – спортсмен?

– Эх, ты, я думал ты – крутой...

– А я – крутой, но бывают и покруче меня...

Дежурный по роте сладко улыбался.

– Ну чего, побазарили? Ты – он почти ткнул мне пальцем в нос, – не на того потянуть решил, этот татарин с моей роты, у него семнадцать профессиональных боёв на ринге...

– А ты чего, предупредить не мог что ли?

– Откуда я знаю, вдруг ты тоже боец, и его отбучкаешь,

всегда интересно посмотреть на такое. Ну ладно, хорош ба-
зарить, упали на стулья, смотреть программу «Время».

Утром майор «Шинэлка» привычно прокричал своё «и за-
мерли все», и принял участие в утренней поверке. Проходя
мимо строя, он заметил наши побитые рожи, и тут же вызвал
нас троих в канцелярию.

– Вот вам бумага, пишите.

– Чего писать?

– Правду, обо всём, что произошло, кто вас бил, почему,
мы разберёмся, виновные будут наказаны.

Минут пять в канцелярии было тихо, мы увлечённо писа-
ли.

– Вот, вся правда, и ничего кроме правды.

– Таак, «вчера вечером я зашёл в умывальное помеще-
ние, поскользнулся на куске мыла, и ударился носом об ра-
ковину, в тот момент, когда я стал подниматься, я поскольз-
нулся повторно, и ударился челюстью об ножную ванну» –
ты издеваешься надо мной, мальчик? А что у тебя написано
(он схватил лист Седого) – какой слог, прямо поэма! «Ис-
пытывая жажду, я нетерпеливо ворвался в умывальную, моё
нетерпение сыграло со мной злую шутку, второпях я надел-
ся глазом на умывальный кран, чем причинил себе жуткие
страдания» – молодец, орёл! Тебе бы книжки писать! А у те-
бя? (он взял лист Кочана) « Недосыпание – болезнь двадца-
того века, она снижает умственную активность, неблагопри-
ятно влияет на потенцию» – ишь ты, буду знать теперь, как

интересно, дальше «засыпая от усталости, я упал лицом на стол для приёма пищи, и разбил себе губы». Я всё понял, вы – долбаные трусы, вместо того, чтобы вывести мерзавцев на чистую воду, смело и откровенно рассказать обо всём, что случилось, вы покрываете преступников, да – да, здесь произошло преступление, это называется неуставными отношениями, и карается по закону. Вы препятствуете осуществлению правосудия, благодаря вам, виновные избегают заслуженного наказания. Вам угрожали? Запугивали вас? Признавайтесь! Быстро! Что молчите? Я знаю, что вам сказали – расскажешь, будешь стукачом, да? Так вас учат? Так вот, покончить с дедовщиной можно только одним способом – объединить наши усилия, усилия офицеров и солдат пострадавших от этого уродливого явления. Если вы не дадите показания, то преступник в очередной раз уйдёт от ответственности, а значит – подобные вещи будут повторяться, завтра кто – то другой пострадает, может быть лишится жизни, и виноваты в этом будете вы. Разорвите этот порочный круг, круг молчания, расскажите о том, что произошло, и я помогу вам, мы переведём вас в другую часть, туда, где никто не знает о произошедшем, зато виновные будут наказаны, остальные поймут, что возмездие неотвратимо, ну, вы поможете себе, и остальным?

–?!

–Да или нет?

–?!

– Я всё понял, вы – жалкие трусы, и мне вас ничуть не жаль, в том, что с вами произошло, виноваты вы сами.

Шинэлка распахнул дверь и крикнул дневальному – Коржикова ко мне!

– Сержант Коржиков – зайти в канцелярию!

Коржиков (тот самый сержант, что дежурил по роте) зашёл в канцелярию, развязно улыбаясь – разрешите войти?

– Заходи. Мой милый Коржиков, напомни мне – о чём мы договаривались с тобой в тот момент, когда я забирал тебя из твоей роты сюда в приёмник? Из этой помойки, где тебя чмырили, отбирали у тебя деньги, били грифом от штанги?

– Я обещал, что в приёмнике будет порядок.

– Правильно, и что же я обнаруживаю, придя на утреннюю поверку? Трёх избитых военнослужащих? Так ты держишь обещание?

– Товарищ майор (Коржиков заметно сбледнул с лица) – я не видел... я не успел...

– Какой ты медлительный, может быть мне придать тебе ускорение – вернуть тебя в твою любимую автороту, я слышал, что туда даже дежурный по части заходить боится, последнему угрожали тем, что переедут его Камазом, так что – возвращаешься в роту, прощай сладкая жизнь? До свидания безделье, молодые солдатики в подчинении, вкусная жратва от их родителей, тихая и спокойная житуха в приёмнике?

– Ннет, ттоварищ майор я этого не хочу...

– Значит так, предупреди всех, будут трогать моих ре-

бят – яйца поотрываю, а ты – если подобное повторится, отправишься в роту. С этого момента – несёшь личную ответственность, понял?

– Так точно!

– Иди. Вы тоже.

Мы вышли в коридор, Коржиков прошипел – чего вы там ему напели?

– Ничего.

– Вы чего – заебать меня решили, вы накуролесили, а я разгребай! Больше никаких разборок! Хватит строить из себя крутых, понятно?

– Да.

– Съебали отсюда.

3.

– Значит так. По случаю принятия присяги всем побриться – лично проверю, подшиться, даже если подшивался, ещё раз, начистить сапоги – вопросы есть? Вопросов нет.

Для принятия присяги нас вывели за пределы части, через дорогу от главного (первого КПП) находился мемориал, посвящённый Великой Отечественной войне – пушка и стела с фамилиями героев. Именно сюда мы и примаршировали, на подходе к мемориалу какой – то неловкий упал в лужу, уронив карабин, и извалявшись в грязи, Коржиков подбежал к нему, беззвучно открывая и закрывая рот, было ощущение, что он хочет его съесть, вот только не знает – с какого места начать трапезу, и вхолостую щёлкает зубами. Торжественное

принятие присяги проходило не очень торжественно – призывники – азиаты плохо говорили по – русски, а уж слушать, как они читают – это было сплошное удовольствие.

– Перид сисём моих тарищей, таждественно клянус...

– Перед каким «сисём» – правым или левым? Вот же дебил нерусский! (Седой трепетал от восторга)

– Эсли я нарушу эту тааждествэнну присягу то пуст минэ настигнэт суровая кора свейского закона...

– «Суровая кора» – это что такое? Какая «кора»? С дерева? Злая береста? О чём говорит этот недоумок?

Мимо прошёл Коржиков – разговорчики!

Перед тем, как отпустить новоиспечённых солдат советской армии в увольнение, Шинэлка провёл краткий инструктаж.

– Товарищи солдаты, если вы пойдёте сегодня в увольнение, (а вы в него пойдёте!), то не вздумайте напиваться, употребление спиртных напитков – воинское преступление! Если вы всё же напьётесь (а вы напьётесь!), то не бросайте своих боевых товарищей кверху пузом, потому что они могут захлебнуться рвотными массами. Что? Рвотные массы? Блевотина по – вашему. Если вы всё же бросите своих товарищей кверху пузом (а я знаю, вы их бросите!), то позаботьтесь о том...

– Готов слушать этот инструктаж вечно, это просто поэма, какой слог! Экспрессия! Подача – Седой бился в экстазе, словно девочка – группы впервые попавшая в гримёрку

любимого певца.

После окончания процедуры, всех отпустили в увольнение, здоровенный сибиряк (тот самый на котором лопнула шинель) с наслаждением пил водку из горла, мощный кадык совершал поступательные движения вверх – вниз, родственники уважительно и с пониманием смотрели на утоляющего жажду. Все новоиспечённые солдаты и их родные разбрелись по военному городку. Ко мне приехали друзья, пить они начали ещё в электричке, поэтому мне пришлось выпить пару штрафных стаканов, чтобы догнать товарищей. Как только водка начала действовать на мозг, я почувствовал желание скинуть неудобную форму, и покинуть расположение части. Быстро окосев, я утратил способность поддерживать беседу.

– Ну, как служба?

– Заебс...

– Деды не достают, а то пошли разберёмся с ними?

– Мнне...

– Как жратва? Кормят нормально?

– Норм...неделю не срал...

– Это почему?

– А кто его знает... не срётся, и всё...

– У тебя до какого часа увольнение?

– До трёх, а чё?

– Уже без двадцати.

– Ааа, ну тогда пошли...

Я с трудом передвигал ногами, в левой руке канистра с пи-

вом, на сгибе повисла какая – то девка (мне незнакомая) периодически она взвизгивала и орала – зольдатен! Фик мих!

– Чего ты орёшь?

– Не знаю, в фильме услышала, фраза понравилась.

– Это из немецкой порнухи, в переводе означает – солдаты, трахните меня!

– Ах, вон оно чё, да легко, сейчас только найдём укромное место, песочницу какую – нибудь...

Песочницы как назло, были заполнены детьми и их мамами, время увольнения заканчивалось, пришлось возвращаться в часть неудовлетворённым. На подступах к КПП встретился полковник Быченков (заместитель командира части по воспитательной работе) – товарищ солдат, почему не на КПП?

– У меня увольнительная.

– Что у вас в канистре?

– Квас, хотите попробовать?

– Не надо, следуйте в распоряжение.

– Есть.

Друзья стали прощаться со мной, пожимали руку, совали пакеты с едой.

– Мы тебе тут приготовили кое – что, пару бутылочек, ну и покушать, давай не куксись.

Пройдя через КПП я понял, что меня неминуемо поймают с пакетом на входе в приёмник, надо что – то делать, чтобы не вляпаться по – глупому. Остановившись у здания ка-

зармы, я начал свистеть – одно из окон, выходящих на плац, было окном бытовки, в ней всегда кто –нибудь был. В окне появилось несколько бритых голов, я стал делать отчаянные знаки, показывая на пакет – заберите кто –нибудь!

– Солдатик! Ты чего здесь стоишь? Почему без шинэлки?

Неслышно подошёл майор «шинэлка», ласковый взгляд, вкрадчивая речь – а что у тебя в пакетике? Пойдем внутрь, там посмотрим.

Он завёл меня в канцелярию, позвал Коржикова, и начал вытаскивать из пакета мои подарки. Дедушка Мороз подарил мне две бутылки грузинской водки «Картли» (жутко вонючая, слабая дрянь с содержанием спирта не больше 20 процентов, шёл 1991 год, другой в продаже не было), пару пачек печенья, упаковку презервативов (вот спасибо!), и блок сигарет «Столичные». Шинэлка не мог скрыть восторга – Коржиков, общее построение!

– Рота, строиться в спальном помещении!

Шинэлка вышел на середину спального помещения, он держал в руках небольшую авиационную бомбу.

– Солдаты! Давно хочу задать вам вопрос – что делает мужчину мужчиной? Огромный, как батон докторской колбасы, мясистый член? Нет! Потные, лоснящиеся, гигантские, говяжьи бицепсы? Тоже нет! Вот! – он триумфально взмахнул бомбой – вот что делает мужчину мужчиной!

«Седой» иронически улыбался – ну, теперь буду знать, в следующий раз обязательно захвачу с собой на свидание, без

бомбы я не мужик...

– Издревле существовало три профессии – врач, учитель и военный. Всё остальное – порнография и извращение. Обязанность настоящего мужчины – защищать свою родину. «Мускул свой, дыхание и тело, с пользой тренируй для военного дела» – лозунг, который висит у нас на плацу. Ваша главная задача – заниматься боевой подготовкой, перед лицом общего врага, мы должны представлять собой монолит, мы должны быть едины, иначе нам не победить! Почему Советский Союз победил Гитлера? Потому что Сталин перед войной уничтожил пятую колонну – всю эту хлюпающе – хрюкающую троцкистскую сволочь, всех этих капитулянтов Зиновьевых, Каменевых и прочих Бухариных. Кстати о бухании – в то время как натовские базы неумолимо приближаются к нашим границам, один из наших бойцов проносит в расположение водку!

По рядам бойцов пронёсся лёгкий, едва заметный шорох, все как – то подобралось, ведь речь идёт о важных вещах – о водке!

– В чём главная опасность его (не побоюсь этого слова) – преступления? Допустим, тебе удалось пронести эту косорыловку в роту, ты сам напился, угостил товарищей – ты же не жлоб, ведь не стал бы давиться водярой в туалете, в одиночку, правильно? И вот, вы все напились, вспомнили гражданку, а в этот момент, Америка наносит ядерный удар! А вы – пьяные сволочи, не в состоянии выполнить свой долг, Роди-

на, наша многострадальная Родина, осталась беззащитной, благодаря тебе! Приходите, берите нас голыми руками, все защитники Отечества валяются пьяные! Ты – не просто правонарушитель, ты хуже, ты – диверсант! Ты подрываешь обороноспособность страны, в военное время я бы отдал приказ тебя расстрелять, но к несчастью сейчас – время мирное, и ты останешься жив. Но! Только в том случае, если искупишь свою вину! Дневальный! Неси ведро!

Дневальный принёс ведро на три четверти наполненное водой. Шинэлка торжественно и очень профессионально (словно тамада) сорвал крышку с бутылки и протянул её мне – на!

– Пить?

– Есть! Ты чего – правда такой тупой, или притворяешься – лей в ведро!

– Водку? В ведро?

– Именно.

– Я...я не могу...

Шинэлка подошёл ко мне вплотную, и заорал прямо в ухо – таарищ салдат, я приказываю вам вылить это в ведро!

Строй замер в ожидании, Кочан нервно облизывал губы, Седой неуверенно улыбался.

– Лей! Быстро!

Я отвернул голову вправо, и, зажмурив глаза, наклонил бутылку в сторону ведра.

–Куда льёшь? Глаза открой!

Первая порция пролилась мимо ведра, прямо на пол. По рядам пронёсся негромкий полувздок – полустон.

– Лей!

Я покорно вылил остатки в ведро.

– На, держи – он услужливо подавал мне вторую бутылку, в голове мелькнула отчаянная мысль, а что если приложить к губам и... сколько я успею отпить до того, как меня остановят, вырвут бутылку из рук, потащат на гауптвахту?

– Давай, лей!

Содержимое второй бутылки воссоединилось с содержимым первой.

– И знай, сынок, я спас тебя от крупных неприятностей, теперь ты мне обязан, я буду пристально следить за дальнейшим прохождением твоей службы, можешь меня не благодарить. Теперь бери это ведро, носи его в туалет и выливай в очко.

Опустошённый, я поплёлся по направлению к туалету, занимаясь сложными подсчётами в уме – ведро вмещает десять литров, водой оно наполнено где – то на три четвёртых, значит – литров семь воды на литр водки, если отпить прямо из ведра – каков будет эффект?

Зайдя в туалет, я остановился и поднёс ведро к носу – слабый запах сивухи присутствовал, ну чего – рискнём?

– Понимаю о чём ты думаешь, но у нас нет времени на подобные глупости – шинэлка был бесшумен, как какой – нибудь ниндзя, и неслышно возник за моей спиной – пошли.

Он увлѣк меня к очкам – выливай.

На выходе из туалета меня поджидали Седой и Кочан.

– Ну, ты и облажался! Ты чего – совсем лох? Как он тебя подловил?

– Да пошёл ты. Я свистел снизу, кричал чтобы кто –нибудь вышел и забрал пакет, ни одна сука не вышла, посмотрели в окошко – и всё. А этот ... подкрадывается как на мягких лапах, сцапал меня прямо у входа, и в канцелярию, остальное вы видели.

– Две полбанки... в ведро! Да за это убивать надо!

– Согласен. Но у меня есть мыслишка о том, как нам отметить присягу.

– Ну и как же? Портянок нанюхаться до одури? Говорят у этого нерусского – узбек он, или кто там ещё, говорят у него забористые портянки, в сушилку не войдёшь – с ног валит! А может, я тебе просто между рогов заеду – тебе и захорошеет?

– Кочанчик, ты конечно пацан серьёзный, но быковать здесь не надо, я же сказал – у меня есть идея.

После отбоя, мы прошлись по тумбочкам, и собрали неплохой урожай – три флакона розовой воды (некоторые сохранили сибаритскую манеру смазывать нежные щѣчки после бритья), и несколько флаконов одеколona.

– Ну, за хороших людей, нас осталось всего трое, за нас пацаны!

Розовая вода оказалась очень мягкой, пилаь легко и оставляла приятное послевкусие (чисто дамский напиток,

рекомендую – угощайте ваших прелестниц). Причащаться одеколоном мы как – то не решились, у Кочана был неудачный опыт, он отговорил нас от этого, как только элитный напиток начал оказывать своё благотворное воздействие на наши организмы, в туалет вбежал дневальный (предусмотрительно поставленный на шухер в бытовке) – быстро по кроватям, Шинэлка идёт!

Шинэлка выслушал доклад дежурного по роте, и пошёл по спальному помещению, периодически он останавливался, нагибался к лежащему, и проделывал какие – то манипуляции, я (со своего второго яруса) пытаюсь понять – что делает этот трезор? Когда он подошёл к соседней кровати, я разглядел – старая сволочь щупает пульс, пытаюсь определить, спит солдат или притворяется. Пытаюсь дышать размеренно, закрываю рот и дышу носом (чтобы бдительный майор не уловил алкогольных паров), сердце бешено колотится, если шинэлка пощупает мой пульс – я попадусь второй раз за день. Он задумчиво постоял у моей койки, развернулся и пошёл по направлению к канцелярии.

– Ну, чё, ушёл? – Седой хотел продолжения банкета.

– Не знаю, сходи посмотри.

Седой пригнувшись, побежал по проходу, и очень быстро вернулся назад.

– Ты чего?

– Он в канцелярии сидит, сука такая, срывает нам застолье.

– Подождём.

Минут через сорок, Седой повторил свой забег, результат тот же.

– Ладно, давай спать, продолжим в следующий раз.

Заново прокручивая в голове события дня, я отчаянно вертелся на постели.

– Слышь, ты чего там – трахаешься? Чего дёргаешься? Пришли и мне кусочек пиздятины, хоть бы пару раз ширнуть...

– Правую руку свою ширни, можешь даже не пару раз, а больше...

– А может, я к тебе на второй ярус запрыгну, и поностальгируем вместе, а?

– Иди к Шинэлке подкати, поностальгируй, остряк...

Ещё одно преимущество розовой воды – отсутствие утреннего похмелья, с утра нас ждала бодрящая зарядка – бег с голым торсом вокруг ароматно благоухающей столовой, гусиный шаг на плацу (любимое упражнение Коржикова, стоит кому –нибудь встать в полный рост, тут же следовала команда «отставить», все возвращались на исходное положение в начало плаца, и процедура повторялась вновь, пройти плац полностью удавалось раза с восьмого, полученного заряда бодрости хватало на целый день). Старшие товарищи (солдаты прослужившие дольше нас) не оставляли нас своим вниманием и заботой, как только мы входили в столовую, со всех сторон раздавались бодрящие, вселяющие

уверенность в завтрашнем дне крики «вешайтесь», стук металлических мисок об столы, свист – мы были окружены сочувствием и любовью. Самые гостеприимные люди работали на раздаче, особенно добрым самаритянином был один светленький сержант, заботясь о том, чтобы мы не набирали лишнего веса, и не страдали от одышки и сопутствующих ожирению явлений, он всегда накладывал нам такие микроскопические порции, что ими с трудом можно было бы насытить и воробья. Седой пытался возмутиться, его энтузиазм был тут же вознаграждён – ему в голову полетела тарелка, только реакция спасла его от повреждений. На просьбу Кочана положить ему мяса, последовал совет пососать клинтор старой бабки, легко понять, что походы в столовую очень быстро стали нашим любимым времяпровождением.

Приближалось время распределения по ротам, Седой и Кочан были счастливыми обладателями водительских прав, и поэтому считали, что комфортная служба в автороте им обеспечена, и поглядывали на меня снисходительно, как на человека, не имеющего перспектив в жизни. Шёл последний день нашего пребывания в приёмнике, мы сидели в ленинской комнате, ожидая распределения, в дверях появился сияющий Кочан.

– Ты чего это такой радостный, знаешь чего о распределении?

– А как же! Вам лохам со мной не сравниться.

– Куда тебя? В штаб что – ли?

– Почти. Домой. К маме.

– Что? Ты чего Кочанишка? Слишком долго в туалете пробыл? Нанюхался?

– Пошёл ты, меня комиссовали, папаша надавил на нужные рычаги, гудбай неудачники!

– А что у тебя, болезнь какая – то? Ты же здоров!

– Порок сердца третьей степени, я практически при смерти, будете доставать меня, умру прямо здесь, но предварительно обдам вас залпом дерьма – мышцы расслабятся перед смертью.

– Ну ты и гнида, и ведь молчал всё это время, слышь Седой, давай оставим нашему товарищу памятный знак, пусть вспоминает о военной службе, а?

– Это ты о чём?

– Прделаем ему в заднице дыру размером с арбуз, ты недавно просил ширнуть пару раз, твоя мечта близка к осуществлению, давай я его подержу, а ты расслабься, сбрось напряжение...

– Я тебе «подержу», ты чего городишь, сука, я вас обоих на тот свет отправлю!

– Ты посмотри, и это человек с пороком сердца третьей степени, тебе нельзя напрягаться, сердечко не выдержит, и мама получит тебя в красивом, чёрном пакетике, будь мягче, сделай товарищам приятное...

– Да вы чего, сбрендили оба – Кочан вскочил на ноги, и пытался сорвать с себя ремень, я просунул руки подмыш-

ки Кочана и заблокировал его голову сзади (сведущие люди называют этот приём двойным нельсоном), Седой неспешно поднялся, снял ремень, и ласково взяв Кочана за круглую щёку правой рукой, левой расстёгивал штаны, Кочан обречённо взвизгнул, и попытался вырваться. Все присутствующие в ленинской комнате с интересом наблюдали за происходящим, я почувствовал, что тело Кочана обмякло, и его стало трясти.

– Кочанчик, ты чего – плачешь, брателло, да мы рады за тебя, поздравляем!

Я развернул его к себе для того, чтобы по – дружески обнять, и получил удар в солнечное сплетение, от неожиданности я даже присел, было очень больно, из глаз текли слёзы, очень легко, без всяких усилий, словно вода. Кочан стремительно выбежал из ленкомнаты.

– Ммм, мне кажется, что Кочан нашей шутки не оценил, совсем.

– Ыгы...мм

– Что ты сказал? Прости, не всё разобрал.

– Ссс...

– А, ну да, точно, я думаю также, полностью согласен!

– Ссссука...

– Точно – точно! Ты просто гений красноречия!

4.

Шинэлка долго зачитывал список фамилий – все вышеназванные распределены в роту охраны, берём шинэлки и вы-

ходим строиться!.

Рота охраны встретила нас тишиной, в расположении был только дневальный, и дежурный по роте, он неторопливой, модельной походкой (одна косолапая нога перед другой) подошёл к нам, улыбнулся (продемонстрировав отсутствие передних зубов), и гостеприимно прошамкал – шафки ффанные, – и исчез из поля зрения.

– Чего он сказал?

Дневальный чётко, как и положено военному произнёс – старший сержант Пыжиков сказал, что вы все – сявки ссаные, добро пожаловать во Вторую РО и ХЗ!

Воодушевлённые оказанным приёмом, мы расселись в спальном помещении, ожидая дальнейших указаний. Спальное помещение делилось на две части, в отличие от приёмника, кровати здесь были одноярусные, побродив по помещению, мы обнаружили тренажёрный зал (в самом конце казармы).

– Класс! Буду ходить качаться! – мечтал маленький, коренастый крепыш с татуированными предплечьями. Прошло два часа, нас никто не бил, над нами не издевались, потихоньку мы стали осваиваться, служба уже не казалась такой страшной. Помещение наполнилось людьми незадолго до обеда, на нас никто не обращал внимания, складывалось ощущение, что нас просто нет. Людские ручьи обтекали нас, не задевая, солдаты смотрели сквозь нас, мы будто бы превратились в невидимок. После обеда к нам подошёл здоро-

венный ефрейтор, старательно глядя в сторону, он брезгливо произнёс – в бытовку все, бегом!

– Чего?

– В бытовку я сказал! Бегом, бля!

Вломившись всей толпой в бытовку, мы обнаружили там двоих солдат, сидевших на табуретках. Говорить начал тот, что был повыше и помощнее, темноволосый, круглолицый, с вывернутыми наружу губами, он презрительно сжегивал слова, с трудом сдерживая ненависть.

– Вы, душня ебаная, оказались во Второй роте охраны и химзащиты, наша главная обязанность – несение караульной службы, мы ходим в караулы через день (через день на ремень) и порядком заебались, поэтому, вы должны как можно быстрее выучить устав, и начать ходить в караул, чтобы мы с Филей (он мотнул головой, в сторону сидящего на табуретке товарища) могли отдохнуть. У нас тут зверья нет, никто не будет вас долбить просто потому, что вы – духи, но это не значит, что вы здесь будете шарить (шарить – отличное армейское словечко, означает «бездельничать»), всё, что приказывают «старые» – исполнять бегом, если не будете залупаться, всё у вас будет нормально, никто вас и пальцем не тронет. До полугода, вы – духи, прослужили шесть месяцев – пряники, год – черпаки, полтора – ветераны...

– Самое главное (с табуретки встал второй, голубоглазый, светловолосый, непристойно и неприятно улыбаясь) – вы попали в роту охраны, а это значит, что никто, ни один пидор

из другой роты, будь он хоть дед, хоть дембель, не может вас чмырить, посылайте на хуй любого, не можете дать ему по пиздюлятору, говорите мне, или Пиночету (он мотнул головой в сторону губастого), мы разберёмся, это понятно? Наша рота держит шишку в этой сраной части, всех остальных я видал... (далее следовал подробный рассказ, где именно он всех видал). Всё остальное догоните по ходу, свободны!

Рота состояла из четырёх взводов, первый и второй несли караульную службу, третий был комендантским – несли службу на КПП, четвёртым и самым маленьким по численности, был взвод химической защиты. Я попал в первый взвод, командиром второго взвода был долговязый прапорщик по прозвищу «Папик», чутко поводя усами, он обошёл новобранцев, мне показалось, что он принохивается к ним, выясняя – от кого из них можно ожидать неприятностей. Всех вновь прибывших, он передал в попечение здоровенного старшего сержанта Руслана Дудуевича, в то время как мы (первый взвод) спокойно учили устав, или чистили оружие, второй взвод мужественно нырял носом на пол под выкрики «вспышка справа», «вспышка слева», изображал слоников, выполняя команду «газы», или наслаждался процессом облачения в ОЗК. Мы мирно разбирали СКС, и в этот момент, какой – то дед в растянутом свитере толкнул меня под руку, и пробурчал – неправильно делаешь...

– Тебе чего, старый? Иди куда шёл, учить он меня будет, я этот карабин могу с закрытыми глазами собрать – разо-

брать...

Сержант из нашего взвода зажал нос и рот рукой, покраснел, и, фыркая, отбежал в сторонку, чтобы спокойно посмеяться, дед шарахнулся от меня, и ушёл в сторону канцелярии.

– Чего? Чего такого я сказал?

– Ничего – ничего, всё правильно, а то ходят здесь всякие...

Дневальный громко выкрикнул мою фамилию, сопроводив её командой зайти в канцелярию.

– Разрешите войти?

– Заходи.

Из – за стола энергично встал, и пружинистой походкой подошёл ко мне светловолосый капитан.

– Злобарь – знакомая фамилия... пьяница? Самовольщик? Это у тебя в приёмнике были проблемы со спиртным?

– Никаких проблем, подходишь и берёшь... подходишь и берёшь...

– А ты ещё и шутник... знакомься – он указал рукой на старика в растянутом свитере – командир первого взвода, старший прапорщик Андреич! Начальство надо знать в лицо! Для того чтобы улучшить тебе зрение, объявляю тебе наряд на службу вне очереди!

– Есть наряд на службу вне очереди!

Краснолицый, нос в форме турецкого ятагана, через слово сплёвывающий на пол, постоянно дёргающий левым плечом

(работа нервная) старшина Бейвнос был местной знаменитостью. Старшины других рот пугали им своих солдат, подобно тому, как матери пугают непослушных детей Букой – вот придёт Бейвнос, и порвёт вас на сотни маленьких, вопящих от боли солдатиков. Говорили, что он проходил срочную в нашей части, и искалечил двух дедов, пытавшихся припахать строптивного молодого. Он был счастливо женат, имел злобную жену (огромную белобрысую бабищу, носившую пару очаровательных, детских, розовых бантиков в сложно закрученных волосах) и дочечку Виту, нежное, воздушное, семипудовое создание, частенько звонившее по телефону в роту, и требовавшее папу к телефону, густым мужицким басом. Те, кто имел счастье видеть Виту вживую, говорили, что она вся в папу – усата, краснолица, и куртуазна в общении. Удивительно, но проводя свою жизнь в компании таких хрупких бутонов, Бейвнос всегда приходил из дому в плохом настроении. После доклада дежурного по роте, он неторопливо обходил спальное помещение, на взлётку летели, брошенные мощной рукой старшины мыльные принадлежности (лежащие не в том отделении тумбочки), спрятанные под матрасом носки, небрежно висящие шинели, слышался треск отрываемых шевронов (небрежно пришиты). Удовлетворив бросательный рефлекс, старшина переходил к ударным тренировкам, дежурный по роте мог получить удар в грудь кулаком, или маленькой, засаленной, пластиковой клюшкой весёлого оранжевого цвета по голове, спине, или ногам. Уни-

чтожив наряд морально (или физически, в зависимости от настроения) Бейвнос приходил в доброе расположение духа, становился весел и игрив. Утренний разнос, был для него своеобразной психотерапией. В день моего первого наряда, старшина был благодушен и мягок.

– Выходим на инструктаж.

Заступающий наряд в составе сержанта Пыжикова (того самого, беззубого красавца), рядового по прозвищу Бубер, и меня, выстроился рядом с курилкой, у входа в казарму. Бубер (низкорослый амбал с гигантскими, перевитыми венами предплечьями) громко, не стесняясь присутствия старшины, прогудел – щас опять про говно втирать будет.

– А как же, именно, именно! Старшина ласково, по – отечески глядел на меня – скажи мне, рядовой, сколько водки должен выпить солдат за два года службы?

– Сколько влезет, товарищ старший прапорщик!

– Молодец, а какая самая главная обязанность дневального?

– Следить за порядком в расположении роты?

– Неправильно! Сразу видно, что ты – молодой, и службы ещё не знаешь. Главная обязанность дневального – следить за чистотой очек!

– За чистотой чего?

– Толчка! – голос старшины обрёл силу и мощь.

– Один посрал и не смыл за собой, пришёл второй, навалил котяхов, желудки у вас как у котят, а срёте вы как лоша-

ди – огромными кучами, иной раз заходишь в туалет и удивляешься – какую жопу надо иметь, чтобы срать такими поленьями? Шпалы из дерьма лежат, такими узкоколейку вымостить можно! Дерьмо прессуется, лежит слоями!

От криков старшины трусливо примолкли птицы на деревьях, проходившие мимо молоденькие связистки, услышав рычащее, раскатистое «деррррьммо» испуганно шарахнулись в сторону, не обращая на них внимания, старшина продолжил.

– Для того чтобы дерьмо не прессовалось (Бубер устало закатил глаза) дневальный должен раз в полчаса, налить в тазик воды, и смыть во всех очках, а затем пройтись по ним кирпичиком, хлорочкой, очки должны блестеть как у кота яйца! Вы привыкли пёзды вонючие щупать, да стаканы опрокидывать, ни хуя делать не хотите, всё ноете, словно маленькие девочки – «этого нет, того нет, работать не можем», а здесь девочек нет! Здесь есть мальчишки с большими хуями, и главная ваша обязанность – чистота очек!

От последнего вопля старшины, жалобно дзинькнули стёкла первого этажа. Про Ричарда Львиное Сердце писали, что он был обладателем настолько мощного голоса, что от его криков приседали кони, сдаётся мне, что (по сравнению с Бейвносом) он был просто писклявым кастратом.

– Всё понятно?

– Так точно!

– Пыжиков, отгадай загадку – залупился и висит?

– Не знаю.

– Жёлудь. А ещё одну. Залупились, и висят?

– Жёлуди.

– Декабристы. Надо было историю учить в школе, глядишь и в армию не попал бы. Инструктаж окончен.

5.

Все заступающие в наряд, караул, на КПП, выстроились на плацу. Дежурный по части, круглолицый, с отливающими синевой, гладко выбритыми, круглыми щеками, рассматривал стоящее перед ним воинство через толстые очки, нижняя губа его была брезгливо оттопырена. Бубер пробасил – Муся – фашист сегодня дежурит, жди каких –нибудь гадостей. «Муся – фашист» неторопливо следовал вдоль строя, выборочно спрашивая обязанности дневального, дежурного по роте, дойдя до роты охраны, он остановился, и сладострастно прикусив губу, произнёс.

– Газы!

Все заступающие в караул, мгновенно одели противогазы. «Муся» стал рыться в подсумке ближнего к нему солдата, и вытащил оттуда пакет с белым порошком – отставить газы!

– Это что?

– Протеин.

– А – а, знаю – знаю, протеин, кокаин, героин...

– Да нет, я качаюсь, мне для набора массы надо...

– Качаешь? По вене что – ли?

– Товарищ майор...

– Этот мешок я отдам командиру роты. Пусть этот ваш ММ – м Чмырепан, разбирается. Правую ногу к осмотру.

Все покорно вытащили из сапог правую ногу.

– Носочки носим! Не по уставу. Я снимаю вас с караула, вы не готовы к заступлению, пусть ваш ротный зайдёт в штаб.

«Муся» спокойно прошёл до конца строя, репрессии закончились, остальные роты заступили в наряд в полном составе.

– А чё, у нашего ротного фамилия Чмырепан?

– Нет, он Мазепан, просто у них с «Мусей» какие – то тёрки, ещё с училища, они друг друга ненавидят, да ещё Мазепан у него жену увёл с двумя детьми, при каждом удобном случае «Муся» ему гадит.

– Так что, караул не заступит сегодня?

– Заступит, Мазепан ходит в штаб, поорут друг на друга, и всё устаканится.

По возвращению в роту, Пыжиков распределил обязанности: ты (он указал на меня) – дневальный свободной смены, принимаешь наряд, ты – на тумбочку. Не успел я насладиться свободой, как Бубер проорал «дневальный свободной смены».

– Встань на тумбу, я покурю пойду.

Больше в этот день я его не видел, все мои крики остались без ответа, изредка, привлечённый моими воплями, из ленинской комнаты вылезал заспанный Пыжиков, посмотрев

на меня мутными спросонья глазами, он возвращался обратно, ко сну. После отбоя Пыжиков сменил меня на тумбочке – иди, порядок наведи.

– А где этот, Бубер?

– Да он старенький уже, спит где –нибудь, не будем беспокоить ветерана.

Порядок я навёл быстро, дел было всего ничего: вычерпать совком воду с пола в умывальном помещении, протереть полы, выровнять шинели, начистить очки, и ... всё.

– Теперь слушай (неповторимая дикция сержанта меня восхищала – феферь фуфай), сегодня дежурит «Муся – фашист», он любит прийти часика в три, украсть огнетушитель, штык – нож, или ещё что –нибудь, как услышишь скрип двери на первом этаже, выглядывай в просвет, иди сюда – видишь?

Я заглянул между лестницами – были видны перила и часть лестницы.

– Если видишь офицерский погон, будишь меня быстро, сразу, в прошлое дежурство Муси, это животное украло у дневального штык – нож, Мазепан меня утром за яйца схватил и таскал по всему спальнику, хочешь, покажу – до сих пор синева не прошла! Показать?

– Нет, спасибо, не надо.

– Ну, всё, не скучай, я в первом спальнике, на комендантских кроватях, если чего, ори громко, да, и Муся любит подняться потихоньку, и приложить свой палец – сардельку к

жирным небритым губам (у него щетина отрастает за полчаса, вечером уже бородатый), дескать, не зови дежурного по роте, так вот, не ведись на эту хрень, ори громко – громко, понял?

– Понял.

– Всё давай, «мужественно преодолевай все тяготы и невзгоды военной службы». В два часа разбудишь Бубера, пусть сменит тебя.

После отбоя, жизнь в воинской части только начинается. Из качалки вышла группа гориллообразных качков, голые, потные, поигрывая рельефными татуированными мышцами, они, светски беседуя, проследовали в умывальное помещение, где начали весело плескаться ледяной водой, звуки были такие, будто стадо бегемотов одновременно прыгнуло в реку. Напрудив целое озеро, качки скрылись в спальном помещении. В канцелярии расположилась группа дедов – хомяков, они поставили чайник, разложили еду, вызвали одного пацанчика с моего призыва и отправили его в столовую, за хлебом и мясом. Он вернулся с пустыми руками, и тут же был отправлен обратно, видимо текст повторного послания был более убедительным, гонец пришёл гружённый свёртками со жратвой. Несколько человек расселось возле телевизора, громко гогоча над одесскими комиками из «Маски – шоу». В спальном помещении несколько энтузиастов обступили турник – состязались в «американку». Со второго этажа поднялся расстрёпанный связист – слышь, зёма, у вас ги-

тара есть?

– Не знаю, а что?

– Да у меня конфликт вышел там, внизу, с уродом одним...

– И что?

– Как что? Ща, гитарой по башке заеду ему, что останется от гитары, верну тебе.

– Ты серьёзно?

– А чё, похоже, что я шучу? Где гитара?

– Не знаю.

– Слышь, а чё ты мне полчаса мозг выносишь? Гитару давай!

– Ты бы шёл отсюда, покуда ходить можешь.

– Шо? Ты шо, салобон?

Связист делает шаг вперёд, замахиваясь кулаком из – за спины, ярываю дистанцию, и бью его правым прямым подбородок, он оседает на пол, словно наткнувшись на невидимую стену, его моментально начинает рвать. Из канцелярии неспешно выходит старослужащий – чего тут? А, Гаврила, что это с ним?

– Выпил, наверное, затошнило.

– Ты давай, уберись тут, а то мы ужинать собрались, а тут блевотиной воняет.

Я стаскиваю мычащего связиста на второй этаж, и оставляю у входа в роту, поднимаюсь наверх и начинаю убираться.

– Зольдатик! Хайль Гитлер!

У входа в роту, счастливо улыбаясь, стоит абсолютно пьяный солдат, с изуродованным шрамами, угрями лицом, похожим на драчёвый напильник.

– Позвони дежурному, скажи, что я пришёл. . .

Он бредёт в сторону спального помещения, дирижируя невидимым оркестром.

– А ты кто?

«Дирижёр» не отвечает мне, и скрывается в спальнике. Я заглядываю в канцелярию – кто этот ужравшийся, с такой страшной как рашпиль, мордой?

Деда заливаются от восторга – Рашпиль, бля! В точку, я его завтра заебу этой кликухой! Это банщик. Звони дежурному по части, доложи, что он пришёл.

Пока я докладываю дежурному о баншике, снизу слышится грохот пружины – кто – то вошёл в дверь. Выглянув в просвет, я вижу офицерский погон – шухер, дежурный по части! Деда, матерясь, бегут в спальное помещение. Муся – фашист поднимается по лестнице медленно, часто останавливаясь для того, чтобы передохнуть, встретившись со мной взглядом, он мило улыбается и прикладывает упитанный пальчик к губам – не зови дежурного по роте, мы же свои люди! Я улыбаюсь в ответ, утвердительно киваю головой, и как только он заносит ногу над порогом, оглушительно ору – дежурный по роте на выход! Муся огорчённо смотрит на меня – как же так, мы же договорились? Я смотрю ему прямо в глаза, и при этом сочувственно улыбаюсь, из спальника вы-

ходит Пыжиков, на его лице вмятины от подушки, в уголке рта повисла ниточка слюны, спросонья он неправильно надел шапку, кокарда (которая должна быть по центру) расположилась над ухом героя.

– Сладко спите, товарищ сержант.

– Никак нет, я не спал (сиплым спросонья голосом бормочет Пыжиков).

– Головной убор поправьте, а то не по уставу одет.

Пыжиков исправляется, и вместе с Мусей уходит в спальное помещение, они быстро возвращаются, Муся уходит, по его лукавой ухмылке видно, что он задумал какую – то гадость.

– Сколько время?

– Без пяти два.

– Ага, буди Бубера, только убедись, что он проснулся, и можешь отбиваться, всё я в спальнике, а, отзвонись в первый караул, скажи, что Муся ушёл, пусть ждут. Не успеваю я снять трубку телефона, как она начинает дребезжать – дневальный второй роты охраны и химзащиты, рядовой... Меня перебивает тягучий, невыносимо порочный голос похотливой самки

– Солдатик, мне так одиноко, я лежу одна, в холодной постели, абсолютно голая, молодая, сексуальная, и рядом нет никого, кто мог бы скрасить моё одиночество... а тебе, тебе не одиноко, а? Солдатик, тебе не хочется тепла, ласки, любви? Я глажу своё прекрасное тело, и чувствую, как нега охва-

тывает меня, я становлюсь влажной, моим щекам горячо...

– Кто там?

– Баба какая – то, рассказывает о том, что она стала влажной...

– Посылай её, тут полно таких пиздострадалиц, каждую ночь звонят, одни разговоры, а толку никакого.

– Алё, слышь, как там тебя – за щеку возьмёшь?

– Чтооо?

– Любишь сосать большой, тёплый...

– Урод!

В трубке пошли короткие гудки, Пыжиков сладко заулыбался – а ты – молодец! Давай, звони в караул!

Отзвонившись, я разбудил Бубера, тот поплёлся в канцелярию, и завалился на стол, решив, что это не моё дело, я спокойно пошёл спать. После завтрака Бубер проорал своё «дневальный свободной смены», и исчез из поля зрения. Бейвнос поднялся по лестнице, поплёвывая на пол, и дёргая плечом сильнее обычного, опытный Пыжиков, распознав эти неблагоприятные симптомы, скрылся в спальнике.

– Дневальный, сколько огнетушителей должно быть в роте?

Я быстро бросил взгляд на стоящую у входа стойку с огнетушителями – четыре.

– Правильно, а в наличии только три, вопрос – где ещё один огнетушитель?

– Его на пожарку унесли, заряжать.

– На пожарку? Заряжать? Да я его лично заряжал месяц назад, ты чего городишь?

– ?!

– Где огнетушитель? А? Товарищ солдат? Вы дневальный или где? Не можете объяснить? Снимаю вас с наряда, сегодня заступите снова. Дежурный по роте! Смени этого... на тумбочке...

Пыжиков встал вместо меня – где огнетушитель?

– Да я откуда знаю, в моё дежурство был на месте, у Бубера спрашивай.

Старшина вышел из каптёрки – эй ты, как тебя там, бери лопату со мной пойдёшь.

В сушилке стояло несколько сломанных лопат, и ни одной целой, я в замешательстве замер.

– Чего копаешься?

– Да тут ни одной целой лопаты нет, все сломанные...

– А тебе нужна с голубой каёмочкой, и чтобы пиздятиной пахла, да?

– Ну да, неплохо бы.

– Бери любую. Пошли.

Старшина привёл меня на малый плац (малый он был по сравнению с большим), располагавшийся за казармой.

– Вот твой фронт работ, к обеду доложишь о выполнении.

Плац был завален снегом, сюда не ступала нога человека с лопатой, чтобы убрать его, понадобится несколько жизней.

– Насчёт огнетушителя, дежурный по части звонил мне,

и сказал забрать огнетушитель из штаба. Он его ночью спёр, пока ты спал.

– Я не спал.

– Значит кто – то другой проспал, неважно. Запомни сопляк, в армии ебут не за то, что ты сделал, а за то, что ты паляшься. Ты спалился, тебе и отвечать.

– Я не спалился.

– А кто? Бубер? Мне сказать ему, что ты на него стрелки перевёл?

– Ничего я не переводил.

– Тогда чисти снег, в шесть часов заступишь заново.

6.

Старшина затаил по отношению ко мне тёплые чувства, каждое утро он методично снимал меня с наряда, и вечером я заступал вновь. Таким образом, я спал по четыре часа ночью, и ещё полтора перед заступлением. Мотивировав меня подобным образом, старшина добился того, что меня охватило чувство горячей любви к людям, я был полон гуманизма и человеколюбия.

– Слышь, ты, вещмешок понеси.

– С какого перепуга?

– Чего? Борзеешь, душара. Слышишь Пиночет, у нас тут дерзкий типок нарисовался.

Пиночет плотоядно улыбнулся, и облизнул вывернутые губищи.

– Не будешь нести вещмешок?

– Нет.

Я остановился на верхней ступеньке, прикидывая в уме – кого из них первого ударить ногой, пользуясь тем, что я стою выше, чем они. Филя спокойно смотрел на меня со своей обычной, непристойной улыбкой, ситуация забавляла его.

– Хорошо, в туалет приходи, через пять минут, придёшь?

– Угу.

Правую часть туалета занимали кабинки, Филя курил, положив на дверь кабинки левую руку, Пиночет стоял у дальней стены.

– А ты – наглый, люблю наглых, сам был такой, пока не попал сюда. Тебя чего, ещё не били?

– Били.

– Слабо били, не били, а гладили. Когда мы с Пиночетом были духами, здесь был дед такой, Брызжик, очень любил, чтобы ему перед сном сказки рассказывали, без сказки не засыпал, если повторяешь одну и ту же сказку, он сердится. А когда Брызжик сердится, то он берёт гантелю и бросает её в спальное помещение – кому повезёт. Здорово, да? Ты спишь, а тебе в голову десятикилограммовая гантеля прилетает – сюрпрайз! Если сказка казалась ему скучной, он снимает дужку с кровати, и ебашит тебя по голове – веселее давай! Приколист был этот Брызжик, бил и приговаривал – думай позитивно! Клёво, да? Пиночет, покажи ему.

Пиночет повернулся спиной, раздвинул волосы на затылке, и я увидел несколько уродливых шрамов, беспорядочно

пересекающих кожу головы.

– Пиня никогда не умел сказки рассказывать.

– Трогательно.

– Угу, а ещё у нас с Пиней шишки на груди были, незаживающие, синего цвета, и фанера дышала, можно было рукой подвигать туда – сюда, Брызжик отрихтовал.

Филя был мастер разговорного жанра, его речь журчала как ручеёк, слова лились нескончаемым потоком, скоро я перестал понимать их смысл, и видел только движение его губ, ход времени замедлился, очертания предметов утратили чёткость, несильно кружилась голова, руки налились тяжестью, я не смог бы поднять их даже на уровень груди...

– ..называется кайфуцу!

Филя ударил коротко, без замаха, ощущение было такое, будто я на скорости налетел на бетонную сваю – невозможно вдохнуть и выдохнуть, удар пришёлся точно в грудину, сердце замерло, я сползаю на пол, и вижу кафельную плитку пола, близко – близко перед глазами красные и жёлтые плитки, расположенные в шахматном порядке. Филя приседает рядом, и с интересом заглядывает мне в глаза, его губы продолжают шевелиться, я не слышу ни звука, только шум крови в ушах. Меня хватают за шиворот, и ставят на ноги, неожиданно появляется звук.

– Дыши.

– Что здесь происходит?

Мазепан стремительно входит в туалет, загоразивая вы-

ход.

– Заходим мы с Пиночетом сюда, для того, чтобы справить естественные надобности...

– С каким ещё Пиночетом? С чилийским диктатором, что ли?

– С Пиней... то есть, рядовым Вафиным, так вот, заходим мы, а оно лежит тут поперёк прохода, дорогу загораживает, ну, мы и подняли это тело, прислонили к стене.

Мазепан подходит ко мне вплотную, я вижу сиреневые прожилки на крыльях его носа – тебя били?

Я отрицательно мотаю головой, речь ко мне ещё не вернулась.

– Точно?

Я мотаю головой утвердительно.

– Свободны. Шагом марш отсюда, оба, ты останься.

Филя и Пиня неторопливо, без суеты обходят ротного, и мы остаёмся в туалете одни.

Гоняют? – в голосе командира роты звучит сочувствие. – Я мог бы облегчить тебе прохождение службы, а то я гляжу, несладко тебе приходится, старшина тебя полюбил, чем ты ему досадил, кстати?

Ко мне вернулась способность говорить – я симпатичный, мне кажется, я ему нравлюсь.

– Понятно, и старослужащие к тебе равнодушны, ты окружён всеобщей любовью. Хочешь, чтобы твоя жизнь изменилась к лучшему? Пошлём тебя в школу сержантов, по-

лучишь лычки, ничего тяжелее ложки поднимать не будешь, в карауле на пост выходить не надо, спи всю ночь – красота! Потом в отпуск поедешь, водка, девки, все радости жизни! Уволишься в нулёвку, сразу после приказа, уже в октябре дома будешь! Не служба, а мечта!

– Сладко... сладко поёте товарищ капитан.

– Всё правда, от первого слова до последнего, всё это твое, бери.

– Ага, а взамен, я должен заняться виртуозным стучанием, стук – стук – стук, я – твой друг!

– Какие убогие, нелепые представления о жизни. Ты не стучишь, ты сообщаешь о негодях, совершивших правонарушение, исполняешь свой гражданский долг, это должен делать любой честный гражданин, только так мы можем пресечь неуставные отношения, мы устроим над мерзавцами показательный судебный процесс, отправим их в дисбат, остальные испугаются, и дедовщина будет искоренена! Ну, ты согласен? Соглашайся, и оставшиеся полтора года службы пролетят как один прекрасный день.

– Я в детстве один хороший фильм смотрел, «Кремлёвский мечтатель» называется...

– Я тебя не тороплю, такие решения просто не даются, подумай пару деньков.

– Нечего тут думать, никто меня не бил, у меня был приступ астмы.

– Из чувства ложного товарищества, ты покрываешь опас-

ных преступников. Смотри, дело твоё, не хочешь как хочешь, здесь стукачей достаточно, и заставлять никого не надо, сами приходят, ты бы удивился, если бы узнал, сколько их – десятки!

Мазепан вышел из туалета, оставив меня одного. Я закуриваю, и гляжу в окно, на подступающий к казарме лес, за лесом идёт железная дорога...

Чего он тебе так долго втирал? – Филя неслышно вырос рядом.

– Уговаривал сдать тебя.

– И ты?

– Согласился. Жди вызова в канцелярию, поедешь на дзель.

– Узнаю, что стучишь, на дембель поедешь частями, в отдельных пластиковых мешочках, как Брызжик.

– А что с ним случилось?

– Огромное несчастье, все были шокированы...

– Что за несчастье?

– Смерть молодого, здорового человека – всегда несчастье (Филя деланно, со всхлипом вздохнул). Брызжик стоял в первом карауле, во вторую смену, в четыре часа пришли его менять, и нашли лежащим на железнодорожных путях, дембельнулся в виде фарша.

– Самоубийство?

– Наверное – Филя смотрел на меня, не мигая – разное говорят...

– Рота, строиться на вечернюю поверку!

Филя никак не отреагировал на вопли дневального, я пошёл строиться, порядок был таков: молодые стоят в первых рядах, старые позади. Старшина произносил фамилии, молодые громко выкрикивали «Я», старые негромко сжеживали звук, похожий на «и» краткое.

– Слабенко!

– Я.

– К тебе приехали родители, завтра получишь увольнительную.

– Есть!

Слабенко – парень моего призыва, здоровенный белобрысый бугай из Казахстана, огромные мышцы диссонировали с детским, сморщенным личиком новорожденного младенца. После поверки его плотно обступили.

– Лёха, пожрать принесёшь?

– Без базара.

– И покурить!

– Ясен пень.

– Надо придумать, как всё это занывать, чтобы деды не нашли.

– Я в тумбочку положу, а там сами разбирайтесь.

– Лады.

– Слышь, ты, сюда иди – Слабенко звали к себе старые. Один из дедов ласково, по – родственному обнял блондинчика за плечи, его дружески тыкали в грудь, смеялись, шути-

ли – когда речь идёт о жратве, даже старые становятся мягкими, и шелковистыми, в тех случаях, когда на горизонте маячит соблазнительный шмат сала, кокетливые кольца варёно – копчёной колбасы, похотливо текущая селёдка... Слабенко вернулся от дедов, воодушевленный оказанным приёмом – придётся с ними делиться, они просили.

– «Просили»? Ты чего, совсем лох?

– Ладно, жратвы на всех хватит, они из самого Казахстана не с пустыми руками приехали!

– Дело твоё.

Утром Слабенко ушёл в увольнительную, нас распределили на работу, пересеклись мы вечером, Слабенко пришёл продлить увольнительную до утра, он шёл из спальника в сопровождении радостно – взволнованных мамы и папы.

– Где?

– В тумбочке смотри.

Армейская тумбочка рассчитана на двоих, небольшая деревянная коробка делится на два отделения, верхний ящик для туалетных принадлежностей, нижний для личных вещей, хранить еду запрещено. Слабенко делил тумбочку с замкомвзвода Барклаем, открыв её, я обнаружил две палки колбасы, банку варенья, и кусок сала.

– Кащей! Кащей! Иди сюда!

– Чего?

– На, запихивай сало под ПШ, я возьму колбасу, варенье придётся нести так.

Захватив с собой третьего друга (кривоногого Самеда) мы несёмся к выходу из казармы, дневальный недоумённо кричит – вы куда?

– Старшина сказал срочно на второе КПП подойти, сказал бегом!

– А, ладно, я вас в расход заношу! (расход – сводная таблица прибывших/убывших, по которой можно точно определить – какое количество военнослужащих находится в расположении роты, какое в командировке).

Выскочив на мороз, мы начинаем жевать колбасу, бешено работая челюстями, после колбасы приходит очередь сала, Самед и я, одновременно вгрызаемся в шмат с двух разных сторон, Кашей беззубо хохочет, не забывая совершать глотательные движения – вы как эти, из мультика – «Кто сказал Гав?».

– Жуй – жуй, глотай! Самед, а тебе религия не запрещает свинину есть? Это же харам!

– Не пизди о том, в чём не разбираешься, «харам», нахватался слов, а тебе православному не запахло есть мясо, сейчас вроде пост?

– Чё, в натуре? Я не знал, ну тогда один – один, в мою пользу.

На десерт у нас была трёхлитровая банка крыжовенного варенья, варенье было густое, тягучее, мы давимся, но приканчиваем её, и сыто отдуваясь, поднимаемся наверх, в роту. Первый раз за полгода нам удаётся вдоволь наесться, жизнь

кажется прекрасной и безоблачной.

– Алё, сюда иди – Барклай небрежно машет мне рукой – тебя на гражданке часто били?

– Ну, бывало, а что?

– И каждый раз за то, что брал чужое?

– Чего? Нет, не было такого.

– Куда жратва делась из моей тумбочки?

– А я откуда знаю?

– Знаешь – знаешь, тебя видели, видели, как ты рылся в моей тумбочке.

– Я забрал своё.

– «Своё»? У тебя ничего своего нет, где колбаса, сало, где всё?

– Переваривается.

Стоящий рядом с Барклаем здоровяк пробасил – да чего ты с ним базаришь? Веди в спортзал, отрихтуй его, через пять минут хавка будет здесь, хули там рассусоливать?

– Нет, я хочу разобраться – кто из нас двоих баран, сало-бон считает нас лохами, вскрыл мою тумбочку и издевается, я не верю, что он такой дерзкий. С какого перепугу, ты влез в мою тумбочку, ты знаешь, что бывает с крысами? Последнего, кто у нас крысятничал, засунули в такую тумбочку, и сбросили с третьего этажа, ты тоже хочешь полетать?

– Я – не крыса.

– Чего ты полез в мою тумбочку?

– Она не только твоя, она у вас со Слабенко общая.

– Ну и что?

– Я спросил у него – где еда? Он сказал – посмотри в тумбочке, ну, я и посмотрел.

– Может он про твою тумбочку говорил? Стоять! Сима посмотри в его тумбочке.

Белобрысый старший сержант открыл мою тумбочку, и (под радостный смех дедов) вытащил оттуда четыре батона колбасы, копчёную курицу, здоровенный шмат сала, и две банки варенья.

– Я всё это забираю? Ты как – не против?

– Против.

Дудуевич побагровел от злости – ты с кем тут базаришь, сука? Баркуша, что происходит? Ты что – демократом заделался? Какого... ты время на него тратишь? Душара твою тумбочку вынес, оставил нас без жратвы, чего тут неясного? Какой – то сопляк над нами издевается – он передразнил меня «я против», да я его соплёй перешибу...

– Расслабься Руслан, произошло недоразумение, парень не борзый, он просто перепутал, правильно я говорю, а, душара?

В казарме стало тихо – тихо, с улицы доносился стук работающего генератора.

– Правильно я говорю?

– Нет, не правильно, я из твоей тумбочки в два раза меньше жратвы вытащил...

Дудуевич делает подшаг вперёд, и бьёт меня правым пря-

мым в подбородок, взлётка стремительно приближается, и наступает темнота...

7.

– Что у вас заболело на этот раз, товарищ солдат? Приступ дизентерии? Свинка? Может быть коклюш?

– Полез шторы поправлять, табуретка из – под ног выскользнула...

Бейвнос смеётся довольный

–Сказочник, тебе бы книжки писать!

Мазепан отрывисто бросает, не глядя в мою сторону – пошёл вон отсюда, урод!

Я выхожу из канцелярии пошатываясь, в ушах звенит, меня немного подташнивает, откуда – то сбоку подбегает Фанк (земляк, одного призыва со мной), и начинает сладострастно прищёптывать.

– Чего – то зачастил ты в канцелярию, неспроста это, ох неспроста, видно правильно про тебя говорят – сдаёшь друзей, как стеклотару...

Я бью его правым боковым, попадаю в челюсть, Фанк падает, коротко, по – щенячьи взвизгнув, не оглядываясь на него, я иду в качалку, валюсь на маты, и проваливаюсь в сон...

В столовой меня останавливает Фома (вместе были в приёмнике) – ну, как у вас там дела? Ох, рано, встаёт охрана?

– Блестяще, а как у вас делишки, карданы вонючие?

– Да я в командировке был, первый день вернулся, кра-

сота! Нам, водилам, хорошо, в караулы ходить не надо, не служба, а сплошная шара, все водилы – красавцы, это вы охрандосы все беспонтовые подобрались, жалкое зрелище, вас чего там – ушибают сильно?

– Ты чего – дурак? У нас дедовщины нет, есть старые, добрые традиции.

– Говорят, что у вас ротный на уставе помешан, это правда?

– Не замечал.

– Переводись к нам в автороту, сам себе хозяин, никакого устава, «полетаешь» полгода, а затем...

– Чего ты меня уговариваешь, ты ещё в роте не был, откуда ты знаешь, каково это?

– Да хуже, чем у вас в охране, не бывает, посмотри на ваши постные рожи, как – будто политуры напились на завтрак!

– Зато ты у нас – бодрячок наскипидаренный, тебе не кажется, что ты рано радуешься? Поговорим через пару месяцев, лады?

– Не о чем с тобой говорить, рота у вас лоховская, да и сами вы...

– Не кажи гоп...

На раздаче не было чистых тарелок, я подошёл к окошку мойки – алё! Дай тарелку!

Тарелка полетела мне прямо в лицо, я еле успел выставить вперёд руку, кругляш с надписью «общепит» срикошетировал, и упал на пол, разбившись на мелкие осколки.

– Э, вы чё там, охуели? Чё за...

Я заглядываю в окно, и осекаюсь на полуслове – на меня в упор смотрит азиат, тот самый, что срубил меня в приёмнике.

– Тарэлька нужен? Иди суда, возми!

Я сплёвываю на пол, и сажусь за свой стол, понимая, что сегодня остался без обеда. Пока все жуют, я медленно наливаюсь тяжёлой злобой, сука нерусская, из – за тебя мне не жрать теперь, что ли? Я встаю из – за стола, старшина лениво спрашивает – куда собрался?

– Пойду на кухню, тарелку возьму.

Прохожу на кухню, к окну раздачи посуды, азиата там нет, иду дальше, и у мойки, там, где расположены четыре огромных раковины с мутной от жира водой, вижу напевающего что – то вполголоса солдата.

– Слышь, ты! Где этот нерусский, который тут посуду мыл?

Солдат оборачивается, и оказывается Лошариком, тем самым, который и привёл азиата в мою жизнь. Лошарик заискивающе улыбается – тебе чего, зёма?

– Я тебе не зёма, пидор вонючий.

– Не надо нервничать...

– Узнаёшь меня?

– Ннет, а мы чё, знакомы?

– Ага, я тебе клешню отказался пожать, и ты, сука трусливая, за старшими сбегал.

– Не помню такого, ты меня с кем – то перепутал, зёма.

– Да похуй, помню – не помню, щас я тебя суку, рвать буду.

– Братишка, ты чего? Я тебя не знаю, не надо...

Лошарик хватает разделочную доску, и бросается на меня, широко разинув рот – аaaa! Я делаю уклон, и выбрасываю, правый боковой, Лошарик отлетает к раковине, я бью его ногой в лицо, вкладываясь в удар, слышен приятный хруст, по лицу Лошарика течёт кровь, я поднимаю его за воротник, и окунаю головой в раковину с мутной водой, он начинает трепыхаться, отчаянно дёргая руками и ногами, я держу его долго, убедившись в том, что пару литров он выпил, отпускаю руки. Тело падает на пол с громким стуком, его бурно рвёт, сгустки крови, остатки полупереваренной пищи – всё это льётся на грудь, он громко втягивает воздух, хрипит, и вдруг начинает тихонько плакать – сукааа, сколько можно, когда это кончится! Все меня чмырят, и деды, и черпаки, а теперь и ты... Я так больше не могу... чего я вам всем сделал, ... не могу терпеть больше...

Я подхожу ближе, легонько тыкаю его носком сапога в висок, он послушно заваливается на бок, словно неживой, я ставлю ногу на голову таким образом, чтобы давить каблучком на ухо, нажимаю сильнее, вызывая крик боли – как зовут этого азиата?

– Бату.

– Так и зовут?

– Нет, у него какое – то длинное имя, Эрдэна...бат, не выговоришь короче, все зовут Бату.

– Сколько он прослужил?

– Черпак.

– Он что – реально крутой?

– Да, он боец, резкий, быстрый, тебя уделает...

– Посмотрим.

Я смачно, с удовольствием плюю Лошарику в лицо, и выхожу с кухни. Старшина недоумённо смотрит – где тарелка?

– И так полегчало.

– Ну и ладно, рота! Закончить приём пищи!

Старые неторопливо доедают, перебрасываясь репликами, молодые вскакивают, и выбегают из столовой, дожёвывая на ходу. Старшина настроен благодушно – ты (он показывает на меня) – песню, запевай!

– Взвейтесь соколы орлами, полно горе горевать!

Рота подхватывает – то ли дело под шатрами, в поле лагерьем стоять!

Когда до казармы остаётся несколько метров, Бейвнос тем же благодушным тоном замечает – отставить! Последние ряды не поют. Круугом!

Мы возвращаемся к столовой, и проходим путь заново, на середине плаца старшина заворачивает нас вновь – не в ногу идёте! Пять раз, прогнав роту туда – обратно, он разрешает войти в казарму. Мы быстро поднимаемся по лестнице, идущий за мной маленький, коренастый Мамчик судорожно

жуёт горбушку – э, алё! Не наедаешься? В столовой времени не хватает?

Филя радостно, и многообещающе улыбается Мамчику, и орёт – дневальный! Беги в столовую, принеси буханку чёрного. Мамчика ставят к стене, он ещё не понял – в чём именно он виноват, жалко улыбается побледневшими губами – ребят, вы чего? Я.. просто не успел... времени не хватило... не привык так быстро... Деды рассаживаются на табуретках в ожидании шоу, обстановка напоминает кинотеатр – зрители в нетерпении ожидают начала сеанса. Дневальный приносит буханку чёрного – свежего не было, дали какую – то чёрствую...

– Так даже лучше.

Филя протягивает буханку Мамчику – на, ешь.

– Да я не хочу больше, я наелся...

– Я не спрашивал тебя, хочешь ты или нет, ешь!

– Да я...

– Жри сука!

Филя хватается за хлеб, и запихивает его в рот Мамчику, тот начинает жевать чёрствую корку, и когда он совершает первое глотательное движение, Филя молниеносно бьёт его в грудь, Мамчик падает на пол, из открытого рта вываливаются куски непрожёванного хлеба – встать! Быстро! Мамчик с трудом встаёт на карачки – быстрее! Подними хлеб. Тебя салобона, что, не учили – хлеб всему голова! Поднимай всё, до последней крошки, ешь! Мамчик растерянно смотрит на

Филю – ну? Быстро! Поднимай с пола! Жуй!

Дрожащими руками Мамчик собирает полу прожёванные куски с пола, и растерянно замирает – вдруг это уже всё? Шутка закончилась, и урок усвоен.

– Ешь!

– Ребят, я всё понял, я больше не буду, я...

Филя хватается Мамчика за уголки рта, и с усилием растягивает их в стороны, словно шлем – маску противогаза, Мамчик привстал на цыпочки, и (судя по посиневшим губам и бледному лицу) он готов потерять сознание.

– Пиня! Загружай!

Пиночет хватается хлебную массу с пола, и запихивает в рот плачущему Мамчику, Филя отпускает бедолагу, даёт ему пожевать, и вновь наносит удар в грудь, хлебная каша вываливается из полуоткрытого рта, Мамчик сгибается пополам, Филя выпрямляет его апперкотом, тот валится на пол. Филя ждёт несколько секунд – встать! Быстрее! Мамчик с усилием поднимается, Филя ласково поглаживает его по щекам – больно? Ну, ничего, ничего, осталось чуть – чуть потерпеть, ты же у нас молодчинка, так ведь?

– Тттак...

– Ну, вот видишь, как всё здорово!

Быстрый удар в грудь вновь валит Мамчика с ног, он хрипит на полу, с трудом выкашливая клейкую массу, глаза вылезают из орбит, синие губы беззвучно открываются в попытке вдохнуть воздуха.

– Вы – солобоны тупые, должны усвоить – из столовой ничего не выносить! Есть только за столом, никаких горбушек, корок, сухарей, ничего!

Филя присел рядом с Мамчиком – что сучонок, не наедаться?

– Ннет, наедаюсь...

– Вот и славно, давай прибири за собой, развёл тут сви-нарник.

– Сходить за шваброй?

– Чего? За какой шваброй? Ротиком поработай.

– Ты чего? Шутишь? Чего я тебе сделал? За что ты так со мной?

– Ты – крыса ебаная, позоришь нашу роту, таскаешь куски из столовой...

– Я же не знал, я больше не буду...

– Теперь знаешь, давай дохлёбывай и уёбывай.

Мамчик встаёт на карачки – не буду...

– Я не расслышал?

– Я не буду, есть это... эту...

– Уверен?

– Да, не буду, я тебе чего...

– Пиня, держи его!

Пиночет садится Мамчику на спину, Филя хватает Мам-чика двумя руками за правую ногу в районе подъёма, и тянет на себя, выдёргивая её из бедренной суставной сумки, раздаётся громкий хрустящий звук, от которого к горлу подка-

тывает тошнота, Мамчик вскрикивает, и пытается вырваться из – под Пиночета, тот раскатисто хохочет, и прижимает голову жертвы к полу, Филя повторяет процедуру с левой ногой, снова слышен тошнотворный хруст, голова Мамчика бьётся об пол, издавая странный, деревянный стук.

– Филя, он вырубился, хорош – Пиночет встаёт с Мамчика, деда разочарованно встают со стульев (всё произошло слишком быстро), и разбредаются по спальному помещению, готовясь ко сну перед заступлением в караул. Кашей и Фанк волокут тело Мамчика в умывальник, Филя зовёт дневального, для того, чтобы навести порядок, я заваливаюсь на кровать – впереди полтора часа блаженства – я могу поспать! Я закрываю глаза, тёплые волны мягко и ритмично качают меня, какое счастье дарит нам сон...

– Груша, давай, вали его!

– Шарик, сделай его! Долби!

Что происходит? Что за вопли? Я сажусь на кровати, и пальцами разлепляю веки правого глаза, по взлётке, в бешеном темпе, перемещаются двое бойцов.

Тот, кого называют Грушей, имеет маленький скошенный лоб, глаза – щёлочки, расширяющуюся книзу голову, напоминающую формой грушу, он одет в новенькое кимоно, несмотря на большую массу, он двигается быстро и свободно, в его движениях нет суеты, он последовательно лишает противника пространства, работает серийно, умело комбинируя удары руками и ногами. Его противник ниже ро-

стом, у него открытое лицо, лицо простого русского парня, обрамлённое светло – русыми волосами, движения его немного скованные, за неимением кимоно он одет в армейское нижнее бельё (белую нательную рубашку, и кальсоны с завязочками – то, что солдаты называют «армейским триппером»), которое ему велико, каждый раз, когда он выбрасывает удар ногой, из штанов вываливается внушительных размеров член, что вызывает бурю восторга у толпы дедов и черпаков, наблюдающих за ходом поединка. Груша наносит правый прямой, левый по печени и завершает комбинацию правым лоукиком, Шарик пропустил первый удар, затем сделал уклон, и ушёл, раздосадованный Груша бросается вперёд, и нарывается на встречный джеб, на секунду потеряв равновесие, он делает шаг назад, Шарик выпрыгивает, для того, чтобы нанести удар коленом, и в полёте у него вываливается член, Груша падает, Шарик оказывается сверху, и (на секунду) шмякает противника членом по лбу.

– Ааааа, бля! Груша, тебя опарафинили! – восторженно заходится белобрысый старший сержант – ты теперь у нас кукарекать будешь!

Разъярённый Груша сбрасывает Шарика с себя, и бросается в атаку, руки, ноги – всё мелькает с бешеной скоростью, Шарик пропускает прямой удар, затем боковой, и уходит в глухую защиту, Груша обрушивает на него целый град ударов...

– Отставить!

За общим шумом, к спаррингующимся неслышно подо-
брался старшина, в компании ротного и замполита.

– Всем отдыхать, перед заступлением, разоитесь!

Бойцы, оба покрасневшие, с разбитыми губами и крово-
подтёками на лицах, дружески обнимаются, и уходят обняв-
шись. Ну, наконец – то, теперь только сон! Я валюсь на кро-
вать, закрываю глаза, сознание заволакивает какой – то му-
тью, я начинаю плыть по невидимым волнам...

– А мы вот так вот! Свояка вам!

– Ах, ты ж сучища!

– Получите ещё одного, от борта!

– Ну, нет, так не пойдёт!

– Ещё как пойдёт!

Грохот бильярдных шаров, довольный гогот старшины –
спарринг был остановлен для того, чтобы очистить место у
бильярдного стола. Второй раз, вырванный из полудрёмы, я
понимаю, что уже не засну, полежав с закрытыми глазами, я
чувствую, что сон ушёл, смотрю на часы – до подъёма еще
сорок минут, надо чем – то заняться, вопрос – чем? Тум-
бочку я делю с Кашеем, ну – ка, посмотрим – что здесь у
нас? На Кашеевой полке лежит несколько книг, беру первую,
открываю наугад – «был всю жизнь простым рабочим, меж-
ду прочим – все мы дрович...». Любопытненько, даже очень,
пролистнём, и «...а моя, как та мадонна, не желает без ган-
дона...» – стильненько, что это за автор такой – И. Бродский,
видимо какая – то новомодная, сексуально озабоченная сво-

лочь, Кашей – Кашей, что за дерьмо ты читаешь! Ну -с, посмотрим, что –нибудь другое, что –нибудь асексуальное, вот оно – «Это я – Эдичка!», открываю середину книги – «... он постепенно входил в меня, его хуй. Это ощущение заполненности, я не забуду никогда..» « я шептал ему фак ми, фак ми..» – да что за мать твою, эти писатели не могут думать больше ни о чём другом?

– Чего шумишь?

От неожиданности я вздрагиваю – старшина навис надо мною, крючковатый пористый нос находится в угрожающей близости от моего левого глаза, я на всякий случай отстраняюсь – как бы не клюнул меня этот птенчик.

–Чего страницами шелестишь? Ты спать мешаешь всем!

От его рыка, у меня шевелятся брови, Кашей испуганно вскакивает – а? Чего? Уже подъём?

– Вот видишь? Перебудил всех!

– Аааа! Я понял! Грохот бильярдных шаров, и ваши вопли – это сладкая музыка для солдатских ушей, колыбельная такая, а вот шелест страниц – это страшный грохот, от которого мёртвые просыпаются...

Ротный багровеет от злости – это кто там такой умный? Два наряда на службу!

– Да он и так у нас с тумбы не слезает, я его сегодня снял с наряда, вечером опять заступит...

– А, ну тогда ладно, пусть ходит дальше.

8.

– Фаняев!

– Я!

– Тетеря!

– Я!

– Бойцы, у нас большая проблема. Наш ротный – страстный рыбак, раз в две недели он отправляется на рыбалку, но! Он ненавидит рыбачить в одиночестве, ему нужно общение, он обожает рыбацкие анекдоты. Те, кто служат долго, знают эту слабость Мазепана, все мы уже побывали на рыбалке с командиром роты, ему требуется свежий собеседник. Кто хочет закосить от работы, посидеть с удочкой, нормально поесть, (а если у ротного будет хорошее настроение), то и выпить?

Тетеря, стоявший рядом, ткнул меня в бок – ну? Чего тормозишь? Не надоело на тумбе париться?

– Ненавижу рыбалку, а ротного ещё больше чем рыбалку, я лучше на тумбе постою.

– Ну и дурак.

Тетеря поднимает руку – Я! Я готов!

– Хорошо, кто ещё?

– Я! – Мамчик тянет руку вверх.

– Отлично. Ещё!

Больше желающих не нашлось.

– Рыбаки, выйти из строя!

Тетеря и Мамчик неуклюже выходят в центр спальника.

– Устали, значит? Отдыха захотелось? Рыбку половить? Будет вам рыбалка. Шагом марш в тренажёрку!

Мамчик и Тетеря маршируют в тренажёрный зал, и быстро возвращаются с грифами от штанги в руках.

– Успех на рыбалке зависит от крепости ваших мышц. Поэтому! Прежде чем доверить вам настоящие удочки, надо натренировать предплечья. Сели на табуретки. Взяли грифы двумя руками. Держим их параллельно полу. Удочка не должна упасть в воду! Держим!

– Сколько времени держать?

– Пока рыбу не поймаешь! Те, кто не задействован в рыбалке – разойдись! Готовимся ко сну!

Я захожу в туалет, и встаю в очередь – несмотря на то, что в туалете шесть очек, молодые могут ходить только на первое, остальные для старых. Очередь возникла из – за того, что рыженький пацанчик по кличке Кунг – Ффу, переел солёных огурцов на разгрузке вагонов, и теперь обстановка в туалете напоминала зону боевых действий, из – за двери доносилась канонада, примерно такая, как при утилизации боеприпасов, к ней примешивалось сосредоточенное кряхтение Кунг – Ффу.

– Дятел,блядь, кто же так нажирается? Ты чем думал, мудила?

– Я жрать хотел, а тут как раз бочка лопнула, ну я и...

– Нашёл себе на жопу проблем!

– Га – га, ххо!

– Слышь! Давай быстрее! До отбоя десять минут!

– Я не могу, меня несёт зеленью какой – то, ещё и пучит, аж бурлит в животе.

– Клин клином вышибают, сбегайте кто –нибудь в столовую за солёными огурцами, один сверху засунем, другой снизу, глядишь, извержение и прекратится!

– Дебилы! Не смешно!

Я ухожу к умывальнику, понимая, что в туалет я попаду только после отбоя. В полумраке спальника, Мамчик и Тетеря продолжают удить, оба держат удочки трясущимися руками, Мамчик опускает руки, гриф со звоном падает на пол, Филя материализуется из темноты, и бьёт Мамчика в грудь, тот падает со стула под общий смех. Тетеря с усилием удерживает гриф, но тот неумолимо клонится к полу, и на одно мгновение касается пола, Тетеря резко поднимает руки вверх, и в этот момент получает от Фили сокрушительный удар в грудь, он падает назад и роняет гриф себе на голову под оглушительный смех дедов, особенно заливается белобрысый старший сержант, он смеётся долго, залиvisto, до слёз, растирая руками покрасневшее лицо. Мамчик встал, и вновь держит удочку, Тетеря лежит на полу и стонет, вокруг его головы расплывается лужа чёрного цвета.

– Дебил, башку себе разбил, дневальный найди фельдшера!

Дневальный тащит за шкирку, повизгивающего фельдшера (мутные бегающие глазёнки, предательская щетина на

щеках – с виду вылитый дезертир).

– Посмотри, что у этого с головой.

Фельдшер приседает на корточки, расстроено чмокает губами и говорит – дело серьёзное, ему к врачу надо.

– А ты кто?

– Я? Фельдшер.

– Так сделай что – нибудь, подорожник приложи, или по-
ссы ему на голову – как вы там кровотечение останавливае-
те?

– Ему надо в госпиталь, там зашивать надо...

– Какой нах госпиталь? Нас всех спеленают тут, и на ди-
зель отправят, давай, делай чего– нибудь!

– Я не могу, у меня ничего нет, ни бинтов, ни перекиси...

– Ну, тогда отсасывай...

– Чего... ты про что?

– После укуса змеи, яд отсасывают, правильно?

– Ну да, но здесь совсем другое...

– Соси, давай! Всё до капельки!

– Да вы чего? Опупели совсем? Тут открытая рана, что за
бред...

– Шевелись сука тупая! Пиночет, ускорь его!

Пиночет бьёт фельдшера ногой по спине, тот падает пря-
мо на отключившегося Тетерю, сержант – альбинос визжит
от удовольствия, и заваливается на кровать, хрюкая от изне-
можения – уии, улёт бля! Маски – шоу отдыхают!

Фельдшер поднимается на ноги, его лицо в крови – вы чё,

оухели? Чёго творите, черти?

– У тебя менструация, что ли? Закрой влагалище!

– Это не моя кровь, это его, я просто неудачно упал, кто из вас дебилов меня ударил...

Филя бьёт фельдшера в грудь, тот складывается как картонный, и падает лицом в пах отключившемуся Тетере.

– Оооо! Мастерницы отсоса за работой! Сексуальная медсестра учуяла вкусняшку! Мумс – мумс! Сделай ему сладенько, детка!

Белобрысый сержант – хохотун хрипло стонет – бля, я щас кончу, хорош прикалываться, не могу больше смеяться, живот болит...

– Дежурный по роте на выход!

Деды быстро разбегаются по спальному помещению, на взлётке лежит потерявший сознание Тетеря, и в паху у него, тихо елозит, поскуливая, фельдшер. Дежурный по части вальяжно вошёл в спальное помещение, и замер, поражённый открывшейся картиной: Тетеря расслабленно возлежал на полу (подобно пресыщенным, пирующим римлянам), и негромко постанывал, фельдшер медленно поднимал голову от кальсонов Тетери, его лик был ужасен, он был похож на застигнутого за работой вампира, искажённое болью, окровавленное лицо, выпученные глаза, увидев офицера, он произвольно сглотнул и облизнулся.

– Что... что это такое? Что у вас тут происходит? Дежурный по роте!

Пыж засуутился – это... ммм, ну, это... вы же знаете, эти духи такие азартные, качалкой увлеклись, не заметили сигнала к отбою...

– А чего он лежит?

– Делает жим лёжа, отличное упражнение для грудных мышц.

– А что это там такое тёмное – да это же кровь! Откуда кровь?

– Ударился, наверное... Фельдшер – что с ним?

– Уронил гриф от штанги себе на голову.

– А вы что здесь делаете, товарищ солдат?

– Я ему первую помощь оказывал...

– Ааа, искусственное дыхание, хуй в рот, или рот в хуй, вас не разберёшь... вдуваешь в него жизнь через член?

– ?!

– Знаешь, что я вижу Пыжиков? После отбоя, один военнослужащий орально удовлетворяет другого при полном попустительстве дежурного по роте, причём это... этот... упырь – он брезгливо показал рукой на окровавленного фельдшера – этот, высосал бедного парня досуха, аж до крови, видно сперма кончилась, кровь пошла, да у вас тут ужасник снимать можно – «Ночные сосуны!» «Гремлины – минетчики из в/ч №..».

Пыж угодливо засмеялся – ну вы скажете тоже...

– Молчать! Недоумок! Быстро! Обоих дневальных сюда! Пусть берут этого бедолагу, и в санчасть, бегом! Потом по-

рядок здесь наведите, завтра я вашему ротному устройю весёлую жизнь с картинками! Я его в такую глубокую жопу загоню, он у меня не будет знать – срать ему или танцевать! Отзвонишься мне, когда всё сделаешь, вопросы есть? Вопросов нет. Развели тут педерастию, понимаешь.

9.

– Повезло тебе, душара.

– Эт почему?

– Труба залетел, заснул на посту, теперь его по тумбе пусят, ты уже просёк мазу?

– Какую?

– Все эти вопли про наряды «вне очереди»... никакой очереди нет, стоишь на тумбе до тех пор, пока кто –нибудь другой не залетит, тебе повезло, Труба лох, попался спящим, теперь ему долго на тумбе париться...

– По машинам!

Заступающие в караул быстро рассаживаются в кузове сто тридцатого Зила, Филя примыкает штык карабина и смачно втыкает его в натянутый сверху тент – двести сорок бля! Чего смотришь? В двести сороковой раз в караул заступаю, а ты в какой?

– Первый.

– Целочку порвал, а?

– В смысле?

– Первый раз в караул, должен будешь, за тобой чипок.

– Чи – что?

– Чипок, кафешка такая в части есть, как из караула вернёмся – ты угощаешь!

Как только Зил выехал за пределы части, Филя запел:

– Запомни Катюша, я – гений,

Запомни, я – твой командир,

Я взял на себя рычаги управления,

Войдя в этот суетный мир,

Остальные яростно заорали:

–Аааа, я взял на себя рычаги управления,

Войдя в этот яростный мир...

Зил завёз четверых заступающих в первый караул (он был ближе к части, чем остальные), затем выехал на просёлочную дорогу, по обочинам мирно шли бабы с сумками, Филя поднял карабин, и, увидев едущего на велосипеде дачника, выстрелил. Дачник упал на обочину, велосипед выкатился на проезжую часть, и тут же был отброшен в сторону несущимся по встречной КАМАЗом. Филя громко захохотал, глядя на моё растерянное лицо – обожаю заступать в караул!

– Ты чего...грохнул его?

– Ты – дурак, патроны холостые, просто шуганул немножко, ненавижу селян, тупорылая деревня на великах, пидармерия бля...

Зил подъехал к КПП: второй караул – на выход!

В кузове осталось четыре человека, минут через двадцать мы доехали до самого дальнего, «Лесного» караула: караульный дворик обнесён весёленьким забором цвета «свежий по-

нос», на вышке довольно скалит зубы часовой, в караульном помещении тепло и уютно: направо – помещение для приёма пищи, слева – комната начальника караула, следующее помещение слева – комната бодрствующей смены, за ней – отдыхающая, дальше по коридору – сушилка и туалет. Те, кому мы прибыли на смену, вяло прошли мимо: опухшие спросонья, мятые, багровые рожи, щетина. Розоволицый капитан (наш начальник караула) спросил – кто караульный первой смены? Оказалось, что это – я. Капитан быстро и ловко обыскал меня, вытащил зажигалку, пачку «Столичных» – на посту это тебе не пригодится, ну? Готов?

– Усехда готов...

– Отлично, пошли, обязанности часового помнишь?

– Угу.

– Расскажи.

– Спать от ужина до завтрака.

– Смешно. А если серьёзно?

Я покорно загундосил: часовому запрещается принимать от кого – бы то ни было, и передавать кому – бы то ни было естественные надобности...

Капитан откинул голову назад, и громко, с удовольствием засмеялся – хорош! Не вздумай это проверяющему сказать, а то проблемы будут, заряжай!

Я вставил карабин в пулеувлаливатель, привычным движением загнал внутрь десять патронов, меняющийся часовой уже подпрыгивал от нетерпения рядом со мной – чё так

поздно на пост выходишь, сука? Чтоб в следующий раз без пятнадцати шесть уже сменил меня, понял?

– Ага, впереди ЗИЛа побегу, ломая ноги от усердия...

– Шо? Бл.да я...тебя...

Капитан вальяжно закурил одну из конфискованных у меня сигарет – э, военный, тебя лимузин ждёт, иди давай, а то придётся пешочком догонять.

Нетерпеливый вояка показал на меня указательным пальцем, затем провёл этим пальцем по шее – понял?

– Гланды беспокоят?

– Шо? Ну, падло... завтра потележим!

Капитан сладко ухмылялся – нежно у вас всё, прямо идиллия, ну ладно, лезь на вышку! Залез? Проверь связь! Работает? Звони, если чё.

Минут десять я наслаждался пением птичек, и видами природы, затем стало скучно, не происходило ничего, и вот так мне стоять ещё час пятьдесят? Грустно, девицы... Стали затекать ноги, стараясь снять напряжение, я переминался с ноги на ногу, затем навалился на деревянную стенку вышки, грохнула дверь в караульное помещение, из караулки вышел Пакуша, здоровенный кореец, круглая голова, огромные икроножные мышцы (сапоги налезают только на щиколотки), он неторопливо подошёл к вышке, пнул ногой один из державших её столбов – эй, ты, ты чего развалился там? Стань прямо, не наваливайся на бортик!

Удостоверившись в том, что я несу службу по уставу, Па-

куша возвращается в караульное помещение. Увлечательное стояние на вышке, прерывается каким – то посторонним звуком – то ли ветер завывает, то ли мне кажется?

– ОООй, с тоооой!

Что за бред? Нет, мне не кажется, звук идёт из – за забора, я привстаю на цыпочки и вижу сержанта из комендантского взвода, он машет руками, приплясывает, в общем – делает всё для того, чтобы привлечь моё внимание.

– Часовой! Часовой!

– Чего?

– Хуй с тобой! Агхаахаха!

Комендант шутит, видимо одинокое сидение на КПП наскучило сержанту, и он решил развлечься.

– Часовой! Часовой! Ты чего молчишь? Обиделся что – ли? Не обижайся, я же шучу, не будешь обижаться? Мы же с тобой из одной роты, практически земляки, я из Иванова, а ты откуда? Молчишь? Ну ладно. Не обижаешься, хорошо? Ну, вот и ладушки. Часовой?

– Чего?

– Держи хуй горой! Гы хы – хы – хы...

Его буквально распирает от восторга, круглое лицо блестит от пота, очки запотели, реденькие усишки дрожат от возбуждения. Он начинает вышагивать гигантскими скачками, и пафосно декламировать песню Титомира:

– Ерунда! Я хочу тебя! Ерунда! Я не могу без тебя! Встретимся – не встретимся! Узнаёшь стихи? Нет? Эх, ты, дерев-

ня, это же Иосип Манда в шрам! Друг Бориса Пластырьврака!

Он кривляется ещё минут пять, поняв, что я больше не реагирую на его блестящее шоу, он одёргивает китель, и строевым шагом уходит на КПП. Увлёкшись грациозным выступлением «земляка» из комендантского взвода, я опять привалился к стенке, угрожающе скрипит дверь в караулку, Пакуша неторопливо подходит к лестнице и взбирается на вышку.

– Ты чего – куришь тут?

– Нет, не курю.

– Я из окна видел, у тебя изо – рта дым шёл.

– Показалось.

– Ты чего хочешь сказать – что меня глючит?

– Нет, просто показалось.

– Нет, ты меня за хуй не считаешь, глумишься надо мной, салабон сопливый.

– ?!

Пакуша смотрит на меня исподлобья, шумно сопит, из правого уголка его рта неожиданно вытекает струйка слюны, он шумно втягивает её, утирается тыльной стороной ладони, сморкается мне под ноги, и неспешно спускается вниз. Проходит минут пять, дверь в караулку распаивается, распаренный, красный Пакуша вылетает из помещения с визгом:

– Бляяать! Ты меня чего, заебать решил? Я! ВИДЕЛ! КАК! ТЫ! КУРИЛ!

Он несётся по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, и

готовясь меня порвать в клочья. Я быстро снимаю карабин с плеча, и разъярённый Пакуша упирается носом в штык моего СКС.

– Мужик, по – моему тебе надо успокоиться. Я не курил, начальник караула забрал у меня все сигареты, не знаю, с чего, тебе вдруг привиделось, что я курю.

Пакушу трясёт, чёрные волосы прилипли ко лбу, пот заливает ему лицо. Он фыркает, обдавая меня брызгами слюны и пота, резко поворачивается, кладёт ноги на перила, и очень быстро съезжает по ним вниз. В раздумии, он некоторое время стоит неподвижно, затем резко разворачивается и, рыча, несётся вверх по лестнице, я делаю резкий выпад штыком, и Пакуша кувыркаясь, летит вниз по лестнице.

– Пакуша? Пак? Чего молчишь? Или ты у нас теперь тру-пак?

Я спускаюсь вниз, и пытаюсь нащупать пульс на его запястье – бесполезно, признаков жизни нет.

– Ты чего наделал, сука?

На пороге караулки стоит Избегыч, огромный сержант, помощник начальника караула.

– Тебе пиздец, я сам у тебя полжизни отниму, тебя посадят на губу, месяцев на шесть, пока будет идти следствие, ты от тоски и страха вздёрнешься, а Пакушины земляки из тебя суши сделают, вешайся сучёныш, а для начала, я тебе шас ебало расшибу...

Избегыч успеваает удивиться, прежде чем пуля проделы-

вает небольшую дырочку в его щеке, он падает на спину с удивлённым выражением лица, я подбегаю к нему, и вижу, что выходное отверстие (в отличие от небольшого входного) огромно, пуля калибра 7.62 вынесла большую часть черепной коробки, осколки кости и большие комки мозга обрызгали дверь караулки, Избегыч издаёт громкие, булькающие звуки, я резко распахиваю дверь караулки, слева появляется румянолицый капитан, я жму на спусковой крючок, пуля попадает в стену за его спиной, от неожиданности он приседает, и я слышу долгий протяжный звук выпускаемых газов.

– Дави на газ, давай мой мальчик, дави на газ...

Он не понимает того, что я говорю, но пытается натужно улыбнуться, оставаясь в полу приседе, и представляя собой жалкое зрелище.

– Сигареты верни, а то я брезгую карманы покойника обшаривать.

Он достаёт пачку «Столичных» и протягивает мне дрожащей рукой.

– На пол брось, и сделай два шага назад.

Он послушно исполняет, и неожиданно начинает выть, громко, в голос, как баба, низкий протяжный звук, с визливой вибрацией, я нажимаю на спусковой крючок дважды, первый раз промахиваюсь, второй выстрел попадает ему в шею, я быстро добегаю до комнаты отдыхающей смены, открываю дверь, внутри темно и пахнет кислятиной, я включаю свет, на топчане сидит взъерошенный ефрейтор по про-

звищу Шеф, он смотрит на меня мутными глазами, и спрашивает хриплым спросонья голосом – шо, уже на пост? А хде Пакуша?

Он замечает направленный ему в грудь карабин, и хрипит – так ...это...мне не приснилось...я вроде как выстрелы слышал...это ты? Ты шо задумал? Ты понимаешь, что это вышка...гроб...тебя поймают...и постараются грохнуть при задержании, чтоб не возиться с судом...не убивай меня, а? Я ж тебе ничего не сделал, не доёбывался и в фанеру тебе не стучал...ты просто уйди потихоньку, а я подожду...сколько надо? Час или два, а потом...

Он срывается на быстрый, сбивчивый шёпот:

– вот я вернусь домой...в деревню...лычку жестяную на парадке сделаю,...они все ахнут...сапоги в гармошку, шапку заглажу...через два дома от меня Оксана живёт...дюже гарная дивчина...

Грохот выстрела, дым, пуля попала Шефу в грудь, он валится с топчана на пол, ноги неестественно согнуты, я подхожу ближе (надо забрать патроны из подсумка, у меня осталось чуть больше двух обойм), расстёгиваю ремень Шефа, начинаю снимать подсумок, и в этот момент он хватает меня за ногу.

– Ах ты, пидорасина!

Я всаживаю штык ему в живот, и не могу вытащить его обратно, я дёргаю карабин на себя, и вижу его вытаращенные глаза, каждое моё движение причиняет Шефу боль, мне при-

ходится упереться ногой в грудь ефрейтора, вытащить штык и воткнуть его ещё несколько раз, только после этого тело начинает содрогаться в конвульсиях, я засовываю патроны в карманы шинели, и выхожу к начкаровской, капитана там нет, он дополз до двери, оставляя жирный кровавый след и пытается выбраться наружу.

– Ай – ай – ай, у нас нет времени на эти глупости... Капитан – капитан, никогда ты не станешь майором...

Штык легко входит в шею капитана, раздаётся противный хруст, я бью каблуком по его голове (чтобы было легче вытащить штык, ничего личного), а! Чуть не забыл! Надо забрать сигареты, пачечка «Столичных» одиноко лежит на полу, нетерпеливо открываю её и... выясняется что жлоб – капитан оставил мне шесть сигарет, это очень мало, я захожу в комнату начальника караула, на столе стоит дипломат, внутри горделиво лежат бутерброды и две (две!) пачки «Кэмел», ну ты и урод, иметь при себе такие сигареты и выкурить мои – разве это не жлобство? Я аккуратно обхожу тело капитана, выхожу во двор, и... по спине сбегает капелька холодного пота. Избегыч всё также лежит на пороге караулки, а вот тела Пакуши нигде нет, и, судя по открытой калитке, это самое тело очухалось, проанализировало ситуацию, и решило сделать ноги. Я выхожу за калитку, ни одного человека в пределах видимости, Пакуши не видно, в раздумье я иду к КПП, и тут меня осеняет – у меня же есть ещё одно неоконченное дело! Из – за двери КПП слышен бубнёж сержанта – да...

похоже на выстрелы... нет, не видел, я не могу туда пойти,... а вдруг там трупы... я боюсь покойников. Нет, товарищ капитан...

– Тук – тук, я не помешал?

Сержант бросает телефонную трубку так быстро, как – будто она раскалена до красноты и обжигает ему руку.

– Нет – нет, не помешал... как дела?

– Блестяще, я это... за заваркой зашёл, не угостишь землячок?

– Конечно – конечно, я сейчас, сейчас...

Он тянется куда – то вниз, и одновременно пытается держать меня в поле зрения, я прослеживаю направление его взгляда, и понимаю, что зрачки сержанта расширились при виде штыка моего карабина – он весь в крови, и выглядит жутко. Я неторопливо снимаю карабин с плеча, направляю его в грудь коменданта.

– Ну что, сморчок, позвонил уже?

– Ну, ты чего... это же моя обязанность... я слышу шум и реагирую, без обид,... а чего у вас там случилось?

– Репетируем новогоднюю ёлочку, будешь нашей Снегурочкой?

– Да! То есть, нет,... о чём ты вообще?

– Спой мне, как ты пел полчаса назад, только не Титомира, а что –нибудь другое, например – И вновь продолжается бой!

– Я слов не знаю, я бы с удовольствием, давай что –нибудь

другое, а?

Он выпучил глаза и заорал – БУЛГАХТЕР, МИЛЫЙ МОЙ БУХГАЛТЕР...

– Не, не нравится, другое.

– ТАНЦЫ НА ВОДЕ Е-Е-Е..

– Нет, перематывай на другую...

– ВЕТЕР С МОРЯ ДУЛ, ВЕТЕР С МОРЯ ДУЛ..

Он орал так громко, что у меня начало свербить в ушах – э,э, потише, Паваротти, давай чего –нибудь импортное...

– АЗИРУНГА – РУНГЕ – РУ, НГНАРУ...

– Это чего за песня?

– «Рабыня Изаура» – культовый сериал об угнетении бедных бразильских рабов злобными империалистами!

– Молодец! Ламбаду давай, с подтанцовкой.

– Хорандо се фой, кей ун джа су ме шеш фе шорар...

Он вращал животом так, будто чувствовал приближение медицинского зонда к своим нежным ягодицам, на ламбаду это было ни разу не похоже, но выглядело забавно.

– Ладно, хватит. Как там тебя зовут?

– Дежурный по третьему КПП сержант Похмелкин!

– Имя у тебя есть, сержант?

– Григорий Валентинович!

– Ну, давай прощаться Гриша, было приятно...местами...

Я тщательно прицеливаюсь в грудь кппшнику Грише, задерживаю дыхание, и...

– Э, бля, ты чего там? Заснул что ли? Проснись сука!

...бррр –рр, ну надо же, привидится же такое, всё как наяву – я трясую головой, отгоняя наваждение, Пакуша злобно орёт снизу, целый и невредимый, я осторожно оглядываюсь на штык – никаких следов крови, галлюцинация, но такая реалистичная, кровь, мозги, хрипы умирающих – всё как в реальности, даже руки дрожат до сих пор. Меня охватывает злое, радостное возбуждение – я могу устроить вам весёлую жизнь с картинками и в реальности. Я смотрю на Пакушу улыбаясь, он недоумённо таращит на меня глаза, и смачно сплёвывает на асфальт.

10.

– Капитан Дерибас у телефона.

– Здравствуй Осип, это Гидрасеменко.

– Здравия желаю, товарищ полковник.

– Слушай, тут такая штукавина, в третьем карауле погиб солдат, медики уже там, особист поехал, но я хочу, чтобы ты съездил и разобрался, что там случилось, ты же у нас – почётный юрист корпуса, правильно?

– Так точно.

– Ну, вот тебе и разбираться, звякни в автороту, возьми машину и езжай, по возвращении доложишь. Вопросы есть?

– А чего мне там делать, если особист уже там работает?

– Да дело какое – то мутное, я из его доклада ничего не понял, то – ли несчастный случай, то – ли самоубийство, у него ещё речь такая, будто две мухи на кончике языка сношаются, ничего не понять...

– Пожелаем этим мухам поскорее достичь оргазма...

– Ну да, будь ласка, езжай, разберись, и доложи, но учти

– нам шумиха не нужна.

– Есть. Понял. Будет сделано.

Дерибас подъехал к третьему КПП, ворота открыл круглолицый сержант с небольшими щегольскими усиками, капитан выскочил из Уазика и вошёл в открытую настежь калитку караульного двора – стой, кто идёт?

– Не паясничай, не видишь, свои?

Капитан продолжил движение к караульному помещению.

– Стой, стрелять буду!

– Слышь, часовой, сейчас не до ваших игр, человек погиб, не еби мозги!

Часовой дослал патрон в патронник, раздался металлический удар бойка по капсюлю.

– Ну, ты даёшь, службист...звони в караулку, скажи приехал капитан Дерибас.

Дверь в караулку распахнулась, из неё неторопливо вышел, попыхивая сигаретой, румянолицый капитан – здоровеньки булы!

– Шолом.

– Еврей?

– Хохол?

– Нет.

– И я нет.

– Мне звонил дежурный по части, предупредил о вашем

приезде, пройдем в караулку.

– Сначала, я посмотрю на тело.

Дерибас откинул шинель, закрывающую тело покойника, присвистнул, достал блокнот, и начал писать, писал долго, капитан нетерпеливо раскачивался на пятках, закурил одну сигарету, вторую, и, не выдержав приблизился к Дерибасу.

– Чего пишете?

– Признание в любви, запоздалое...

– Шутите?

– Отойдите, пожалуйста, эта информация не предназначена для посторонних зевак.

– Кто тут посторонний? Я – начальник караула, это произошло в моё дежурство...

– Я не считаю, что этим надо хвастаться.

– Что? Да я... я не хвастаюсь, я к тому, что я – не посторонний, я участник событий, всё происходило на моих глазах...

– Да – да, степень вашей виновности я определю позднее.

– Послушайте, так не пойдёт, мы так не сработаемся...

– Хорошо, что вы это понимаете, сделайте мне чайку, пожалуйста, займитесь тем, что вам по силам, три сахара, и бутерброд с маслом, я сейчас приду.

– Я вам не халдей, чтобы чай готовить...

Капитан раздражённо отбросил сигарету, и скрылся в караулке, громко хлопнув дверью, затем дверь приоткрылась, и он раздражённо крикнул – масла нет, не запасли для высо-

кого начальства, извините – с.

Дерибас подмигнул ухмыляющемуся часовому, закончил описание тела, и зашёл в караульное помещение. Внутри было тепло, пахло подгорелым хлебом, справа располагалась столовая, налево комната начальника караула, куда и завернул почётный юрист корпуса, капитан Дерибас. Начальник караула удивлённо открыл рот, Дерибас присел на край стола, и заговорил тем ласковым тоном, которым принято разговаривать с умственно отсталыми детьми.

– Я хочу извиниться перед вами за тот неверный тон, который я выбрал в общении с вами, вы должны меня понять: меня выдернули из дома в мой выходной, дорога, хамло – часовой, труп... всё это выбило меня из колеи, поэтому я и сорвался, о чём теперь сожалею, я вижу, что вы – капитан... как ваша фамилия?

– Капитан Блёвкин.

– И фамилия у вас такая уютная, сразу чувствую себя как дома, так вот, вижу, что вы – милейший человек, незаслуженно обиженный мною, мой обиженный капитан Блёвкин, давайте забудем нашу перепалку во дворе, и начнём заново, с нуля, согласны?

– Ну, ... согласен.

– Вот и славненько, расскажите мне, пожалуйста, во сколько вы обнаружили тело?

– Где – то в час пятьдесят...

– Вы лично его обнаружили?

– Да...то есть, нет, я покойников боюсь...его обнаружил Избегыч...

– Кто это?

– Помощник начальника караула...

– Что рядовой Пакуша делал на посту в час пятьдесят ночи? Это была его смена?

– Нет, я попросил его проверить связь, я не мог дозвониться до часового, и попросил его выйти...

– Во сколько вы его об этом попросили? Точное время?

– Ммм...где – то в полвторого...

– В час тридцать, правильно?

– Да.

– Что было дальше?

– Он не вернулся...я стал беспокоиться...

– В котором часу вы заметили, что Пакуша не вернулся?

– Где – то в час пятьдесят...

– И что вы сделали?

– Позвонил на пост...

– Но ведь связь не работала?

– А..да...точно, ну тут я и попросил Избегыча проверить, а он обнаружил Пакушу,...то есть труп...

– Давайте подытожим: в час тридцать вы обнаружили, что нет связи с часовым, кстати, зачем он вам понадобился в час тридцать? Вы посылаете караульного проверить связь, его нет двадцать минут, чтобы разобраться в ситуации, вы посылаете помощника, почему вы не посмотрели в окно, из

него открывается прекрасный вид на караульный двор? Идите сюда...смотрите...видно тело?

– Да...видно...

– Почему не сделали два шага до двери, и не убедились лично в том, что там произошло?

– Я же сказал...я боюсь покойников...поэтому...

– Ааа, так вы уже знали, что там покойник...откуда?

– Нет, я не знал...я предполагал, что дело плохо...и поэтому послал...чего я буду бегать, я не пацан...

– Точно! Как же я не догадался! Вы – большой начальник, краса и гордость наших вооружённых сил, вам не к лицу лично бегать по двору, разбираться с каким – то трупом, отправили солдатика, так – так, во сколько вы доложили о случившемся дежурному по части?

– Сразу же...

– Это во сколько?

– В час пятьдесят...

– Удивительно, а дежурный зафиксировал ваш звонок в два часа двадцать минут, но, он, конечно же, врёт, а вы – правы!

– А...точно...я забыл...я так расстроился из – за смерти рядового, что забыл сразу доложить...

– Капитан, ты – слабоумный? Идиот?

– Паазвольте, я не паазволю...

– Закрой хайло!

Дерибас подбежал к Блёвкину, и заорал ему прямо в ухо,

хрипло, щедро плюясь, побагровев от натуги.

– Говори правду! Всё! Как было!

– Я..я говорю...

– Ты чего мне тут втираешь? Ты кому врёшь, сопляк? У тебя во дворе лежит труп солдата! ТРУП! В твоё дежурство человек погиб! Ты это понимаешь?

Капитан сделался меньше ростом, и как – то усох, будто его препарировали.

– Я сейчас опрошу караульных, и если я узнаю, что ты мне врёшь, если я найду хоть одно противоречие в ваших рассказах, я тебя арестую, ты у меня погонов лишишься, рассказывай правду! Немедленно! Всё! Как было!

Кровь отхлынула от лица начальника караула, он обмяк, и бесформенной массой рухнул на топчан.

– Я...я...задремал, проснулся часа в два от криков во дворе...кричал Избегыч...

– Кто это?

– Помощник.

– Ну?

– Избегыч кричал на часового, тот ему что – то отвечал, что именно, я не слышал, вышел во двор, а Пакуша уже остыл к тому времени.

– То есть, ты не знаешь, сколько времени он там пролежал?

– Не знаю...

– Что ты сделал потом?

– Позвонил дежурному по части.

– Время? Правду говори, звонки фиксируются.

– Два часа двадцать минут.

– Что делал Пакуша во дворе? В час ночи? Не в свою смену?

– Не знаю...

– Хорош начальник караула, спишь ночью как пацан, караульные самовольно выходят на пост, кстати, а почему ты не услышал, как он выходил, дверь ведь под сигнализацией?

– Я её отключил...

– Чтоб спать не мешала? А говоришь «задремал», ты не задремал, ты сознательно лёг спать, и предварительно отключил сигнализацию, да ты – орёл, капитан! Ты нарушил сразу несколько статей устава гарнизонной и караульной службы, готовь свою нежную, розовую попочку, командир части проделает в ней дыру размером с арбуз, ты у нас на следующем строевом смотре сможешь мелодично пропердеть «Прощание славянки», объясни, почему ты не позвонил сразу?

– Мы пытались оказать ему первую помощь... искусственное дыхание делали...

– Судя по тому, что я видел – засохшие струйки крови из носа и ушей, он умер от перелома основания черепа – какое искусственное дыхание ты ему делал? Что за бред? Чем вы занимались всё это время?

– Мы придумывали версию, ... чтобы всё складно было...

– Понятно, думали как отмазаться, что ещё можете сказать в своё оправдание?

– Дда...я больше ничего...

– Так, я понял, ну а теперь...любезный принеси мне чаю, не забудь – три сахара, сможешь запомнить? Запиши лучше, так вот, чаю, и погорячее, вопросы есть? Вопросов нет!

Дерибас сладко улыбнулся, показав прокуренные резцы, быстро подошёл к оружейной пирамиде, открыл дверь, звук сигнализации неприятно резанул слух – эй, дорогуша, да ты, как тебя – Блёвкин! Сигнализацию отключи!

Блёвкин суетливо побежал к пульту, расплёскивая заготовленный для Дерибаса чай. Дерибас вытащил из пирамиды карабин – чьё оружие?

– Моё.

– Чьё это «моё»? Представьтесь, как положено по уставу, товарищ солдат!

– Караульный первой смены, рядовой Злобарь!

– Почему за оружием не следите, товарищ Злобарь? Карабин не чищен со времён Лёни Брежнева!

– Ничего подобного, вчера чистил, перед заступлением в караул.

– Сейчас проверим.

Дерибас вытащил из кармана платок, надел его на шомпол, и засунул в ствол – гм, действительно, чисто, ну ладно, пошли побеседуем, Злобарь. Знакомая фамилия, ты – самовольщик!

– Никак нет, я...

– Не говори, я сам вспомню, ...нет, не самовольщик, ты – алкаш! Это тебя поймали с двумя бутылками водки в приёмнике?

– Да.

– Не «да», а так точно!

– Угу.

– Ааа, ясно, я начинаю понимать, ...зачем ты убил рядового Пакушу?

– Я его не убивал.

– Прежде чем ты начнёшь оправдываться, я представлюсь: почётный юрист корпуса, капитан Дерibas.

– Как основатель Одессы что – ли?

– Гляди – ка, да ты что – читать умеешь? Любишь книжки?

– Так, изредка...

– Ну, так вот, давай пропустим эту часть с оправданиями, я всё это слышал много раз, это – лишняя трата времени, давай облегчим задачу и тебе, и мне, начнём с признания – итак, повторяю вопрос – за – чем, ты у – бил ря – до – во – го Пакушу? Не отпирайся, начальник караула, помощник, все говорят, что это ты убил.

– Дешёвый развод, товарищ капитан, я его не убивал.

– Поняя – тно, не любишь быстрой ебли, хочешь долго и болезненно? Хорошо. Что делал Пакуша на посту ночью, в твою смену?

– Да кто ж его знает, чего он там делал, запал он на меня, с первого выхода на пост заебать меня пытался...

– Выбирайте выражения товарищ солдат, вы общаетесь со старшим по званию!

– Ладно – ладно, короче, у него был конфликт со мной.

– У вас с ним был конфликт?

– Нет, у меня с ним конфликта не было, у него со мной был. Я его до сегодняшнего дня знать не знал.

– Вот тебе и мотив, так и запишем, «убил из чувства личной неприязни».

– Вы меня слушаете вообще? Я его и пальцем не тронул, он с перил навернулся башней вперед.

– Как это?

– Сложно объяснить, проще показать.

– Ну, пошли, покажешь.

Злобарь залез на вышку, сел на перила так, как женщины садятся на гинекологическое кресло – широко раскинув ноги, и очень быстро съехал вниз, с восторженным криком спрыгнув прямо на голову Пакуше. Раздался тошнотворный, хлюпающий звук – голова Пакуши лопнула как гнилой арбуз, Злобарь зачарованно смотрел на брызнувшие мозги. Часовой икнул, после чего, его бурно вырвало на лестницу вышки. Дерibas невозмутимо достал сигарету, шумно затянулся, и заговорил через выходящий изо рта дым:

– Да ты – ловкач, думаешь, таким образом, улики уничтожить? Напрасно, я уже осмотрел тело, и всё тщательно запи-

сал в свой волшебный блокнотик, я всё знаю, ах Злобарь – Злобарь.

Злобарь загадочно улыбался – да нет, это случайно вышло, я просто хотел показать, как всё было, он поскользнулся, в тот момент, когда съезжал, и упал головой вперёд, что – то хрустнуло, и всё...

– Ты хочешь сказать, что ты здесь не причём? Ты его не трогал? Ножкой своей, обутой в кирзовый сапожок не помог ему? Только честно? А?

– Нет, не трогал.

– Понятно. Что ты сделал, когда он упал?

– Позвонил в караулку.

– Капитан говорит, что связь не работала...

– Странно, как же я дозвонился по неработающей связи?

– Что было дальше?

– Дальше? Вышел Избегыч, и начал наезжать на меня, ну, прямо как вы, мол, это я виноват...

– Когда начальник караула вышел?

– Он вообще не выходил при мне, Избегыч менял пост, меня на двадцать минут позже сменили...

– Врёшь Злобарь, начкар говорит, что он Пакуше искусственное дыхание делал, рот в рот...

– В своих мечтах может быть...

– Много говорите, товарищ солдат, слишком много... ладно пошли внутрь...

Зайдя в караулку, Дерibas по – хозяйски проорал – Блёв-

кин! Где мой чай?

Блёвкин с мокрым, обвисшим лицом небрежно подтолкнул кружку с чаем по столу – извольте –с.

– Брр, бурда, да он – холодный! Блёвкин, сделай мне нормального чаю...да, позвони дежурному по части – где труповозка? Сколько это...тут лежать будет? Ладно, не дождусь я от тебя чаю, капитан, всё я поехал.

– А с помощником побеседовать не хотите, или с другим караульным?

– Нет, не хочу, мне всё ясно.

– Дело раскрыто?

– «Дело»? Поменьше детективов смотри по ящику, капитан, нет никакого дела, есть несчастный случай, всё, пока!

– Так этот...Злобарь...с ним что будет?

– Ничего не будет, будет служить дальше, до самого дембеля.

– Его не арестуют?

– За что?

– Он убил Пакушу...

– Ты это видел?

– Нет, но...

– Ты дрых в это время, скажи спасибо, что я об этом докладываю не буду, ну всё – пока.

Дерибас доехал до первого КПП, вошёл в штаб, и, бросив дежурному – меня ждут, постучал в дверь кабинета командира части.

– Разрешите войти?

– Осип? Заходи. Ну, что там?

– На основании визуального осмотра тела, я пришёл к выводу, что имел место несчастный случай, перелом основания шеи, у парня не было шансов.

– Несчастный случай? Ты уверен?

– Ну, есть там солдатик один подозрительный по фамилии Злобарь, говорит, что у него был конфликт с покойным...

– Что скажешь о нём, допрашивал его?

– Да, допросил, что сказать о нём... хитрый, вернее считает себя хитрым...

– Как это?

– Он мог бы всё отрицать, сказать, что ничего не знает, а он честно сказал, что у него конфликт с трупом, ... то есть с покойным, в откровенность играет, а потом вообще занятный эпизод... погибший упал с вышки, а этот ... Злобарь говорит – я покажу, как это было, и знаете, что он сделал?

– Что?

– Съехал по перилам ногами прямо на голову покойному – раз, и расплющил, в лепёшку!

– Зачем? Может он так... это... следы замечает?

– Да нет, я тело осмотрел заранее, ничего там не было...

– А зачем тогда?

– Хулиганит сучонок, счёты сводит, хоть после смерти, но оттоптаться на трупе врага.

– Ты полностью уверен, что это – несчастный случай? На

сто процентов?

– Доказать что это не несчастный случай мы не сможем, да и потом – вы же сами говорили – оно нам надо, связываться с убийством?

– Да, тут ты прав, нам убийство ни к чему, ну ладно, несчастный случай, так несчастный случай, спасибо, что съездил, отдыхай!

11.

– Проходи солдат, вот сюда, сюда, тебя уже ждут.

Я стою у входа в Александровский зал Большого Кремлёвского дворца, поражённый его великолепием – бешено мигают гигантские стробоскопы, пол усыпан тоннами разноцветных конфетти, из невидимых колонок звучит хаус – версия Уральской рябинушки, дым – машины извергают пурпурный, жирный, пахнувший сладкой ватой дым, зал переполнен людьми, одетыми в самые причудливые карнавальные костюмы, в полутьме деловито снуют Казановы, в камзолах, шляпах с перьями, чулках и туфлях с пряжками, щедро декольтированные дамы обмахиваются веерами, незаметно проверяя наличие мушек, причудливо украшающих густо набелённые лица, в бешеном танце кружатся персонажи поэм Гомера, одетые в тоги, бывшие в моде в 13 веке до нашей эры, упругие, полуголые девицы в кокошниках ритмично отплясывают канкан, весело колыхая потными грудями, в правом углу зала два рыцаря сошлись в поединке, от каждого удара мечом, по залу разлетаются искры, вызывающие

визги восторга у экзальтированных дамочек. Обстановка напоминает поэму бессмертного флорентинца – плотные толпы танцующих быстро перемещаются, закручиваясь в тугую спираль, движение не останавливается ни на секунду, все куда – то бегут, и это слаженное движение внушает страх непосвящённому.

– И Ельци– -и и – и– н тааа– аа – кой малаа –аа– дой, и пуххх – лый Гайдар впереди – немзыкально напевая, ко мне стремительно приближался персонаж, похожий на большую волосатую белку, за исключением кожаных стрингов, болтающихся на тощих, мохнатых ягодицах, он был гол, пэстисы цвета российского флага кокетливо прикрывали соски, в правой руке он держал бубен.

– Ком цу мир, следуй за мной солдатик, быстрее, быстрее...

Он игриво подпрыгнул, и свет стробоскопов выхватил кислотных цветов татуировку, покрывающую ягодицы, на правой:сине – красные латинские буквы AVVA, на левой :жёлто – зелёным цветом выведено – народный автомобиль.

– Сюда – сюда, припади к чистому источнику демократии, живительные струи гласности, бодрящие брызги плюрализма мягко оросят твоё исстрадавшееся в казарменных условиях тело...

Мы подошли к трону, на котором восседал нынешний правитель – молодецкий седой чуб, заплывшие свиные глаз-

ки, капризно оттопыренные губищи, белая шерсть на голой груди, трусы цвета американского флага, беспалая ручища отбивает ритм по подлокотнику.

– Ой, рябина кудрявая, беее – лыы – е цветы, ой, солдатик, соолдааа – тик, раздевайся тты!

– Прошу прощения, это вы мне?

– Штаа, панимаэш, не панимаэш, што я говорю? Снимай штаны!

– Товарищ верховный главнокомандующий! Не могу выполнить ваш приказ, поскольку ношение такой формы одежды не предусмотрено уставом!

– Гмм, много говоришшш, снимай штанишки, слышшш?

С правого боку от трона отделилась группа из трёх фигур, они копошились, оплетали друг друга, издавая хлюпающие, тягостные для слуха звуки. Татуированный бубноносец неслышно вырос у меня за левым плечом, и горячо зашептал, обдавая ухо слюнявыми брызгами:

– Нравятся? Они не могут не нравиться, это три грации демократии – Лера, Ира и Костя. Давай, снимай штанишки, насладись их молодостью и чистотой!

Одна из грации была одета в коротенькое подобие кимоно, её глаза были скрыты за тёмными очками, тонкие губы крепко сжимали дымящуюся сигарету, вторая была полностью обнажена, бородавчатые, бурые жировые складки растеклись и практически полностью скрывали тело её кавалера, багрового от натуги, грация восседала у него на коле-

нях, судя по выпученным глазам, он был близок потере сознания. Процесс созерцания мною скульптурной группы был прерван мощным рыком главнокомандующего – давай! Удиви меня!

Он поднялся, опираясь на подлокотники, с трудом развернулся, и неожиданно захохотал – портки мои нравятся? Гаха – ха – хгы... Друг Джордж подарил, цвет матраса, полоски со звездами... я думал это – вши, спрашшыаю у него – шо за штаны? Матрас со вшшами? Нет, гаварит. Пятьдесят звёзд – пятьдесят штатов,... а я гаварю – пять звёздочек лучше! Гаха – ха – ха – хы...

Толпа стоящих у трона, громко и визгливо расхохоталась вслед за счастливым обладателем звёздно – полосатых штанов. Он резко рыкнул – харрош! Когда я был в Америке, на мою задницу нацелились 38 негров – снайперов с чёрными, дымящимися обрезамми, но не поддался я этому искушению... я – Россию люблю, с её осинами... то дорожка, то рябина, то Гайдар, а то – дубина... Хочу понимаэшш слиться в экстазе с родным, россиянским народом. Ну, давай...

Он пошевелил бёдрами, и огромные порты упали на пол, освободив бледные, дряблые, стариковские ягодицы.

– Дыавай! Жги! По – нашему! По – россиянки!

Бубноносец горячо зашептал – давай, влупи ему по самые помидоры, ох, жалко, что он не меня просит, я бы с удовольствием вдолбил бы его в каменный век! Дым бы из жопы пошёл! Не упусти свой шанс, папа просит, давай, давай!

– Я не могу, я не настолько демократичен и раскрепощён, я всё как – то по старинке...

– Ммм, надоел понимаэшш, аххрана! Снимите с него штаны!

Чьи – то сильные руки схватили меня сзади за плечи, растегнули ремень, с громким звуком отлетела на пол пуговица штанов ПШ, штаны резким рывком спустили до пола.

– Какая прелесть, это – Кельвин Кляйн? – увидев мои кальсоны, подключилась грация в кимоно.

– Нет, это ...мм Дольче Габана – прочмокала грация с бо-родавками.

Бубноносец хмуро потянул меня за кальсоны, и вполголо-са прочитал – в/ч 523... МВО, не угадали девицы, эта мод-ная вещичка от кутюрье Пабло Граччини, Папа, солдатик не возбудился, они – люди военные, всё делают по команде, ему надо приказать...

– Павлик! Павлик!

Здоровенный, широколобый, с вытатуированными на плечах символами Мерседеса мужичина в кожаных трусах с заклёпками в виде больших маршальских звёзд, неслышно вырос из сумрака – чего надо?

– Не возбуждается военнослужащий, дай ему команду!

– Без письменного приказа не могу, последствия могут быть непредсказуемы...

– Будет тебе приказ, командуй!

– Равняйся! Смирно! Для торжественного овладения пре-

– Неа, всё также, полный штиль – бубноносец подпрыгнул по – козлиному, и громко грохнул в бубен у меня над ухом – помогло? Тоже нет, ну, я не знаю...

Грация в кимоно неспешно отделилась от своих товаров, и подошла ко мне – вы все – грубые дураки, мальчику нужно не это – она грациозно сбросила кимоно, оставшись полностью обнажённой, после чего легла на пол, и стала тереть изящными пальчиками нежные лепестки половых губ, каждый ноготь был украшен символом восходящего солнца, лобковые волосы были причудливо выбриты, стрижка напоминала изображение вооружённого копьём воина. Тяжело дыша, она проговорила – мальчик знает, куда надо смотреть, оо, да ... что ты видишь? Ты внимательно смотришь? Тебя заинтересовала моя интимная стрижка? Это – японский иероглиф, его надо произносить чувственно, давай скажем это вместе – её дыхание стало прерывистым – ты готов?

Я мотнул головой – давай малыш, скажем это вместе, страстно и горячо, это произносится так – она задержала дыхание, и затем хрипло вскрикнула – Кай! Повторяй со мной – кай! Кай! Кай!

– Шо за хуйня такая? – возмутился широколобый – какой ещё Кай? Герда... Чего, мы в гостях у сказки что – ли? Ничего не понял...

Бородавчатая грация захлюпала – ему нужна прививка от коммунистической импотенции – она подвигала губами взад – вперёд, выдвинула нижнюю и забулькала – комми всегда

были импотентами, всегда...

– Да он – не коммунист, он правильной ориентации придерживается, демократической...

Придавленный воздушными телесами бородавчатой грации, к дискуссии подключился, с трудом шевеля посиневшими губами, грация по имени Костя – коммуняка он, коммуняка, я их невоолузённым...невоолузённым...

– Глазом? – подсказал бубноносец.

– Невоолузённым пахом...чувствую...у меня даже не стоит на него...потому...он и не хочет исполнить свой гражданский доуг...осуществить смычку налода и власти...Лег...золотце...слезь с меня...тошнит...

– Мааалчаат! Выключи музыку! – сиплый вопль папы заставил вздрогнуть всех, музыка затихла, остановилась танцевальная круговерть, грации мгновенно исчезли, словно жуткий кошмар, наваянный послеполуденным сном, «папа» резко развернулся, и вместо известного всей стране лица, я увидел озлобленное, кабанье рыло с оскаленными, истекающими слюной клыками, чудовищная харя открыла пасть, раздался костяной, тошнотворный звук, изображение поплыло перед моими глазами, «папа» вновь был в своём обычном, человеческом обличье, вот только беспалая рука вытянулась на несколько метров вперёд, прочно обхватила моё горло, и начала неумолимо сдавливать, лишая меня возможности вдохнуть.

– Зачем ты убил Пакушу?

– ?!

– Повторяю вопрос – зачем ты убил Пакушу, долбаный душара?

Что за лексикон? Вы же – глава государства, а не какой – то дурень – старослужащий...

– Говори сучара, зачем убил Пакушу? Говори, а то пол-жизни отниму!

Я пытаюсь вырваться, стараюсь снять руку с горла, но все мои попытки бесполезны, из – за нехватки кислорода я чувствую слабость, сердце бешено колотится в груди, лёгкие готовы разорваться, я отчаянно пытаюсь вдохнуть хотя бы немного воздуха...открываю глаза, и обнаруживаю Филю, комфортно сидящего у меня на груди, он радостно, сладко улыбается и отпускает моё горло.

– Филя, ты что? Ёбнулся? Ты меня чуть не задушил, сволочь...

Меня рвёт желчью, я кашляю, выплёвывая сгустки жёлтого цвета.

– Филя, смотри, у него стоит! Ты доставил сучонку удовольствие, придуши его ещё разок, вдруг кончит!

– Кочумай, Пиночет, хватит с него, и так весь пол заблевал, ну, скажешь нам?

– Что сказать?

– Зачем убил Пакушу? Пакуша был мне другом, лучшим, самым любимым (после Пиночета), я всю ночь проплакал, когда узнал, что его больше нет, (Филя громко всхлипывает)

мы с ним с детства дружили, моя сестра за него замуж соби-
ралась, а ты разрушил молодую, российскую семью, я тебя
кончу за это!

Он делает выпад в сторону моего горла, и радостно сме-
ётся при виде моей болезненной гримасы – не ссы, я шучу,
Пакуша был скудоумный примат, сдох – и хрен с ним, всем
похуй, даже если его и вправду ты грохнул, а шейка у тебя
цыплячья – тоненькая, синюшная, аж хрустит, если б я за-
хотел, ты бы уже сегодня рядом с Пакушей заночевал, на со-
седней полке морга – «осознав тяжесть своего преступления,
рядовой Злобарь покончил с собой, повесившись на ремне, в
сушилке казармы» – похоже на отчёт об обнаружении тела?
Живи пока, и помни кто твой господин, благодаря кому, ты
ещё дышишь. Оревуар, душара.

12.

– Разрешите войти?

– Разрешаю.

– Товарищ капитан, разрешите сходить в госпиталь?

– Зачем?

– У меня чего – то хрипит в лёгких, тяжело дышать...

– Бросай курить, и всё пройдёт...

– Обязательно, а пока разрешите сходить в госпиталь!

– Ты не понял, чего я сказал? Хрипит у него... тут у всех
что – нибудь хрипит... у одного гной из ушей течёт, другой
все матрасы в роте обкончал, третий срать бегаёт через каж-
дые десять минут...

– А у меня не только хрипит, но и ещё и булькает...

– Зашарить хочешь? Поспать на мягоньком, поесть в госпитальной столовой, я понимаю...

– Так я пошёл?

– Куда?

– В госпиталь?

– Какой ты настырный, я с тобой пойду, и как только доктор скажет мне, что ты – симулянт, я тебя лично, пинками под сраку погоню в роту, ты у меня на тумбочке корни пустишь, прорастёшь здесь, понял?

– Угу.

– Не «угу», а так точно, ну что, не передумал? По – прежнему хочешь в госпиталь?

– Угу, в смысле «так точно»!

– Ну, пошли, жду не дождусь момента твоего разоблачения...

– Ну что, товарищ майор – парень симулирует? Я так и знал!

– У него хронический бронхит, его надо госпитализировать.

– Это точно, он ничего там не подкрутил в ваших приборах, посмотрите на его довольную рожу...

– Точно, его надо лечить.

– А это надолго?

– Недели две.

– Повезло тебе, ну ничего, из госпиталя выйдешь, и сразу

в наряд – «радость приносит наряд бодрящий, хлорочки вкус всегда настоящий!»...

Медсестра провела меня в палату – устраивайся, через пять минут спускайся на анализы.

Здоровенный брюнет в тельняшке легко встал с койки у окна, и одарил меня золотозубой улыбкой – Борис, можно просто – Барсик.

Барсик показал рукой на лежащего лицом к стене (в дневное время! Это просто святотатство!) солдата в окровавленных кальсонах – это Колян.

– Стесняюсь спросить – а что у него с кальсонами? Дедовщина? Старые лютуют?

Барсик серьёзно посмотрел на меня, вздохнул, и изрёк – не хотелось тебя огорчать брателло, но это – он указал на кровавую корку Коляновых кальсон, это – ждёт и тебя, все через это проходят, Пикулик разорвёт жопу каждому.

– Ппи – кулик? Кто это?

– Майор Пикулик, главный здесь, командует этим госпиталем, ни одной задницы не пропускает, если хочешь остаться целкой, беги обратно в роту...ну да ладно, не будем о грустном, это – Аферист – он указал на худенького азиата, скромно сидевшего у прикроватной тумбочки.

– «Аферист»?

– Да, ещё какой! С большой буквы «А»!

Азиат подошёл бочком, сунул тёмную, твёрдую ладонь для приветствия, и также бочком вернулся на свой стул, и

замер, уставившись взглядом в стену. Немного обалдев от увиденного и услышанного, я открыл рот, чтобы уточнить информацию, но Барсик замахал на меня руками – иди на анализы, а потом в столовую, там всё поймёшь.

Сдав анализы, я с трудом нашёл путь к столовой – масса запутанных коридоров, плохо освещённые повороты – всё это затрудняло поиски. У закрытой двери уже притопывал от нетерпения Барсик – о, ты быстро! Слушай, зёма, у тебя бабки есть? Мне немного – полтинничек, до послезавтра, ко мне послезавтра мама приезжает, я всё отдам!

Он смотрит кристально честными глазами прямо в глубину моей души, и мне стоит большого труда соврать – неа, голяк на базе, всё так быстро случилось с этим госпиталем...

– Вот бля, засада...

– Да уж...

Барсик лупит ногой в дверь столовой –э! Сколько можно морить голодом защитников Отечества!

Дверь открывается – не заперто. Барсик рывком пробирается внутрь – ооо, бля! Вот это сила! Котлеты! Ты в столовке, у себя в части, котлеты ел хоть раз?

– Нет.

– А здесь, через день, зауважал котлетки...

Дальше было чавкание, жалобный хруст котлетной корочки на зубах, затем Барсик быстро сожрал суп, громко лязгая зубами, и по его лицу было ясно, что он также голоден, как и в начале трапезы – ссука, я не наелся, ты котле-

ту будешь доедать? Вот же гад, нет, чтобы поделиться с товарищем... ммм, у меня продуктовая ломка, срочно требуется инъекция бутерброда с колбасой, прямо под язык положить, пускай тает там, как мороженое, я даже жевать не буду – пусть рассосётся!

Столовая постепенно наполнялась, выяснилось, что в госпитале лежат и офицеры, и их жёны, и солдаты. Тощий полусогнутый парень сел за наш стол, увидев мой удивлённый взгляд, Барсик объяснил – это Колян, с нашей палаты, просто ты с его тылом познакомился, а рожу не видел.

Колян ел вяло, расковырял котлету на мелкие кусочки, брезгливо выискивал что – то в начинке, Барсик побагровел от такого кощунства – Колян! Пидор ты гнутый! Ты чего продукты переводишь, после тебя и собака побрезгует доедать!

– Так не доедай! Псина длинная...

– Пошёл ты, жертва коллективного изнасилования!

Колян болезненно поморщился, и поёрзал на тощей заднице. Тихонько, чтобы не слышали окружающие, я спросил – сильно болит?

Он недоумённо посмотрел на меня – скоро узнаешь. Барсик поёрзал на стуле, неожиданно сорвался с места, и быстро вернулся назад с двумя тарелками в руках – добавка! Будешь? Этому длинному не предлагаю...

– Конечно, буду!

Мы быстро и сосредоточенно сожрали вторые порции, и

тут от дальних столов донеслось возмущённое бурчание – где моё второе? Девушка! Сколько ждать?

Барсик ойкнул, сделался ниже ростом, и потянул меня за рукав – пошли, покурим?

Не понимая этой перемены, я легко согласился – пошли. Колян понимающе усмехнулся, и продолжил ковырять котлету, не успели мы дойти до выхода, как нас нагнала упитанная повариха – стоять! Баринов! Опять твои штучки! Ты украл две порции со стола № 13?

– Кто? Я? Да ни в жизнь! Вы меня оскорбляете! Можете взять отпечатки пальцев! Я – невиновен! Это – грязная клевета!

– Ах ты, гад! Раньше по одной порции таскал, теперь уже по две! Аппетит приходит во время еды? Аааа...

Она увидела меня – так вы теперь на пару работаете, ты кто? Я что – то тебя раньше не видела здесь! Новенький? Как твоя фамилия?

– Злобарь.

– Я запомню, я за вами слежу подонки, всё расскажу товарищу майору! Вы у меня живо в свои роты вернётесь, ворюги! Извините, Николай Сергеевич, я сейчас принесу вам второе, произошла неувязочка.

Радостно посмеиваясь, Барсик вытащил меня за рукав в коридор – ты как насчёт девок? Уважаешь это дело?

– А что?

– Тут такая цыпа лежит! Весь госпиталь на неё шишку

точит, дочка полковника Жёлудя...

– Жёлудь? Это который зам по тылу? Крысёныш такой, перепуганный до безобразия, как ссанный барбос, всего боится, если дочечка в него пошла, то я...

– Да похуй на него, дочура у него – что надо, я бы её шоркнул.

– В чём проблема?

– Да вокруг неё все, кто могут ходить, целыми днями выются, слюни пускают, не пробьёшься...

– Она кому – нибудь дала?

– Неа, только разговорчики, даже за грудь потрогать не даёт...

– Недотрога...

– Да, но попробовать стоит, пошли?

– Нет, я в групповухе не участвую...

– Любишь в одиночку – тихо сам с собою, устал левой, давай правой! Одноглазого своего душить любишь?

– Дурашка, ты по себе – то не суди...

Мы завернули вправо, и увидели любопытную картину – на скамеечке сидела сказочно красивая девушка в дорогом спортивном костюме цвета маренго, вокруг неё, на соседних скамейках, на полу, сидели, лежали, стояли одетые в синие госпитальные пижамы солдаты, их было человек пятнадцать. Девушка мелодично смеялась, периодически (и очень грациозно) поправляя волосы, упорно лезущие на лоб, в каждом её движении сквозило изящество. Большие зелёные гла-

за были широко открыты, изящный, правильной формы нос, чуть припухлые, чувственные губы, ослепительной белизны зубки – она была прекрасна, и очень неожиданно смотрелась среди разномастных солдатских физиономий. В сторонке, в полном одиночестве сидела грузная, носатая тётка в ярко – розовом спортивном костюме.

– А это кто?

– Это? Бронтозавр.

– В натуре?

– Это – Вита.

– Чего – то лицо у неё знакомое...

– Не знаю – не знаю, дочь прапора какого – то...бля, память на фамилии плохая, Пиписон!

На окрик обернулся невысокий парень – чё?

– Иди сюда, здорово! Как фамилия этого муравьеда в юбке?

– Кого?

– Ну, этой, Виты...

– Ааа, Бейвнос её фамилия.

– Точно! Бей – мать – её – в нос! – Барсик оглушительно расхохотался, продемонстрировав золотой запас России – как я мог забыть, сука...ты куда?

Я уже не слушал Барсиковы бредни, и целенаправленно шёл к Вите – вы позволите?

Она удивлённо смотрела на меня снизу вверх – ты со мной базаришь?

Если долго водить наждаком по ржавой батарее, можно добиться такого же звучания – режущий слух, низкий, скрежещущий, металлический, вызывающий гримасу боли у слушающего, звук.

– Ничё не перепутал? Тебе туда, к этой своре кобелей, красавчик – она показала рукой на толпу, окружающую Соню.

– Нет, я не перепутал, я шёл к вам Вита. А вы знаете, что ваше имя в переводе с латыни означает «жизнь»?

– Прикалываешься надо мной? Я же знаю, что у тебя хуй – стручок, а яйца – орехи, я...

– Ооо, вот это темперамент, будь я художником, я бы картины с вас писал, но не сподобил меня господь...

– Кто? Бог что – ли? Так, дай угадаю – ты поспорил на меня вот с тем длинным, у которого полный рот позолоченного дерьма, как у цыганки?

– Нет, Виточка – я перешёл на полушёпот, заговорил низким, обволакивающим голосом – я с первого взгляда распознал в вас инди – ви – ду – альность, все они – я слабо махнул рукой в сторону толпы – все они тупые, грубые животные, они видят только внешнюю оболочку, и не видят того, что за ней скрыто. Пройдёт лет пятнадцать, и эта девушка – я показал на Соню – превратится в тупую, маразматическую старушку, с грязными ногтями, морщинами, периодически она будет вскакивать с инвалидного кресла и играть в футбол своими сморщенными, как финик грудями, да – да, жен-

ский век недолог, а вот ваша чистая душа будет также сиять и через двадцать и через тридцать лет, золото не ржавеет. Мой дедушка был марийским колдуном, он научил меня видеть сияние, исходящее от людей, обладающих чистой, возвышенной душой, как только я вошёл сюда, я сразу увидел исходящий от вас свет, вы озаряете это помещение...

Я легко, быстро прикоснулся к её налитому плечу, и меня ударило током – вот! С этого всё начинается! Между нами пробежала искра! Вы любите читать?

– Кино люблю, Санта – Барбару...

– Вот! Вот! У Круза и Иден всё также начиналось, с проскочившей между ними искры...

Она неожиданно расхохоталась – Сонька будет своими сиськами в футбол играть? Бха – ха – гха – ха! А ты – приколост! Кору мочишь! Расскажи что –нибудь ещё...

Я говорил не переставая, журчал подобно весеннему ручью, деликатно взяв Виту за мощный бицепс, я увлёл её в сторону от кричащей толпы, мы мирно погуляли в роскошном зимнем саду, и договорились встретиться здесь же на следующий день. Утомлённый Витой, я возвращался в свою палату, увидев меня, Барсик радостно проорал – вот же он! Вот этот енот – полоскун вооружённых сил!

– Почему енот?

– Это всеядное животное, жрёт что попало, прямо как ты.

– Особенно приятно это слышать от такого измождённого жизнью аскета, как ты.

– Ну, как тебе нежная девочка Вита? Ты её уже осчастливил?

– Фу, какой ты грубый, так же нельзя, надо быть последней свиньёй, чтобы торопиться в таком случае, со страшилами ещё труднее, чем с красавицами – осторожно, неспешно, очень деликатно...

– Тебя не тошнит?

– С какой стати?

– Она же страшная, усатая, носатая, волосатая...

– Зато вокруг неё нет стаи кобелей...

– Какой ты сука, практичный...

– Да заткнитесь вы оба! – Колян охотно присоединился к дискуссии – Знатоки бабской психологии, «тошнит, не тошнит», достали уже, дайте поспать!

Барсик, широко ухмыляясь, приложил указательный палец к губам, и ловко запрыгнул на кровать – гуте нахт, зольдатен!

13.

– Глубоко вдохните, теперь выдыхайте в эту трубку, с силой. Так, объём лёгких два с половиной литра, нормально, я думал, будет хуже, что у нас с анализами – эритроциты повышены, хм...немного...так, вам молодой человек, вам очень повезло, я использую в своей практике самые прогрессивные методы лечения, мы будем лечить вашу хворь пенициллином! Передовая технология, надеюсь, мы добьёмся успеха! Свободны!

Я возвращаюсь в палату в некотором недоумении, жуткий, страшный начальник отделения, майор Пикулик, «разрыватель задниц», осквернивший кальсоны Коляна жуткими кровавыми разводами, оказался милым, нестрашным толстячком, не имевшим никаких гомосексуальных наклонностей.

– Слышь, Барсик, ты зачем меня пугал Пикуликом? Я – то думал, что там пидор прожжённый, а там милый, маразматический дедан...

– Погоди – погоди, вот лечить тебя начнут, тогда по – другому заговоришь! Что он тебе назначил? Пенициллин?

– Да, а откуда ты...

– Он всем его назначает, от бронхита до триппера, лекарство одно – укольчики. Тебе жопа Коляна нравится?

– Ммм, не знаю, не пробовал...

– Дебил, я не в этом смысле, ты его кальсоны окровавленные видел? Это от уколов, поэтому я и говорил, что тебя ждёт тоже самое, а ты чего подумал?

– Я...я подумал, что он это...пидорок...

– Он намного хуже, ты скоро это поймёшь.

Сердобольные медсёстры кололи мне пенициллин каждые шесть часов, и днём и ночью, некоторые старались сделать укол понежнее, некоторые азартно метали шприц, словно игроки в дартс, очень скоро задница стала, словно набитая изнутри плотной резиной, возникли проблемы с подъёмом по лестнице – плохо поднимались ноги, одеревеневшие яго-

дицы сковывали движения, и сидеть можно было только на верхней их части, но все это – ерунда, главное, это возможность побыть вдалеке от родной роты. Лечебная физкультура, массаж, уколы, анализы – дни пролетали быстро, Барсик творил кулинарный беспредел в столовой (ему удалось убедить поварих в том, что он – здоровенный, двухметровый детина с покрытыми татуировкой плечами и грудью, ослепительным оскалом золотых зубов, он – жертва дедовщины, и если ему не будут каждый приём пищи давать добавку, то невидимые глазу, злые старослужащие жестоко избьют страдальца, и (может быть!) вырвут у него золотые зубы), Колян оставался всё тем же мрачным меланхоликом, его окровавленная задница (он спал напротив меня) служила для меня ежедневным *momento mori*, почему его тощие ягодички при каждом уколе фонтанировали кровью, остаётся загадкой, Аферист продолжал увлечённо смотреть в стену – каждый был занят своим делом. Всё свободное время я проводил в обществе Виты, она вдохновляла меня тем, что мощным басовитым хохотом, (от звуков которого тряслись волосы на моей макушке) встречала мои шутки, и даже позволяла (изредка) приобнять её за хорошо проработанную, рельефную дельтовидную мышцу. Мы увлекательно проводили время у телевизора, просматривая новые серии «Санта – Барбары», «Маски – шоу», «Музобоза», я значительно повысил свой интеллектуальный уровень, чувствовал, что расту и развиваюсь. Я старательно избегал любого общения с

Соней Жёлудь, но однажды она подловила меня на выходе из массажной.

– Здравствуйте, вы...

– Не надо, не надо, я знаю всё, что вы хотите сказать мне: моя загадочность пленила вас, вы не можете понять, почему я избегаю общения с такой неземной красавицей как вы, а предпочитаю проводить время в компании Виты, вы заинтригованы до такой степени, что чувствуете непонятное томление и влечение ко мне, более того, вы меня уже любите, и готовы отдаться мне прямо сейчас и прямо здесь, вообще – то, ваш пористый носик, и толстые, целлюлитные бёдра меня не прельщают – она изумлённо сделала рот буквой «о», и недоумённо оглядывает свою идеальную фигуру, и даже ощупывает нос на предмет наличия пор.

– Я решил сохранить себя для будущей невесты, и врачи запрещают мне возбуждаться, но в виде исключения, только для вас, так и быть – я протягиваю руку к молнии на её роскошном, из жёлтого атласа, спортивном костюме, и плавным движением расстёгиваю его до пояса, она испуганно ойкает, пытается застегнуть молнию, но её заедает, идущие по коридору солдатики несколько секунд наслаждаются волнующим видом её полных, пленительных грудей, слабо прикрытых кружевным бельём.

– Вы любите бюстгальтеры с косточкой, ммм, любопытно!

Она справляется с молнией, раскрасневшаяся от унижения, кричит – ты! Ты! Что ты о себе вообразил! Я плевать

на тебя хотела...

– Понятно – понятно, не очень – то и хотелось, с моей стороны это была гуманитарная помощь, жест жалости, ладно, ещё увидимся, извините, график процедур, спешу!

Я гордо ухожу, сопровождаемый матерной бранью неприступной красавицы, на лестнице меня поджидает возбуждённый Барсик – слушай! Есть маза нормально пожрать, по – человечески, наконец – то!

– Как?

– Надо массажистке помочь бельё в баню перетаскать, я бы и сам справился, да тюков сильно до хрена, поможешь?

– А чего мне за это будет?

– Я же говорю, она обещала завтра принести котлет, домашних, целую кастрюлю!

– Вот же ты ... я – то думал, она тебе обещала полакомиться пышным телом, а тут...

– Ты чего? Дурак что – ли? Кот – ле – ты! До – маш – ние! У меня уже стоит! Эротичнее этого, я в жизни ничего не видал!

– Понятно, мы не ёбари, мы обжоры – вот твой девиз.

– Короче! Ты со мной?

– Нет, я встречаюсь кое с кем, мне не до грязного белья и вонючих котлет...

– Дурашка, знаю я, с кем ты встречаешься, ты ей хотя бы вдул?

– Фи, какая пошлость, не пачкай своим грязным ртом на-

ших чистых отношений, у нас платоническая любовь.

– Это как? Сзади что – ли?

– Тебе не понять.

– Смотри братан, бабья вокруг полно, а котлеты – сам понимаешь, это «очень хитрый предмет, он, если есть – ааам! И его уже нет!».

– Переживу.

– Ну ладно, смотри не ной потом.

Я захожу в палату, для того, чтобы причесать растрёпанные после процедур волосы (Вита должна видеть меня всегда элегантным), и обнаруживаю необычайно оживлённого Афериста в компании с каким – то улыбчивым азиатом, они радостно гундят, словно голуби на помойке, приседают, хлопывают себя по ляжкам, машут руками – очевидно, что произошло нечто важное. Колян с загадочным видомковыряет вилкой продолговатую дыню, невесть откуда появившуюся в палате.

– Чего тут происходит? Аксакал победил в конкурсе «лучший по надоям козлиного молока» в нашей части?

– Афериста комиссовали.

– Ого! Вот это да! А что с ним? Чем он болен? Я тоже хочу!

– Я не понял, он так говорит, будто говна поел только что – ничего не понятно, сам спроси.

– Эй, ассалям алейкум!

– Алейкум ассалям!

– Аферист, тебя комиссовали?

– Сен кутек, ак беденладам генделе!

– Чего? Я ничего не понял.

Второй азиат, сдержанно посмеиваясь, перевёл – он говорит, что очень рад был знакомству с тобой, и твоими друзьями, вы – хорошие солдаты, и надёжные товарищи.

– А что с ним? Какой диагноз?

– В жопе амен сижиньин госининишьбашиндан геширди!

– Он говорит, что...

– Мне слышалось, или первое слово было «жопа»? У него что – то с задницей? Геморрой? Анальные трещины?

– Вам показалось, он сказал, что у него «шизофрения», у нас это наследственное, у него, и у его отца, и у деда, у всех была шизофрения.

– А вы ему кто?

– Дядя, по материнской линии.

– Ааа, так у вас нет этого...шизо...

– Нет, у меня шизофрении нет, вы не волнуйтесь так, кушайте – кушайте дыню.

Афериста сгибает пополам от смеха, его «дядя» невозмутимо смотрит мне в глаза, лицо его абсолютно непроницаемо, он неторопливо произносит какую – то длинную фразу, покровительственно похлопывает меня по плечу, чем вызывает новый приступ веселья у племянника, после чего оба степенно уходят. Колян продолжает безуспешно тыкать вилкой в бок дыни, и задумчиво говорит – какие вежливые лю-

ди, какой красивый язык! Восточная вежливость, понимаешь!

– Ага, вот только у меня чувство, что они надо мной издевались, в приёмнике были азиаты, если я не ошибаюсь, слово «кутак» у них – ругательное, сдаётся мне, что он меня на хуй послал, очень вежливо, изящно, по – восточному, вот же змей!

В палату вбегает радостно – возбуждённый Барсик

–Ооо, бля, вот это веселуха, укатайка просто! Сейчас один полкан, с какой – то смешной фамилией, Хрентюк кажется, в жопу пьяный, вламывается в приёмный покой – там полно народу, офицерские жёны с детьми, но он настолько бухой, что глаз открыть не может, так вот, он что – то мычит, растёгивает штанишки, пытается вывалить свой дивный член, но найти его не может, член остаётся у него в штанах, тогда он хватается за конец ремня, держит его в руке (словно это член), и начинает ссать, ссыт долго, с удовольствием, аж стонет от наслаждения, затем стряхивает конец ремня, и засовывает его в штаны...

– И?

– Что и? Человек нассал себе в штаны, со вкусом, на виду у всего госпиталя, стряхнул кончик ремня, и абсолютно счастливый упал.

– Разбился?

– Хрена ли ему будет, водитель уволок его из приёмного покоя, завтра будет вспоминать – где он штаны намочил.

– Как в анекдоте, поручик Ржевский просыпается с похмелья, и видит, как слуга чистит его заблёванный мундир, ему становится неудобно, он и говорит – знаешь Васька, вчера на балу был поручик Ростовцев – такая свинья, весь мундир мне заблевал! Васька говорит – ага, он вам ещё и в штаны насрал!

– А вы чего тут – жрёте? Без меня? В две хари? Сучата...ооо дынька! Зауважал! Откуда?

– Аферист подогнал.

– Ммм, сладкая какая – Барсик расколол дыню ударом кулака, и уже вгрызлся в сладкую мякоть – сила! Обожаю дыни! А с каких дел, Аферист нас угощает?

– Его комиссовали.

– Вот же сука! Не зря я его так прозвал, индеец сраный оказался хитрее нас всех, а что с ним? Какой диагноз?

– Шизофрения.

– Не зря сидел, уставившись в стену, исполнил шизоида, вот красавец! Завтра будет любимого ослика драть, а мы будем нести службу как дауны, ну и кто из нас после этого чурка? Ладно, я пошёл, меня ждут тюки с бельём, ты как – не передумал? Нет? Ну ладно, мне больше котлет достанется. Ауффидерзеен солдатен!

14.

– Ну, наконец – то! Шарила вернулся! Тебя ждёт длительное, очень длительное стояние на тумбе, мне даже тебя немножко жаль. Отдохнул в госпитале? Расслабился? Теперь

у тебя госпитальные пирожки из задницы – то повылазят! Ох, повылазят – старший сержант Пыжиков радушно встретил моё возвращение из госпиталя. Замелькали яркие, разноцветные дни – наряд, отдых, наряд, отдых, единственная радость заключалась в том, что дневальный в любое время может пользоваться связью – возможность услышать в трубке нежный, рокоchущий басок Виты скрашивала мои серые будни, она пересказывала мне содержание последних серий «Санта – Барбары», «Маски – шоу» и даже напевала скрежещущим шепотком модную песню «Дави на газ», я переименовал название на «дави на глаз» Вита нежно зашлась грохочущим басистым хохотом, я присоединился своим звонким мальчишеским смехом – наступили времена идиллии, мы жили, душа в душу, не хватало только личных свиданий. С выходом весеннего приказа, настала пора перехода нашего призыва в качественно новое состояние, однажды ночью Филя зазвал меня с тумбочки в спальное помещение – чего надо?

– Лезь.

– Куда? – зайдя в полутёмный спальник со света, я сначала потерял ориентиры.

– Лезь – он указал на перевёрнутый кверху ножками табурет.

– Как я на нём удержусь?

– Каком кверху, много вопросов задаёшь.

Не успел я взгромоздиться на ножки табурета, как Пино-

чет нанёс первый удар ремнём по моей заднице, от неожиданности я чуть не рухнул на пол, после шестого удара повисла пауза – что надо крикнуть?

Я слез с табурета в тишине – ну? Что надо крикнуть?
–?!

– Мамчик! Что крикнуть надо?

– Рота, я пряник! – взвизгнул Мамчик из темноты спальника.

– Давай! Кричи!

Я молчал.

– Чё, оглох, сука тупая? – Филя приблизился ко мне вплотную, обдавая мощным водочным перегаром – чего молчишь? Ааа, ты же у нас борзый...

– Филя, хорош, не хочет кричать, пусть молчит, он теперь не душара, а пряник, по херу на него, вали на тумбочку изморозь!

Переход из духов в пряники сопровождается некоторыми льготами: возможностью ослабить ремень, и заменить пластмассовый ремень на кожаный, большей свободой передвижений, и самое главное – необычной традицией, традицией отмечать день бурого пряника. Все, кто призвался вместе со мной, ожесточённо к этому празднику готовились – покупали в магазинах как можно более чёрствые пряники, припрятывали их, и... в день праздника офицеры волшебным образом исчезли из расположения, после возвращения роты с завтрака, я услышал нарастающий гул, сначала далёкий и

слабый, затем всё громче и сильнее, словно звук приboя, мимо пробежал радостный Мамчик – началось! Погнали! Мы бежим по пустому, обезлюдевшему спальнику по направлению к качалке, открываем дверь, и видим испуганные, бледные лица дедов, Мамчик торжествующе рычит, выхватывает из кармана грязный пряник, запихивает его в рот ближнему стоящему деду (это был абсолютно безобидный ветеран по кличке Стёпа – он никогда не шпынял, и не припахивал нас, духов, но он – дед, и поэтому...) Мамчик молотит его в грудь, выбрасывая удары, с какой – то бешеной, нечеловеческой скоростью, хрипя и урча от злости, Стёпа пытается прожевать пряник, и не может – удары в грудь не позволяют ему этого сделать, Стёпа давится и начинает задыхаться, Мамчика в сторону отталкивает Тетеря и начинает молотить Стёпу в грудину, тот падает, не выдержав напора, я бросаюсь к самому маленькому из дедов – миниатюрный, всегда аккуратный Бзан, умудрялся носить форму так изящно, будто она пошита на заказ, Бзан был ростом не выше полутора метров, его детские сапожки тридцать пятого размера всегда умиляли проверяющих, заходивших в сушилку.

–Вы что? Детей тут мучаете? У вас есть сын полка? Чьи это сапожки? В роте охраны завелась Золушка?

Дневальные хмуро отвечали.

– Нет, не Золушка, а Золушок, мелкий и очень злобный.

Бзан мне никогда не нравился, поэтому я с удовольствием засунул ему в рот пряник, и свалил его с ног первым же уда-

ром. В день бурого пряника допускается нанесение любых телесных повреждений старослужащим, но! Бьющий должен держать в уме следующий день – день мщения, в этот день деды берут реванш за унижение предыдущего дня, соблюдается принцип соразмерности, талиона – если тебя били в грудь, ты не имеешь права бить по лицу, поэтому в день бурого пряника пробивают грудную клетку, избегая наносить удары по другим частям тела. Мы простучали всех, кто был в качалке, за исключением Груши, Груша – безбашенный боец, представитель стиля Кёкушин, выполнял подьёмы штанги на бицепс со скучающим видом, прекрасно понимая, что мы не осмелимся, немного потоптавшись, мы выбежали из качалки, и бросились к выходу из казармы в поисках других дедов, надо охватить всех, до завтра ещё далеко. На площадке второго этажа бесновался сержант – связист, увидев нас, разгорячённых, со злыми, азартными лицами, целеустремлённо бегущих мочить дедов, он начал скакать на месте

– Давай! Долби! Всех дедов! В клочья! В лоскуты! В капусту! Убиваааай! Мочи их!

С его губ летели здоровенные клочья жёлтой пены, безумные, размером с мышиный глаз зрачки, покрытый огромными каплями пота лоб, расстёгнутое до пояса ПШ, опухшие от ударов кулаки – всё говорило о том, что он – нашего призыва, но я не смог вспомнить его по временам приёмника. Выбрав на плац, мы обнаружили, что вся часть принадлежит нам – дедов не было видно, изредка группа «наших» перебе-

гала из одной казармы в другую, навстречу мне шёл, расхлябанно улыбаясь, Жеребинский из сорок первой роты, роты obsługi, здоровенный, носатый, потный как свинья, пьяный в сопли, он обнял меня за шею – бляааа! Я их всех... всех... отоварил... всех пидоров...

Я принялся – ты чего, бухал что – ли?

– Нет, ты что – ни капли в рот, ни сантиметра в жопу... видал – он протянул вперёд руки с разбитыми в мясо костяшками.

– Зауважал, ну что Жеребила – эта сраная часть принадлежит нам! А?

– Да, бля! Так точно! Всех, кто против нас, на тот свет отправим! В натуре!

– Аааа!

Основная масса старослужащих должна была вернуться из караулов во второй половине дня, но накормить их пряниками нам не удалось – с момента их возвращения и до отбоя, в роте присутствовали несколько офицеров, замполит – настолько плохо выбритый, что издали казалось, будто он упал лицом в грязь, молдаванин по фамилии Карабан остался ночевать в роте, сорвав наши планы достучаться до жестоких сердец старослужащих. На утреннем разводе старшина (безнадёжно вздохнув) спросил – есть желающие чистить дорогу до третьего КПП? Обычно на эту работу людей назначали насильно – дорога была длинной, и грязной – охотников ковыряться в грязи (как правило) не было, но тут (к

удивлению старшины) я громко вызвался добровольцем.

– Хочешь сдохнуть, совершая трудовой подвиг? Похвальное желание, воздух чище будет, а то за ночь в спальном помещении так напердите, что у меня из носа волосы выпадают, хорошо, но этого мало, нужен ещё один смертник, кто ещё хочет?

Вторым вызвался Вася – бледный, немногословный тип, которого перевели в нашу часть пару месяцев назад. Мы выходим за ворота КПП, я радостно гогочу – ну, Васятка до обеда мы с тобой сохраним наши фанеры в неприкосновенности, а вот после – надо что – то придумать, а иначе нам будет херово, дедам вчера повезло – замполит заночевал, вот бы сегодня кто –нибудь остался...

Мы скребли длинную, грязную, уходящую за горизонт дорогу до самого обеда, перед обедом Стёпа и Бзан затащили меня в спальник – чего, самый хитрожопый? Думал, что спрячешься от нас? Бзан нанёс мне неожиданно сильный для его комплекции удар, затем ещё один – полжизни отниму...

– Э, э – алё, вы чего там? – загрохотал старшина из соседнего спальника.

– Ничё – ничё, после обеда закончим, готовь фанеру – Бзан ласково улыбнулся мне, и поощрительно помахал миниатюрной ручкой. После обеда ротный со старшиной играли в бильярд, а затем Бзан и Стёпа заступили в караул, ночевать в роте остался командир второго взвода – длинный усатый прапорщик, по прозвищу Папуля, нам повезло – ото-

мстить по – настоящему деды не смогли. Утренний развод закончился тем, что я остался единственным свободным солдатом, не успел я обрадоваться этому событию, как старшина повёл меня куда – то в сторону бани – париться будем, товарищ старший прапорщик?

– Не парься раньше времени, товарищ солдат.

Он привёл меня в неприметное двухэтажное здание, расположенное у забора, за которым начиналась полоса отчуждения – железная дорога. Мы поднялись на второй этаж, и... я сладко зажмурился от удовольствия – всё помещение наполнено девушками и женщинами, разного возраста, роста, размеров – я с трудом сглотнул подступившую слюну.

– Вот Леночка, привёл к тебе шарилу и беспредельщика, гоняй его так, чтобы у него в ж..., в общем, чтобы он вспотел, ммм, нещадно гоняй.

«Леночка» оказалась огромной, семипудовой бабищей в легкомысленном розовом сарафанчике, открывающем могучие плечи опытной метательницы молота, она сделала несколько шагов по направлению ко мне, близоруко рассматривая меня, будто препарированное насекомое – вот этот мальчик, этот симпатяга – «беспредельщик»? Не верю, Сашенька – она мотнула головой таким образом, чтобы пышные светлые кудри рассыпались по плечам, и кокетливо приподняла правое плечико (которому позавидовал бы любой выступающий бодибилдер) вверх. Бейвнос побледнел, затем краска постепенно вернулась на его лицо, он сглотнул и сделал шаг

вперёд, но увидев мой взгляд, осёкся – Ленусик, ... что ты делаешь со мной – он закусил губу, затем развернулся и сбежал по лестнице, громко грохая сапогами. Девчонки помоложе громко прыснули от смеха, остальные заулыбались – Елена Геннадиевна, он влюблён в вас, как мальчишка!

– В этом секрет долгого, прочного брака – самодовольно ответила она, и ещё раз тряхнула головой. – Подойди сюда, молодой человек – обратилась она ко мне – что ты там такого натворил, что Саша... то есть Александр Гивиевич против тебя так настроен?

– Ах, он еще и Гивиевич, вдобавок ко всему...

Брюнетистая девица, сидевшая слева от входа, фыркнула и закрыла рот руками, чтобы не смеяться вслух. «Леночка» изменилась в лице – что? Что ты сказал?

– Ничего, вам показалось, я – нем как рыба, и в полном вашем распоряжении Елена свет Геннадиевна.

– Юноша, дерзость, конечно же, хороша, но в меру и вовремя, я обладаю некоторым влиянием на Александра Гивиевича (я подмигнул брюнетке, та опять зафыркала в ладошки), и если вы хорошо проявите себя при выполнении поставленных перед вами задач, я могу замолвить за вас словечко, вы хотите этого?

– Вам виднее, Елена ... Геннадиевна...

– Воот, я уже вижу заинтересованность в ваших глазах, я неплохо разбираюсь в психологии, и вижу людей насквозь, вы – шалун, но безобидный, ведь так? Что же вы совершили?

Кому – то нагрубил? Что – то ответили резкое, я вижу, что вы остры на язык, ну...говорите...

– Честно? Правду?

– Именно, всю правду!

– У меня роман с капитаном Мазепаном, ах, он такой соблазнительный в этом своём эротичном мундирчике (я сделал рукой такое движение, будто кокетливо поправляю рассыпавшиеся по плечам волосы), а товарищ, старший прапорщик ... то есть Александр Гивиевич приревновал, ну вот и...

Смеются все, за исключением Елены Геннадиевны, на её лицо больно смотреть, рот открылся, обозначилось несколько подбородков, она недоумённо смотрит на смеющихся коллег, не зная как ей реагировать на мои слова, и, в конце концов, начинает подхихикивать вместе со всеми.

– У вас ...роман с...Мазепаном... я же его знаю,...он не такой...он женщин любит...

– Мы вынуждены скрывать наши чувства, огласка плохо скажется на его карьере, ах, он такой душка! Я никому об этом не рассказывал, только вам удалось (с вашей проницательностью) заставить меня сознаться, я надеюсь, это останется между нами?

– Конечно – конечно...

Сидящая за соседним с «Леночкиным» столом дама с сожжёнными химией волосами говорит ей

– Лен, ты не поняла? Сопляк издевается над тобой, а ты

поверила! А вы юноша, свои солдафонские шутки оставляйте в казарме, там это будет уместно и вызовет смех, а здесь находятся приличные люди, ваш казарменный юмор тут неуместен.

– Я...да ничего я не поверила...я сразу поняла, что он шутит...так, Света покажи ему фронт работ, когда увидит, что его ждёт, сразу перестанет шутить!

Света (та самая смешливая брюнетка) неторопливо встаёт (встаёт таким образом, чтобы видны были все достоинства внушительной груди, её тело призывно изгибается), она потягивается по – кошачьи, и быстро идёт к выходу, вызывающе покачивая бёдрами. Я устремляюсь вслед, мы выходим из здания, заворачиваем за угол, и оказываемся перед зданием складского типа, Света открывает дверь, зажигает свет, и приглашающе обводит рукой открывшееся взору великолепие

– Это всё твоё!

Здание забито картонными коробками, они всюду, их тысячи, неровные ряды громоздятся от пола до потолка.

– И что мне с этим делать?

– Значит так, коробки стоят по годам, чем дальше от входа, тем раньше, самые ранние стоят у самой стены, именно они нам и нужны, поэтому, (она начинает гундосить, явно кому – то подражая), па – эта – му, аку – ратно разбираешь от входа к стенке, затем дальние коробки переносишь ко входу, когда закончишь, скажешь мне, я посмотрю и скажу – что

нужно, а что нет. Паа– нятнаа?

– Паа – нятнаа. Только тут работы до...самого дембеля.

– Ты поступил в наше полное распоряжение на неограниченный срок, так что ...Слушай, а это правда?

– Что?

– Ну...что ты с Мазепаном...это...

– Правда, я – сторонник чистой мужской любви, женщины в любви – неумелы, грубы и неуклюжи...

– Ну, и кто кого?

– В смысле?

– Кто снизу...кто сверху...

– Фи, какие подробности вас интересуют, ну так и быть. Я.

– Что «Я»?

– Я сверху, всегда...

– Может быть хватит? Шутка затянулась, хорош кривляться, какой из тебя педик...

– Ах вот что, не доверяете...Всё можно проверить, сделай мне минет, и ты увидишь – ни один мускул не дрогнет на моём мужественном лице, я останусь совершенно невозмутим...

Она смеётся – а ты забавный, ну ладно...приступай, если чего понадобится – приходи, не стесняйся.

– Не буду.

– Чего «не буду»?

– Стесняться не буду.

Она уходит, а я остаюсь в окружении картонных друзей.

14.

– Я хочу тебя, с первого дня нашего знакомства... не могу держать себя в руках... меня всего трясёт, что ты со мной делаешь, я как пацан, как мальчишка... ну, давай, по – быстро-му, снимай трусики – хриплый, страстный шёпот старшины настойчиво буравил мой слух – не стесняйся, здесь никого нет, никто не узнает...

– Саш, ты что? С ума сошёл? Потерпи до дома... не будь ребёнком...

– Аррргх, не могу, Лена, я с ума схожу, я не выдержу... я со службы ради тебя ушёл...

– А здесь же должен быть этот... солдатик, которого ты прислал... он увидит...

– Да он уже в роте давно, время ужина, они жрать сильны, как наступает время приёма пищи, так словно тараканы несутся...

Я в ужасе открываю глаза, и понимаю, что заснул на складе с коробками, в этот момент старшина сломил сопротивление супруги, и начал совершать мощные фрикции, вдавливая её в коробку, спиной к которой сидел я, я упираюсь спиной в коробку, старшина долбит словно прокладчик туннелей, строитель метро 30 – х годов, его энтузиазм поразителен, я упираюсь ногами в предыдущий ряд, и несмотря на это, каждый удар наносимый старшиной, сдвигает меня с места, после очередного удара шапка слетает с моей головы, и падает на коробки – ты слышал? Саша, здесь кто – то есть...

– Уааа, никого тут нет, крыса какая – нибудь, я уже близко, на подходе... аааа, йоообаны в носс!

Суровый прапорщичий оргазм потрясает коробки, а вместе с ними и меня

– Аааа, кхе – кхе, Ленусик, я люблю тебя, аж яйца сводит от желания, вторую палочку поставим?

– Саша не будь вульгарным, я и так не знаю – как теперь в бухгалтерию (она произносила именно так через «э») возвращаться, у меня тушь не потекла? Лицо, наверное, красное, как после бани, волосы растрепались, что девочки подумают?

– Похуй мне, что они подумают...

– Саш! Я просила тебя не материться, о твоей грубости уже легенды ходят, ты как сапожник...

– Ладно – ладно, я пойду вечернюю поверку проведу, жду продолжения дома... дай поцелую – аам, так бы и съел тебя, пышечка ты моя!

– Иди – иди носач, отрастил себе руль, я думаю – что это завывает по ночам? Это ветер твой флюгер разворачивает... ну, всё, увидимся дома.

Послышался скрип сапог, хлопнула входная дверь – старшина вышел из здания, если я не успею на вечернюю поверку, у меня будут проблемы, вопрос в том, как мне уйти, поскольку «пышечка» затихла, и, судя по всему, не собиралась двигаться с места, пройти мимо неё незамеченным было невозможно, показаться ей на глаза – выдать себя, она пой-

мёт, что я стал свидетелем захватывающей любовной сцены, что делать, как быть? Я сидел на коробках, мучительно размышляя о том, как мне избежать очередного потока матерных воплей от старшины, как вдруг... рядом со мной шмякнулась на коробку салфетка, очень быстро картон под ней размок, жирное пятно быстро увеличивалось в размерах, я брезгливо отодвинулся подальше, и в этот момент, с противным чмокающим звуком прилетела вторая салфетка – судя по всему, мадам прапорщица устраняла результаты супружеской близости.

– Ты здесь? Кооотик? Ау?

Кого эта старая сволочь зовёт котиком? Я, конечно же, уверен в собственной неотразимости, и не сомневаюсь в том убойном впечатлении, которое производит на экзальтированных дамочек моя мужская красота, но чтобы вот так, сразу, и наповал – такое со мной впервые! Я приготовился слезть с коробок, и появиться перед престарелой нимфой во всём блеске своего великолепия, как вдруг раздался до боли знакомый голос – здесь, твой котик здесь! Откуда – то слева, буквально в нескольких метрах от того места, где прятался я, вырос силуэт капитана Мазепана (какой приятный сюрприз!).

– Лена, мне такие приключения не нравятся, сколько можно ныкаться по складам макулатуры – он раздражённо пнул одну из коробок – я уже не мальчик, давай встречаться в более спокойной обстановке...

– Где? В общежитии? Где все про всех всё знают? Или может быть у меня дома, в присутствии Виты? Ей уже восемнадцать, она всё понимает...я хочу попросить у тебя прощения за сегодняшнее...кто мог подумать, что старый похотливец припрётся сюда...представляю, что ты пережил за это время, наверное, чувствуешь себя ужасно...

– Да уж, слышать вашу похотливую возню – удовольствие ниже среднего, особенно пыхтение этого старого борова...

– Он последнее время стал просто неудержим, словно старый сатир, он хочет секса постоянно, я просто не выдерживаю, его похоть омерзительна...

– Ага, я слышал твои довольные стоны, хочу сказать вам Елена Геннадиевна, недовольные женщины так страстно не стонут! Где ваши любимые ухищрения – головная боль? Убежавшее молоко? Неоконченный квартальный отчёт?

– Сержик, ты что – ревнуешь? Это просто глупо...я же говорила тебе, что мы с ним давно уже чужие люди, живём вместе по инерции, сила привычки...

– Я слышал вашу «инерцию», чуть не оглох от стыда!

– Сергунька, прекрати, ты выше этого, у нас есть способ более приятно провести время, нежели предъявлять взаимные претензии...мммурр!

– Удивляюсь я на вас Елена Геннадиевна, вы только что с блеском исполнили так сказать «супружеский долг», и через минуту готовы снова...сама мысль о том, чтобы ...после этого чудища...меня сейчас стошнит...

– Ну, Серджиньо, я сейчас обижусь... Ленусик хочет любви...

– А может мы позвоём твоего старого, и в два смычка тебя отпердолим...

– Фу, какой ты вульгарный!

– Я не могу себя заставить любить тебя после него... я...

– Дурашка, какой же ты неизобретательный, природа всё продумала за нас, давай сделаем так...

Я услышал одышливую возню, затем восторженный стон Мазепана

– Ооо, я давно просил тебя об этом, наконец – то!

Коробки угрожающе накренились – видимо «Ленусик» опёрлась на них мощными дланями, давая Мазепану насладиться своей красотой в той самой позе, которую утончённые индийцы называли по – военному кратко «упор стоя». Чтобы не обнаружить себя, мне пришлось упереться в коробки руками, и сдерживать натиск двух разгорячённых тел, несмотря на то, что Мазепан был более хрупкого телосложения, чем Бейвнос, удерживать его натиск было нелегко, через пару минут с моего лба сорвалась первая капля трудового пота, с трудом удерживая дрожащими от напряжения руками вибрирующие коробки, я с нетерпением ждал окончания экзекуции, но командир роты предпочитал растянуть удовольствие в лучших традициях тантрического секса, моя гимнастёрка намокла от пота, пот заливал глаза, я зажмурился, и всё равно чувствовал жуткое жжение в глазных ябло-

ках, в тот момент, когда силы окончательно покинули меня, и я уже готов был опустить руки, и отдаться на растерзание ротному, он, наконец – то разрядился, сопроводив свои действия каким – то высоким горловым звуком, похожим на детский плач. Повозившись ещё немного, любовники затихли, затем Мазепан ушёл, «Ленусик» одарила меня ещё парочкой использованных салфеток, и удалилась, напевая «она всех вечно удивляла, такая уж она была». Озадаченный я вылез из груды коробок, и быстро пошёл по направлению к казарме, у самого входа меня подловил старшина – ааа, шарила ебаный, где шлялся? Почему пропустил вечернюю поверку?

– Работал на складе, товарищ старший прапорщик, так увлёкся, что не заметил наступления темноты, даже ужин пропустил!

– На...на складе...чего – то я тебя там...хгм...тьфу, ты всё это время там пробыл?

– Так точно!

– Ааа, ну ладно, иди в распоряжение, всё по распорядку... Дневальный встретил меня ласково – где тебя носило, бля? Вечерняя поверка, а тебя нет!

– Меня старшина на склад отправил, ему вопросы задавай.

– Ладно, отмечаю тебя в расходе, в следующий раз предупреждай, что ты на складе.

Я доковылял до кровати, размышляя – что мне делать с новой, и очень деликатной информацией, и тут меня атако-

вал Мамчик – ты где был? На тумбочку хочешь, ты поверку пропустил! Сантей тебя с гавном схавает!

– Не схавает, он сам мне работу нашёл, он что, меня вспоминал?

– Нет, и вообще был очень мяконький, добродушный...

– Знаю я, чего он такой «мяконький»...

– Поделись!

– Хрен тебе, я – жлобокряк, ничем ни с кем не делюсь...

– Ну – ну, смотри не крикни, «жлобокряк».

15.

– Разрешите войти?

– Входи.

– Товарищ капитан, разрешите мне увольнение?

– Это с какой стати? По бабам хочешь пойти?

– Нет, мне бы подраться.

– Чеего? С кем подраться? С патрулём что – ли?

– Шучу, я хочу в кино пойти, в видеосалоне новый фильм...

– Ааа, боевики любишь...

– Нет, я люблю эротичные фильмы.

– Ты меня в конец запутал, драки, эротика...

– Так можно?

– Можно Машку за ляжку, у меня увольнительных нет, не могу тебя отпустить...

– А если я найду увольнительную – отпустите?

– Хрен с тобой, отпущу...

Я быстро нахожу понимание у связистов (это стоило мне обещания предоставить две бутылки общенародного наркоза), и возвращаюсь в роту. Мазепан недовольно скривившись, выписывает мне увольнение до 18 – 00, окрылённый, я отодвигаю дневального и звоню Вите – я иду в увольнение! Мы встречаемся в видеосалоне, сеанс уже начался, в темноте, я нахожу третий ряд, продираюсь сквозь ноги сидящих впритирку зрителей, вот оно – второе место слева, на экране телевизора идут титры, зал погружён во мрак, я не могу разобрать – кто сидит передо мной, на всякий случай говорю – привет, это ты? В ответ доносится невнятное бурчание – точно она, Виточка! Ну, здравствуй, радость моя!

Я нежно беру в свои руки её правое, мохнатое запястье, поглаживаю его, шепчу успокаивающие слова, Вита издаёт негромкое басовитое рычание – прямо как голодный бультерьер, я пытаюсь обнять её за плечо, но получаю чувствительный тычок локтем в солнечное сплетение – узнаю нежную лань, до середины фильма Вита издаёт звуки, которые можно считать поощрительными, затем неожиданно произносит пропитым мужским голосом

– Ну? Чё остановился пацанчик? Мне нравится, когда мне кто – то клешни чешет, псориаз – штука неприятная – счастливый обладатель псориазных клешней хрипло расхохотался. Я в ужасе отшатываюсь от соседа – вот же дурак, как я мог так ошибиться? Как? И где сидит настоящая Вита? Я начинаю тихо звать – Вита! Вита! Где ты?

– Заткнись, мать твою!

– Сам заткнись! Человек собаку потерял!

– Какую собаку?

– Где ты видел человека с таким именем – Вита? Зита и Гита блядь! Индийское кино!

– Заткнитесь все! Она его сейчас грохнет! – на экране Шэрон Стоун взяла в руки ледоруб, и ...

Я выбежал из зала, чувствуя как румянец заливает лоб и щёки – ты, где был? Вита одиноко сидела у входа, покачивая перебинтованной ногой.

– Я тебя искал в зале, думал ты там...

– Я в травмпункте была, ногу подвернула...

– Заяц, а я – то не знал, что и подумать, уже стал истерить – а вдруг ты меня не любишь? Чего будем делать? Предложить тебе прогулку – ты подумашь, что я издеваюсь... у меня идея... давай я сбегаю в гостиницу, снимем номер, полежишь, нога отдохнёт, согласна?

– А потом чего?

– Ничего, массажик тебе сделаю, если захочешь...

– Знаю я, чего ты хочешь...

– Виточка, по твоим глазам я вижу, что наши желания совпадают, ведь я прав, зайка моя?

– Удушила бы тебя, вы все одинаковые...

– У тебя был неудачный опыт? Кто этот негодяй? Ради тебя могу его найти, и больно наказать.

– Нет у меня никакого опыта... ой...

– Витусик, так мы с тобой схожи, я тоже – мальчик – колокольчик, и ни разу ни день – день...

– Я по твоим масляным глазам вижу, как ты «ни день – день», смотри, обидишь меня, будешь иметь дело с моим папой, знаешь, кто мой папа?

– Кто?

– Старший прапорщик Бейвнос!

– Да неужели! А кто это?

– Тебе лучше не знать...

– Это значит «да»?

– Это значит «нет».

– Это то самое «нет», которое «да»?

– Пошёл ты! – Вита с трудом встала, и заковыляла в сторону от меня – Витусик! Она медленно повернулась – я вечером позвоню? Обсудим «Санта – Барбару»? Витусик грациозно показала мне массивный, похожий на спелую сардельку средний палец, и продолжила свой скорбный путь. На мой вечерний звонок ответила Елена Геннадиевна, она сказала, что Вита плохо себя чувствует, и не может подойти к телефону. Хрустальная мечта о мохнатых прелестях прапорщицкой дочки с нежным звоном осыпалась на пол. На следующее утро старшина выдернул из строя меня, Мамчика, Тетерю, Филю, Пиночета, приказал нам взять рукавицы, и ждать в кузове сто тридцатого Зила. Мы погрузились, и через сорок минут приехали к одиноко стоящему в лесной глуши домику.

– Вылазь из кузова!

– По грибочки пойдём, товарищ старший прапорщик?

– Угу, щас за шляпу тебя схвачу, и отхреначу под корень

– старшина сделал резкий выпад рукой в сторону Филиных яиц – шутник хренов! Вот ваш фронт работ – он щедро взмахнул рукой в сторону стоявшего у забора Камаза, щас натаскаетесь, грибочков ему захотелось! Филя присвистнул – ого! Полный КАМАЗ леса! Мы с Филей внизу, а вы – пряники, лезьте в кузов. Мы залезли в кузов, и стали ворочать тяжеленные брёвна, сбрасывая их вниз, где их принимали Филя с Пиночетом – Э, э, поаккуратнее, лес не казённый! – старшина подбежал к нам, кривой, как турецкий ятаган нос старшего прапорщика покраснелся, и пламенел на фоне блёклых деревьев – вы трое, не швыряйте стволы, подавайте их нежно, как будто бабу за ляжки держите – поняли?

– Так точно!

– Да поторопитесь, я здесь весь день торчать не собираюсь!

Мы пытались таскать брёвна побыстрее, но Филя (злобно ощерясь) прошипел – слышь, бля, не надо торопиться, мы с Пиночетом не железные, не гоните там.

– Но старшина...

– Мне пакорабану твой старшина, он ходит ебалом торгует, а мы тут карячимся, медленнее!

Время близилось к обеденному, а количество леса в кузово-

ве как будто бы не уменьшилось, заметив это, Бейвнос начал нервничать, дёргать плечом, и ожесточённо сплёвывать – вы долго ещё сопли жевать будете? Кхрр – тьфу, как драть по туалетам, так вы – скорострельщики, а здесь елозите как старые пердуны, навалитесь! Быстрее!

Я стоял у самого борта, Мамчик и Тетеря стояли позади меня, ближе к кабине, выталкивая из кузова очередное бревно, я увидел, что оно летит прямо в голову Филя, который в это время хмуро смотрел себе под ноги, дальше всё было как в замедленной съёмке: Филя поднял голову в тот момент, когда бревно было в сантиметрах от его носа, его лицо начало искажаться от страха, затем глухой звук удара, и тело Филя падает, придавленное огромной тяжестью. В наступившей тишине я услышал негромкий, замедленный смешок – хе – хехе – хе – монотонный, тягучий, механический, он исходил из – за моей спины, судя по голосу – это был Мамчик. Пиночет бросился к телу Филя, с трудом оттащивая бревно – помогите мне! Кто –нибудь! Быстрее!

Никто из нас не сдвинулся с места, Мамчик хохотал во весь голос, его сворачивало пополам от смеха, Пиночет неожиданно ловко (для его большого веса) запрыгнул на борт, сунул Мамчику в морду здоровенным кулачищем, и спрыгнул вниз, старшина подбежал, и помог ему оттащить бревно – дышит! Срочно в санчасть! Тело Филя забросили в кузов ЗИЛа, волитель гнал изо всех сил, на подъезде к КПП он начал отчаянно сигналить, призывая кппшников открыть

ворота, несмотря на громкий звук, из КПП никто не вышел, Пиночет спрыгнул на землю, и сам открыл ворота, только в этот момент появился расслабленный как большая киса сержант, шапка была сдвинута на затылок, открывая взору богатый чуб, ремень держался на бёдрах каким – то чудом – настолько он был ослаблен, сапоги в гармошку, в углу рта дымилась сигарета, не вынимая её, он с растяжкой заговорил – чё за беспредел? А? Вы чё творите? Кто разреш... Пиночет ударом в грудь опрокинул сибаритствующего коменданта, шапка покатила по земле, сержант упал навзничь, хватая воздух ртом, Пиночет запрыгнул на подножку у кабины водителя – гони! В приёмном покое госпиталя было тихо и безлюдно, пахло хлоркой, пустые каталки сиротливо жались к стенам.

– Эээй, тут есть кто –нибудь? Люди? Медицина? Ауу!

Ответом была давящая, гнетущая тишина.

– Бля, да чего здесь творится, где люди?

– У них обед, сейчас никого нет.

– Что? Что ты сказал – он выверился в мою сторону.

– Я говорю, что у них сейчас обед, я недавно тут лежал, в обеденное время никого не найти.

– Ну, суки, если с Филей чего случится, я вас троих угандошу, вам не жить пидорасы!

В коридоре что – то загрохотало, неторопливой походкой из – за угла вышла старенькая медсестра, она неспешно шаркала по направлению к нам. Пиночет подбежал к ней – по-

могите! Он умирает! Сделайте что –нибудь! Бабка неторопливо подошла к лежащему на скамье Филе, потрогала шею – дак он уже преставился, чего вы от меня хотите, отцы родные?

– Что?

– Плохо слышишь, милоч? Я говорю, друг твой – отдал Богу душу, умер уже – она ласково улыбнулась Пиночету – всё, отмучалси!

– Старая дура, врача позови! Не понимаешь ни хера, «отмучалси» – он ещё дышит!

– Эт ты зря сынок, я тут почитай лет пият работаю, в таких вещах разбираюсь, умер он.

– Где врач?

– Дома, обедает.

– Что вообще никого нет, что ли?

– Сестрички есть, может, кто из заведующих отделением есть...

– Где они?

– На втором этаже...

Пиночет побежал по коридору, гулко грохая сапогами, мы ошарашенно молчали, через несколько минут Пиночет вернулся, рыдая – госпиталь блядь, бараны хуевы, вам овец лечить, а не людей! Никто ни хера делать не хочет...

Он всхлипнул и бросился к Филе – вставай тряпка! Вставай сопляк! Пиночет схватил Филю за гимнастёрку и начал трясти – давай, падла такая! Живи! Жуткая, деформирован-

ная голова Фили болталась как тряпичная, неожиданно он издал какой – то звук, похожий на икоту, испуганный Пиночет отпустил руки, тело рухнуло на скамью, а с неё на пол, голова ударилась об пол с глухим, деревянным звуком.

– Он жив! Он икнул! Сестра! Сюда! Он ещё живой!

Старшина мягко обхватил Пиночета за шею правой рукой – оставь, его больше нет.

– Как нет? Он только что икал! Он...

– Такое бывает, дёргаются руки, ноги – сокращаются мышцы, выходят газы, его уже не вернуть...

– Как я его матери расскажу... а Ольга, его девчонка, ... что с ними делать, а?

– Командование им сообщит, ты здесь не причём.

16.

– Алло?

– Осип, это Гидросеменко.

– Здравия желаю, товарищ полковник!

– Здравствуй, слушай, там, в роте охраны опять какое – то ЧП, надо разобраться.

– Есть, будет сделано.

– Ты только это... поаккуратнее там, там такое дело, прапорщик повёз солдат разгружать машину с лесом, и один из них погиб.

– Чего тут непонятного? Всё ясно.

– Проблема в том, что лес этот, Кондрашов себе купил...

– Это который... генерал – майор... командир корпуса?

– Так точно. А вот теперь, прикинь хуй к носу – в газетах статьи о том, что солдаты строят дачи генералам, а у нас боец погибает, разгружая генеральский лес, нам огласка такая нужна?

– Никак нет.

– Вот и разберись, надо всё сделать тихонечко, и без скандала, тело отправим в закрытом гробу, «геройски погиб, выполняя воинский долг во время учений...» – ну, ты понимаешь? Не мне тебя учить.

– Всё понял, сделаю.

– Бывай, о выполнении доложишь.

Капитан Дерibas поднялся на третий этаж казармы, поморщился в ответ на истошный крик дневального – не надо мне дежурного, где солдаты, участвовавшие в разгрузке леса?

– В Ленинской комнате.

Дерibas распахнул дверь в ленинскую комнату, внутри сидело четверо: трое солдат сидели рядом друг с другом, четвертый сидел отдельно, вернее лежал на столе, и негромко похрапывал.

– Подъём!

Спящий поднял голову, ошалело оглядев помещение налитыми кровью глазами, из его рта свисали длинные нити слюны.

– Слюни подберите, товарищ солдат. Таак, знакомые лица, рядовой Злобарь, я знал, что мы ещё увидимся, ты

останься, остальные вышли отсюда, я позову, когда понадобится. Ну, Злобарь, как поживаешь?

– Вашими молитвами, а поскольку молитесь вы плохо, то...

– Дерзишь? Это хорошо. Ну, расскажи мне, что произошло.

– Да чего там рассказывать... разгружали лес, бревно упало на голову Филе...

– Кому?

– Рядовому ...как его фамилия...Филимонову.

– Как это случилось?

– Неожиданно, подавали бревно, он о чём – то замечтался, чпок – и фарш вместо мозгов!

– Где находился в это время ты?

– В кузове, брёвна подавал.

– А Филимонов был внизу?

– Да.

– Где были остальные?

– Мамчик и Тетеря вместе со мной в кузове, Филя и Пиночет внизу.

– На тебе листок.

– Зачем?

– Пиши чистосердечное признание.

– Чего? С какой стати?

– А что? «Сотрудничество со следствием смягчает ответственность»...

– Да не в чем мне признаваться, я ничего не сделал...

– Понятно, как всегда, насчёт чистосердечного я пошутил, нарисуй мне схему, кто, где стоял в тот момент, когда это произошло.

– Да я не мастер рисовать людей...

– Людей и не надо, крестиками отметить, где ты стоял, где остальные.

Злобарь кряхтел минут пять, затем передал Дерибасу листок со схемой – вот как – то так.

– Значит, говоришь, ты не причём?

– Так точно, нехрена зевать, когда тебе такие брёвна сверху подадут!

– Судя по твоим словам, ты не испытываешь жалости к Филимонову.

– Почему? Испытываю, но вины в его смерти ничьей нет, это – несчастный случай.

– Видишь, как интересно получается, мы с тобой видимся второй раз в жизни, и оба раза связаны с несчастными случаями. Странно, правда?

– Ничего странного, такое бывает.

– Действительно, бывает. Есть такая наука – статистика, слышал о ней чего – нибудь?

– Да, слышал.

– Умные люди говорят, что статистика знает всё. Знаешь, сколько человек погибло в нашей воинской части в результате несчастного случая за предыдущие пять лет?

– Сколько?

– Ни одного.

– Ну и что?

– А то, что за последние полгода, это уже второй несчастный случай со смертельным исходом, и оба раза, прямо или косвенно, замешан ты. Любопытное совпадение, правда?

– Ну и что?

– И оба раза гибнут люди одного призыва, того самого, который вас, салобонов гнобит. Интересно, да?

– Я не салобон, я – пряник!

– Простите мне мою неосведомлённость, что это значит, что ты – пряник? А почему не марципан? Ты превратился в кондитерское изделие за полгода службы? Скоро станешь барбариской, или как там у вас уродов это называется? Тебя не прессуют больше?

Злобарь поджал губы, и замолчал.

– Я не верю в совпадения Злобарь, и эта наша встреча не последняя. Ты не остановишься, правда? Знай, что в следующий раз я твои яйца на кулак намотаю, и сыграю ими в бильярд, понял? Ещё один несчастный случай, и ты не в дисбат поедешь, нет! Я позабочусь о том, чтобы тебя, хитрожопый ты наш, отправили в самую поганую зону, в такую, где старые воры проделают дыру размером с арбуз в твоей розовой попчке, там ты потеряешь все зубы, волосы, твоя смазливая рожа покроется морщинами и обвиснет как дряблая собачья мошонка, и ты будешь затыкать задницу полотенцем, чтобы

матка не вываливалась, я доходчиво изъясняюсь? То, что я тебя не поймал, пока! Это не твоя заслуга, а моя недоработка, шёл вон отсюда, позови Мамчика. Дневальный!

– Я!

– Вот этого рядового посадить в канцелярию, и чтоб он ни с кем не общался, ротному скажи, что это мой приказ! Понял?

– Есть!

Злобарь понуро ушёл в канцелярию, в ленкомнату осторожно вошёл Мамчик. Дерibas стремительно оббежал стоящий перед ним стол и протянул Мамчику правую руку – ты, тот самый Мамчик! Наслышан, наслышан, очень приятно! Ты же мурманский? Правильно? Обожаю этот город! У памятника Ждущей назначал свидания девушкам, потом гуляли с ними по мосту через Кольский залив...ах, какие были времена! Ну, впрочем, я отвлёкся...ты куришь? Что ты куришь? Фу, какая гадость, хочешь вкусную сигарету, у меня есть Бенсон энд Хеджесс? Угощайся, хорошему человеку не жалко...Ну, как тебе сигаретка? Хороша, да? Согласен? Наш с тобой разговор – простая формальность, Злобарь решил стать честным человеком, и стал сотрудничать со следствием, так что я уже всё знаю, всё! Знаю, что Филя тебя прессовал, что издевался над тобой, знаю, что ты решил отомстить, собственно мне от тебя требуется только собственноручно написанное признание, на, пиши – Я, рядовой Мамчик, чистосердечно признаюсь в...что остановился?

– Я не знаю, что вам этот стукач напел, я ни в чём признаться не собираюсь, я ни в чём не виноват!

– Ну как же так? Это некрасиво, выклянчил у меня дефицитную сигарету, обещал рассказать всю правду, а теперь заднюю включаешь? Ох, ты змей! Ох, хитёр! Правильно про тебя Злобарь сказал, как же он выразился ммм...»сука неприятная» вот как он тебя охарактеризовал, втёрся ко мне в доверие, а теперь хамишь? Некрасиво!

– Да никуда я не втирался! Ничего я не просил!

– На листочке нарисуй мне схему, где ты стоял в тот момент, когда погиб Филимонов. Ага, значит, бревна подавал ты, ну что же, Злобарь прав – ты убил.

– Почему это я? Злобарь стоял у самого борта, он и подтолкнул бревно...

– Физика сынок, элементарная физика! Злобарь стоял у борта, он просто сопровождает бревно, как по направляющим снаряд едет, принцип действия миномёта «Катюша» знаешь? Нет? Ну, неважно, он сопровождает, а вот ускорение придаёшь ты! Следовательно – ты и убил!

– Да не убивал я его! Он сам виноват! Спит на ходу, мы брёвна подавали одно за другим, мы подали, а он прошёлкал момент подачи, вот оно ему в голову и попало!

– Ты меня совсем запутал, сначала говоришь, что Злобарь убил, затем, что это – несчастный случай, потом ещё что –нибудь придумаешь, скажешь, что это самоубийство, Филимонов схватил бревно и стукнул себя по лбу!

– Нет, нет же, это несчастный случай, да вам любой подтвердит, вон Тетерю спросите, или Пиночета!

– Кого? Пиночета? Может Франко вызвать на допрос, или Тутанхамона?

– Рядового Вафина, это у него прозвище такое, он подтвердит...

– Да? Значит, ты не виноват?

– Да! Я не причём!

– Я тебе почему – то верю, у тебя честное, открытое лицо, сейчас я тебя отпущу, но с одним условием – ты и дальше будешь честно сообщать мне обо всём, что происходит в твоей роте, договорились?

– Что? Стукача из меня сделать хотите? Да я...

– Вот же извращённые представления о жизни у тебя, а откуда по – твоему я узнал, что Филимонов тебе проходу не давал? А? От тех самых, честных парней, которые не побоялись вашей уродской морали и рассказали всю правду, смело и открыто. Скрывать правду – подлю, а говорить её – честно и открыто, это почти что подвиг! Западло молчать, когда тебя бьют, и заставляют стирать носки, а вот рассказать об этом, вывести урода на чистую воду – это по – сту – пок! Ты – злой человек, Мамчик?

– Я? Нет, я добрый.

– Воот! А добро – это правда, справедливость, честность...Ну так что? Договорились? Будешь держать меня в курсе событий?

– Не могу... не буду.

– Я мог бы построить разговор по – другому, поставить тебе условие: ты стучишь мне, или я довожу дело до конца, доказать, что это ты убил – раз плюнуть, показания Злобаря с удовольствием подтвердит Тетеря, после этого уголовное дело, суд, колония, если доживешь, конечно, насколько я знаю, Филимонов и Вафин были друзьями, представляешь его реакцию, если ему станет известно, что это ты убил его друга? А я могу ему шепнуть на ушко... Даже если допустить, что ты доживёшь до колонии, ты знаешь, что там делают с такими молоденькими, свежими мальчиками? Через дыру в твоей заднице можно будет рассматривать поверхность луны, ты готов отдаться на осквернение старым, пропитым, синим уркам? Нет, тогда ты знаешь, что надо делать...

Мамчик потрясённо молчал, его маленькое личико, бело-брысое личико недоношенного розовенького младенца, мучительно напряглось, он подумал, и затем сдавленно прошептал – не могу...

– Что ты там шепчешь? Молишься что ли?

– Нет, я не могу стучать, хоть убейте.

– Ты меня разочаровал, иди, очень надеюсь, что мы больше не увидимся.

Дерибас допросил Тетерю и Вафина, их показания не дали ему ничего нового.

– Товарищ полковник?

– Да, Осип, слушаю тебя.

– Как вы и предполагали – это несчастный случай, рядовой задумался о чём – то и не увидел бревно, злого умысла нет.

– Это точно?

– Если допрашивать жёстко, я мог бы получить признательные показания, но... я выполнял ваш приказ...

– Что это значит? Осип, что ты говоришь? Я просил тебя скрыть факт совершения преступления? Ты чего? Я просил тебя быть поаккуратнее, а не скрывать факт совершения преступления. Если ты установил...

– Нет – нет, я неправильно выразился товарищ полковник, налицо отсутствие преступления. Несчастный случай в чистом виде.

– Точно? Ты уверен? На все сто?

– Так точно.

– Ну, хорошо, спасибо за службу.

17.

– Алло, ёжик? Я соскучилась.

– Ааа, мои чары по – прежнему сильны! В смысле – я тоже!

– Мне одиноко, нога болит.

– Суй её в трубку, я сделаю тебе массаж, где она, не вижу?

– Бугха – ха ха –ха!

– Я её тяну, она уже возле КПП...

– Прекрати, мне больно смеяться... расскажи, чем ты сейчас занимаешься?

– Вышиваю крестиком, вяжу носочки, чем ещё может заниматься солдат в свободное время?

– Гхы!

– Увидимся в воскресенье? А, зайка?

– Кого это ты зайкой назвал? Дай трубку! – старшина протягивал мощную волосатую лапу к эбонитовой волшебнице, я быстро нажал рычаг отбоя, он поднёс трубку к уху – алло! Алло? Кто этот зайка, с которым ты разговаривал?

– Дежурный по части, у него такая соблазнительная портупея...

– Кто? Поляков? Да он больше на бешеного таракана похож – вытарашенные шары, усищи торчат, носится как ошпаренный, ха – ха – ха! Зайка, мать твою, ну ты загнул, небось, со шлюхой какой – то трепался? Кто ещё звонит в роту в такое время? Только пиздострадалица какая – нибудь... Ты вот что, бери двух оставшихся дебилов...этих ...Мамчика и Тетерю, и за мной...

Старшина привёл нас к первому караулу, пинком растворил калитку на пост, встрепенувшийся часовой судорожно лапал трясущейся рукой цевьё карабина, и вдруг, тонким, срывающимся голосом пропел – Стой! Ктооо идёооот?

– Заткнись на хуй, своих не узнаёшь, что ли? – старшина продолжил движение, не обращая внимание на возмущённое бляение часового, тот поспешно сбежал с вышки, стащил карабин с плеча, и начал бегать кругами, нацелив оружие на нас – тааарищ старш прапарщик, не могу...я обязан...я дол-

жен...

– Чё ты елозишь вокруг меня?

– Я должен вас задержать! Это же караул! Пост!

– На вышку залезь, и потеряйся. Сделай так, чтобы я тебя долго – долго искал...и не нашёл.

– А как же...

– Закрой влагалище, хватит здесь хлюпать.

Часовой совершил ещё несколько кругов почёта, и униженно отбежал к вышке, где и остановился в задумчивости.

– Вот, орлы, вот наша цель – старшина жестом опытного полководца показывал на уже знакомый нам Камаз с лесом – хитрожопый генерал перегнал КАМАЗ сюда, думая, что здесь его лес в безопасности! На каждую хитрую генеральскую ж...ну, вы в курсе! Открывай борт, раскулачим командира корпуса!

– Баньку хотите построить, товарищ старший прапорщик? – вступил Мамчик.

– Ещё не решил, но одно знаю точно – этот лес мне пригодится!

Открыв борт КАМАЗа, и распахнув ворота караульного двора настежь, мы стали переносить лучшие (на взгляд старшины) брёвна на соседний склад, Бейвнос разгорячённый работой, снял китель, продемонстрировав густо заросшую чёрными волосами спину, грудь и плечи, шерстяной покров был настолько густым, что издавдала казалось, будто он щеголяет в майке – насквозьке, от него валил пар, он доволь-

но поплёвывал, и даже прекратил дёргать плечом (что свидетельствовало о хорошем настроении. Вывод: хорошее настроение у старшины бывает только тогда, когда удаётся что – то украсть). Экспроприировав у командира корпуса, часть добытого нетрудовым путём леса, мы закрыли борт, накиннули брезент, и собирались уходить, старшина закурил, смачно выпуская дым из ноздрей, и тут – таарищ прпарщик, здесь курить нельзя! Часовой пытался снять карабин с плеча, но зацепился ремнём за подсумок – затушите сигарету! Мамчик и Тетеря радостно заулыбались, предвкушая зрелище.

– Молодец! Вот молодец! Правильно! Так и надо, невзирая на личности, устав есть устав! Нельзя курить – значит нельзя! Всё должно быть по уставу! Уважаю принципиальность!

Старшина неожиданно быстро приблизился к часовому – а что это у тебя? Шапочка неуставная, заглаженная, подшитая? Он быстро сорвал шапку с головы часового, раздался треск, и красивая, квадратная шапка старослужащего превратилась в стариковский малахай с торчащими в разные стороны ушами – на, носи! – он нахлобучил часовому шапку по самые уши, пока тот пытался исправить положение, старшина просунул указательный палец под правый погон часового и рванул вверх – ооо, красота какая! Он быстро проделал ту же операцию с левым погоном, затем просунул палец под шеврон – это просто праздник! Именины сердца – кррак! – шеврон повис на нитках, после чего Бейвнос уме-

ло расстегнул крючок на шинели часового – ух, ты! Целую простыню вместо подшивы присобачил, где взял? Он рванул подшиву на себя, часовой с трудом удержался на ногах – ну вот! Совсем другой вид! Сразу видно отличника строевой службы! Тетеря и Мамчик радостно гоготали, часовой был похож на пленного румына времён битвы за Сталинград – торчащие в стороны и вверх (наподобие сломанных птичьих крыльев) полуоторванные погоны, разодранная как галочье гнездо шапка, торчащая из воротника (словно гигантская рыба кость проткнувшая шею) подшива.

– Орёл! Уставник! – старшина смачно выплюнул тлеющий фильтр от сигареты под ноги часовому – ну, кажется всё, пока! Где вас берут, долбоёбов таких? Никакой пользы от вас, одни убытки, Сымчук шапку потерял, Русский из второго взвода в бане сапоги перепутал, у него сорок третий размер, а он сороковой одел, и ходил до отбоя, а потом заметил, что сапоги чужие, бежит ко мне в каптёрку с поросычьим визгом – это не мои сапогииии! Этот ушлёпок из комендантского взвода, как его, чёрный такой – забыл фамилию, дронит не переставая, весь матрас обспускал, от него забеременеть можно, он блядь спермой брызгает от любого прикосновения!

Мамчик и Тетеря режут от восторга.

– Один Пыжиков молодец, поехал в Партизанское вагоны разгружать, рукавицы спиздил – вот молодец, он – будущее нашей армии, а у вас долбодятлов нет никакой перспективы!

Так, я домой, вы в расположение, по дороге не курить, пиво не пить, за девками не бегать, придёте – доложите дежурному по роте, вопросы есть? Вопросов нет!

Прибыв в роту, мы сразу же завалились спать – время близило к двум часам ночи, а подъём в шесть никто не отменял. Утром, в столовой у раздачи толпилась очередь, чумазый азиат пытался влезть в середину очереди, и каждый раз вылетал из очереди, получив мощный пинок по обвисшему заду, каждое его падение сопровождалось взрывом смеха.

– Злобарь, подь сюды! – кто – то призывно махал мне рукой, подойдя ближе я увидел Фому, того, который не так давно превозносил мне преимущества службы в автороте по сравнению с ротой охраны.

– Здоров – он протягивал мне грязную руку, хотя нет, назвать её грязной неправильно, она была не просто грязной, она была чёрной от машинного масла, её как – будто коптили на медленном огне, варили в адской смоле, настолько чернота въелась в его кожу, взгляд также ласкала грязная до отращения форма, блестящая на коленях и локтях, слипшиеся волосы стояли торчком, жуткую картину дополнял остановившийся взгляд выпученных глаз.

– Здоров – я пожал ему руку, и тут же вытер её о спину впереди стоящего Мамчика. – а ты, я гляжу, цветёшь – я потянул воздух носом – и пахнешь! Дерьмово выглядишь, как тебе это удаётся? Какие – то специальные курсы макияжа заканчивал?

– Пошёл ты, ничего смешного...

– А ты уже не такой бодрячок, не зовёшь больше в авто-
роту?

– Кто знал, что оно так будет?

– Как «так»?

– Это...это...полный пиздец...

– О чём ты? Выглядишь свежо, похудел, появился голод-
ный блеск в глазах...

– Давай – давай, глумись, ничего стану дедом, тогда пого-
ворим...

– Да что случилось – то?

– Сорока и Гунёк подорвались, не дотянули до приказа
два дня...

– В смысле?

– Сбежали неделю назад, поймали их, сейчас на губе си-
дят, будут переводить в другую часть...не знаю, как я выдер-
жал, бля ведь на гражданке все девки мои были, а сейчас...

– Всё так плохо?

– Хуже чем ты думаешь...при дедах нельзя ни сидеть,
ни лежать, всё делается бегом, умывальные принадлежности
забрали, моей зубной щёткой унитаза чистят, полотенце по-
сле бани раздали, смотрю чурбан им ноги вытирает, долбят
за любую провинность, у меня фанера ходуном ходит, чёр-
ная вся, прикасаться больно, после отбоя играют в «поле чу-
дес» – выключают свет, и бросают в нашу часть спальника
старый карданный вал, кому не повезёт – отправляется в сан-

часть с черепно – мозговыми...

– Ну, ты хоть во время дня бурого оторвался на них?

– Они нам руки отсушили...заранее...били железной палкой по предплечьям, у меня до сих пор синева не прошла, в день бурого, я, не то, что ударить, руку поднять не мог...

– Мда, может к нам переведёшься, у нас есть взвод химиков, им вроде бы водилы нужны были...

– Нет, теперь уж я останусь, теперь легче стало, я теперь сам отрываться стану на молодых...рвать их буду блядей!

– Ну и дурак, ты что – хочешь стать таким же, как эти животные? Я думал ты умнее...

– Пошёл ты, тебя не ушибали, так как меня, ты ни хера не понимаешь – он окрысился, верхняя губа ходила ходуном, обнажая давно нечищенные зубы чудного, буро –зелёного цвета – вы суки по уставу живёте, вам не понять, охрандосы херовы...

– Я не верю своим ушам, а как же идеи гуманизма? Ты не уважаешь золотое правило нравственности? А как же старичок Иммануил, с его категорическим императивом?

– Да ты...ты глумишься надо мной...сука такая,...какие ещё аперитивы, с каким Эмануилом? Я не пью это гавно, предпочитаю водку!

– Наконец – то до тебя дошло! Да мне фиолетово – будешь ты долбить духов или нет, можешь их в задницу трахать, если захочешь...

– Урод! Смешно ему! Катись отсюда! Иди в конец очере-

ди!

– Есть! Разрешите идти, товарищ самый старый, старослужащий!

– Пошёл ты!

Я встаю впереди Мамчика, оставив жертву дедовщины позади, получив еду, я радостно иду к своему столу, проходящий мимо дед из нашей роты зло бормочет – ничего не жрать, ни – че – го!

Я присел, и увидел, что никто из нашей роты не прикасался к еде, взбешённый старшина набряк, налился дурной кровью словно огромный, распухший комар – не будете жрать? Да и хуй с вами – рота, закончить приём пищи!

Для того, чтобы дойти от столовой до казармы, нам потребовалось всего минут пятьдесят – старшине казалось, что мы плохо поём (запевала – мало каши ел, что ли?), идём не в ногу (расслабились), старослужащие только имитируют пение (вы у меня ещё запоете, запляшите), в такой тёплой, сердечно – сосудистой обстановке мы бодренько дошли до расположения, уложившись в каких – то жалких пятьдесят минут (обычно успевали за две). Взбодрившиеся, румяные (лёгкий морозец, градусов пятнадцать) воодушевлённые случившимся, мы готовимся к заступлению в наряд. Бледнолицый Вася (с которым мы вместе прятались в день мщения) тихо плямкая обескровленными губами, спросил – а чё случилось – то? Почему мы без обеда?

– Не знаю, надо спросить у кого –нибудь...

Внятного объяснения не было, по смене передали, что есть нельзя и в ужин, и на следующий день, до тех пор, пока старые не разрешат.

– Хорошо тем, кто заступает в караул – в карауле есть можно, а нам теперь с голоду сдохнуть что – ли? – волновался Мамчик.

На второй день голодовки мы с трудом расчищали плац от снега, вяло ворочая лопатами, Вася попробовал пожевать снег, но тот оказался низкокалорийным, Тетеря упал с лестницы – карабин перевесил героя, и утянул за собой. После второго несъеденного нами обеда, мы вылезли через дыру в заборе, и сбежали в чипок. Чипок – как много в этом слове для пуза юного слилось! Чипок – это усыпальница пирожных, тортов, булочек, всего того, что не входит в солдатский рацион, само слово «чипок» вызывает ассоциации с чем – то мягким, сдобным, круглобоким.

– Здрасьте, Анна Савельевна! Мне пирог Невский, дайте, пожалуйста!

Пока Анна Савельевна отвернулась за пирогом, я хватаю с витрины два пирожка, и засовываю их в карман, а ещё шоколадку вон ту – я показываю в самый дальний угол, и два стакана персикового сока. Пока Анна Савельевна считает, я передумываю – нет, шоколадку не надо, лучше конфет... в итоге я беру один Невский пирог – две горизонтальные булочки, скреплённые мощным слоем крема, и карманы мои топорщатся от бескорыстно украденных пирожков, марципа-

нов, и булочек. Вася осуждающе качает головой – а у нас не принято в чипке воровать, у нас считалось...

– Мне по бую, что у вас там принято, а что не принято, не нравится – не ешь – я выхватил пирожок у него из – под носа, и полностью засунул его в рот, Вася обиженно дёрнулся и вышел из – за стола – иди – иди, брезгливый какой, Анна Савельевна, а вы сок уже разбавили?

– Что? Да ты...пошёл прочь! Прочь! Я тебя запомнила! Мерзавец!

– И пирожки у вас с тараканами, я думал это изюм, смотрю – лапки торчат, и шевелятся.

– Ты из какой роты?

– Пожарник я, че, не видно, что ли?

Тетеря и Мамчик радостно ржут, здоровенный ефрейтор, стоящий в очереди, раздражённо смотрит на меня и говорит – у нас на пожарке таких уродов нет, он из этих ублюдков...из роты охраны, наверное.

– А по ебальничку?

– Штооо? – он вываливается из очереди, и угрожающе нависает надо мной – ты, задрот, я тебе шас в рот столько шерсти напихаю, что из задницы торчат будет, я вас пидоров с карабинами терпеть не могу, вечно выделяетесь, чё замолчал, очко играет? В вашей роте одни лохи служат, у вас даже деды по уставу живут, как...

Я не заметил, откуда появился Пиночет, он всё сделал очень быстро – ударом в печень он согнул пожарника, а затем

выпрямил его апперкотом, и добил правым прямым. Пожарник тяжело упал, сшибая столики, секундная тишина сменилась диким рёвом – от прилавка бежали двое, сшибая всех, кто встречался на их пути, Пиночет неожиданно бросился бежать, пожарники за ним, не добегая до двери, он развернулся и свалил первого преследователя прямым ударом в голову, второй налетел прямо на выставленную Пиночетом ногу, и упал, затем его бурно вырвало. Анна Савельевна визжала неожиданно высоким голосом, Монтсеррат Кобылье подавилась бы микрофоном от зависти, услышь она такое волшебное сопрано, но у нас не было времени наслаждаться вокалом буфетчицы – валим отсюда, быстро! Мы бежим по направлению к части, возделенный забор уже близко, Тетеря лезет через дыру в заборе, и с ходу попадает прямо в ласковые объятия патрульных, уроды караулили по ту сторону забора, мы резко разворачиваемся и бежим севернее – там находится подсобное хозяйство, через территорию которого можно попасть в часть, минуя КПП. Пиночет переводит дыхание и покровительственно хлопает меня по плечу – молодец, умеешь выделываться, а если бы меня там не оказалось, а? Чего бы с тобой было? Вот то –то! Я из – за тебя похавать не успел, так что с тебя чипок. Он с размаху хлопает меня по плечу – готовь бабки!

– Спасибо.

– За что?

– За то, что помог, если бы...

– Ты так и не понял?

– Чего?

– Ты мне в хуй не упёрся, если бы дело было в тебе, я бы и пальцем не пошевелил.

– ?!

– Он на нашу роту потянул, мол, мы все лохи, а мы с Филей вам давно говорили – наша рота держит шишку в этой части, мы любого загоним на край географии. А ты думал – я тебе помогаю? Дурачок. Мы с тобой ещё потележим.

На подходе к казарме мы слышим дикие вопли старшины, он орёт так сильно, что оконные стёкла ощутимо вибрируют, издавая нежный, мелодичный звон. Стоящие перед входом связисты радостно смеются – а у вас опять дискотека, диск-жокей Сантей зажигает! Ща повеселитесь!

Мы поднимаемся наверх, и сталкиваемся с багровым от ярости старшиной, его просто пучит от злости – аaaa! Вы откуда?

– Оттуда.

– Откуда «оттуда»? В чипке были? Жрёте мучное тоннами, а потом в спальник не войдёшь, так пердите, что лампы ночного освещения копотью покрылись! Вас дебилов, тоже патруль поймал?

– Не, мы огородами.

– Эт хорошо, а то товарищ ваш, этот придурок... как его... сонная Тетеря, у него патруль забрал военный билет, мне теперь выслушивать из – за него...

– Так мы ...это... пойдём? К нам претензий нет?

– Сынок, пойми, в армии ебут не за то, что ты делаешь, а за то, что ты палишься!

18.

– Свободные номера есть?

– Чччто? – работница гостиницы открывает провал рта, с печально торчащими, наподобие сталактитов в пещере, остатками зубов.

– Комнаты свободные есть? – я громко ору, понимая, что бабка контуженная, и не понимает меня.

– Чего орёшь? Я нормально слышу, просто задумалась. Есть свободные места.

Я получаю ключ, выхожу на улицу, и поправляю причёску – условный сигнал, зелёный свет для Виты. Она проходит мимо меня, я бормочу номер – триста тринадцать, мы не можем войти вместе, военный городок маленький, все всё друг про друга знают, поэтому я закуриваю, неторопливо выпускаю дым кольцами, минут через десять поднимаюсь на третий этаж, отпираю дверь, Вита быстро опускает жиденькие шторы, в комнате устанавливается полумрак, тяжело дыша, она снимает кофточку, с тугим звоном отлетает в сторону бюстгальтер, обнажая налитые груди, Вита неожиданно садится мне на колени, направляя в сторону моего рта большой, коричневый сосок, я нежно обхватываю его губами, и ...с трудом сдерживаю позыв к рвоте – сосок покрыт редкими, жёсткими волосами, такое ощущение, что в моём рту ше-

велится большая мохнатая муха, я пытаюсь выплюнуть сок изо рта, Вита усиливает напор, принимая мои судороги за проявление страсти, неравная борьба заканчивается тем, что я заваливаюсь на постель, погребённый под мощным телом прапорщицкой дочки, и в этот момент постель рушится на пол. Потрясённый, я выползаю из – под Виты, и обнаруживаю, что вместо ножек постель поддерживали в горизонтальном состоянии стопки книг, от нашей страстной возни они разъехались, и ложе любви рухнуло, прервав нашу неземную страсть. Некоторое время мы молчим, затем Вита раздражается громким хохотом, я тоже подхихикиваю, она хватает меня за руку, и начинает шептать – я в «Спид – инфо» прочитала, что самое главное в сексе – найти у партнёра эрогенную зону, где твоя эрогенная зона?

–Ммм, мозг...

– А конкретнее? Что я, должна тебе массаж мозга делать, что – ли?

Я говорю первое, что приходит в голову – затылок!

Она бросается на меня, рыча и урча, как бультерьер на сосиску, мощной дланью она трёт мне затылочную кость с такой силой, что я физически ощущаю, как уменьшается количество волос на затылке – Вита! Полегче! А то, всё закончится раньше времени... Вита страстно (как ей кажется) дышит мне в ухо, очень быстро ухо становится мокрым и горячим, я представляю себе, что оно покраснело и распухло, превратилось в огромный распаренный пельмень, и у меня

пропадает эрекция, Вита останавливает процесс вращения огромными бёдрами – чё это? Твой петушок уже прокукарекал? Всё? Я ничего не почувствовала...

Конечно не почувствовала, тебе нужен не мужчина, а дракон, у которого вместо члена танковое дуло...

– Это бывает, бывает в том случае, если слишком сильно любишь, сейчас всё восстановится Витусик!

Я зажмуриваю глаза, и вспоминаю сцены из самой грязной, виденной мною порнухи – стройная блондинка в окружении толпы возбуждённых мужиков, её кроваво – красные ногти на их членах, закатившиеся в исступлении глаза, истекающее от похоти тело – я чувствую оживление, я твердею! Вита громко икает – и от моей эрекции не остаётся и следа, я открываю один глаз, и вижу её потное лицо, усы, мощный, лоснящийся нос – и опять зажмуриваюсь: перед глазами порно – версия Белоснежки, мускулистые карлики всем колхозом харят похотливую шлюху, натужно изображающую целомудренность и невинность – оооо! Вита вновь начинает елозить, и вонзает мне в грудь свои короткие, обкусанные ногти (видимо в «Спид – инфо» написано, что женщина должна так поступать в порыве страсти – кромсать возлюбленного ногтями), я в ужасе представляю себе последствия заражения крови: гнойные язвы, некроз, гангрену, кожу зелёно – коричневого цвета...

– Ёжжик... ты меня не любишь? Почему у тебя не стоит?

– Я слишком долго ждал этого момента, рыбулька ты моя,

я перегорел от любви к тебе, я столько раз представлял себе моё счастье, что ...включи телевизор, быстрее, быстрее!

– Зачем?

– Давай, сейчас два часа, новости должны быть по второму каналу.

– Ты охренел? Ты решил новости посмотреть? Сейчас?

– Зайка, делай, что говорю, потом объясню!

Это необъяснимая аномалия – при виде дикторши, зачитывающей новости, у меня всегда эрекция, сработало и на этот раз, под рассказы о «шоковой терапии» и преимуществах ваучерной приватизации, мы укрепили союз народа и армии, Вита хрипло простонала «уахххаха» и неподвижной тушей завалилась на бок, выставив массивный зад, и образовав живописную фигуру наподобие горы Копет – Даг, я откинулся на спину и блаженно закурил – вот он, самый блаженный момент в отношениях мужчины и женщины, тот момент, когда душное трение слизистых уже закончено, и наконец – то можно расслабиться.

– Вита! Вит!

Ответом было негромкое похрюкивание, я далёк от того, чтобы считать себя Цирцеей, но...я наклонился поближе, и увидел, что Вита спит в том положении, в каком застиг её «уахххаха». Она была само очарование, сонно почмокивала усами губами, всхрюкивала на вдохе, правой ноздрёй выдувала изящный пузырик – вдох, и пузырик растёт, выдох – он вяло опадает, я был готов вечно смотреть на такую кра-

соту, но время моего увольнения подходило к концу, поэтому я ласково хлопнул спящую красавицу по шершавому задку, и... сделал это зря. Вита оказалась ненасытной, и заставила меня ещё дважды довести её до блаженного состояния «уахххаха», прежде, чем мы, наконец, расстались. Выйдя из гостиницы первым (конспирация), я обнаружил, что у меня осталась одна сигарета, быстрым шагом дойдя до табачного киоска, я сунул в окошко деньги – «Столичные», пожалуйста! Ответом была продолжительная тишина.

– Эй, пачку «Столичных», будьте добры!

Молчание. Я нагибаюсь для того, чтобы заглянуть в окошко, и мои деньги летят мне в лицо, брошенные невидимой рукой.

– Что за... ооо, да это же Соня Жёлудь! Здравствуйте, Сонечка! Судя по вашим действиям, вы до сих пор на меня обижены? Вы должны меня понять... Соня, откройте дверь, давайте разговаривать как взрослые люди.

Пауза. Тишина. Затем, нехотя, очень медленно, дверь в палатку распахнулась. Я вошёл внутрь. Красавица София сидела на скамеечке, сторбившись, и прикрыв лицо платком.

– Вы плачете? Кто этот негодяй, который заставил вас лить слёзы?

– Никто. Это я так.

– Не хотите объяснять, не надо, я не навязываюсь, не имею такой привычки.

– Я заметила...

– Вы про ту безобразную сцену в госпитале? Это тактика грубого напора, я просто обязан был попробовать, а вдруг сработает. Если я вас обидел, простите дауна, можете даже врезать мне, но только несильно, и не по лицу. Вы улыбнулись? Не отрицайте этого, я видел вашу улыбку! Наверняка кто – нибудь из ваших многочисленных поклонников говорил вам, что ваше имя переводится как «мудрость»?

– Нет, не говорили, они и слов – то таких не знают, папа говорил...

– Что вы делаете здесь, в этом затхлом военном городке, вы, с вашим умом, вашей красотой и обаянием? Вам здесь не место, вам надо в Москву ...

– Я знаю, но не знаю, что мне там делать, и как вообще всё это...

– Завидую я вам, простым смертным, всё у вас впереди – борьба за существование, потери и поражения, победы – вот это жизнь! То ли дело у меня – никакого просвета, всё предрешено...

– Как это? Что у вас предрешено?

– Дело в том, Софочка (я сажусь на скамеечку рядом с ней, и незаметно трюсь щекой об её плечо), что я из очень богатой семьи, наверное, вы видели рекламу по каналу 2 на 2?

– Какую рекламу?

– Ну, эта пошлятина: совместная советско – канадская «Корпорация «Резиновый принц» поздравляет вас с Новым годом!

– Нет, не видела...

– Да ладно, не знаю, как сейчас, а раньше по сто раз в день показывали...

– А что это за корпорация?

– Производство вёсел для подводных лодок, рекламный слоган «Сушим вёсла двадцать лет подряд».

– Вёсла для... подводных лодок?

– Ну да, представьте себе Сонечка, наша подлодка опускается на грунт во враждебных водах (я мягко кладу руку на её пленительное, округлое бедро), враги пытаются запеленговать нашу подлодку, поэтому...

– Поэтому?

– Пользоваться двигателем нельзя, матросы высовывают в специальные отверстия эргономичные вёсла, сделанные из сверхпрочного материала (кому я это объясняю, вы же учились в школе, и знаете, с какой силой вода давит на погружённое в неё тело?)

– Ззнаю...

– С какой?

– С большой?

– Правильно, вы просто умничка, всегда приятно беседовать с понимающим человеком! Так вот, высовывают вёсла, и потихоньку гребут от опасного места, враги посрамлены, наши подводники спасены! Спасены благодаря вёслам, произведённым на предприятии моего дорогого папули!

– Так вы...

– Наследник.

– А что вы делаете здесь? Могли бы откосить от армии...

– Всё как у классика – «мой папа самых честных правил, когда башкою занемог, сюда служить меня отправил, и лучше выдумать не мог...» – вы конечно узнали автора?

– Блок?

– Александр Сергеевич... Блок, вы, конечно же, правы Сонечка.

– Я не совсем поняла, как вы оказались в армии, не поступили в институт?

– Ещё как поступил, в самый лучший.

– Но... а как же?

– Папаша надавил, где надо, добился моего отчисления, и вот «опять передо мной, параша, вышка, часовой», ну вы знаете, чьи это строки.

– Окуджава?

– Конечно же! Вы как всегда точны! Теперь вы знаете обо мне всё, моя будущая жизнь невыносимо скучна: офис, автомобиль, ночные клубы, поездки на лыжные курорты в Швейцарию – смертная тоска,... Что мы всё обо мне, да обо мне, давайте поговорим о вас Сонечка, как вы видите своё будущее? Может быть, вам нужна моя помощь? (Я аккуратно поправил, выбившийся из причёски красавицы локон).

– Я ещё не определилась, но... мне нравится актёрская профессия, или карьера модели... так вы попали сюда по благу?

– А как же! Все москвичи в этой части – блатные. Обычный порядок таков: красноярцы служат в Москве, москвичи в Красноярске – дальше едешь, тише будешь, но... за большие деньги, папа (ударение на последний слог) устроил меня сюда, час езды от дома – сынок шаговой доступности.

– Вы ...недовольны этим?

– Нет. Я хочу быть как все, преодолевать трудности, не хочу быть тепличным муфлоном! Ну вот, я опять о себе... ой, время моего увольнения подошло к концу, Сонечка запишите номер телефона...

– Зачем?

– У всех бывают моменты острой тоски, звоните, подумаем, чем я могу вам помочь, оревуар – я фамильярно чмокаю её в нежную, покрытую шелковистым пушком щёку, и выхожу, незаметно прихватив пару пачек «Кэмел».

19.

– Злобарь! Ты на складе дела закончил?

– На каком складе?

– На том, за которым я тебя закрепил! Который за бухгалтерией!

– Аааа, в этих Авгиевых конюшнях...

– Чего? Каких – каких конюшнях? Ты чего хочешь сказать, что там дерьмом пахнет?

– Да нет, это выражение такое...неважно...

– Марш на склад! Фронт работ тебе известен!

Я быстро добираюсь до склада (сделав по пути всего две

остановки: пообщался с хлеборезом Аллоханом – паренёк из моего призыва, сделал карьеру, овладел престижной в армии профессией, и щедро наделил меня свежим батоном белого, да ещё заскочил в баню проведать Рейтуза – земляка старшего призыва), в общем, не прошло и двух часов, как я был на месте. Склад был закрыт, пришлось позвать Свету, вызывающе виляя попкой, она шла впереди, устроив мне форменный допрос.

– Ты откуда?

– Из – под Ленинграда.

– А точнее?

– Из Москвы.

Она громко фыркнула – мажор, наверное, здесь других москвичей нет.

– Обижаете, генацвале, папаша мой – царствие ему небесное (если помрёт, конечно) сгинул ещё в семьдесят пятом, поехал на свадьбу, захватил все наши деньги (сказал, что на подарок молодым), и всё...

– Что «всё»?

– Туда не доехал, обратно не вернулся.

– Пропал без вести?

– Типа того.

– Как это?

– Через две недели позвонил, потребовал прислать ещё денег. С тех пор, только по телефону и общаемся.

– Загулял.

– Ага.

– А вы как же?

– Да вот так, нас у матери было семеро, денег у неё не было, поэтому меня отправили к родственникам в Кабардино – Балкарию. Там я и вырос.

– Чем ты там занимался?

– Я – то? Был чабаном, козлов пас. Кстати, авторитетное издание «Спид – инфо» провело исследование, и установило, что у жителей высокогорных районов самые подвижные сперматозоиды! Так что...

– Так что «что»?

– Обращайтесь, если возникнет нужда у вас, или ваших знакомых.

– Пфуй! По – моему, ты – просто балабол, симпатичный, но без тормозов.

Она открыла дверь склада – прошу! Если что – то требуется, обращайся!

– Светик, у жителей Кабардино – Балкарии есть необычная традиция, нарушать которую нельзя, этим можно нанести кровную обиду, вы же уважаете традиции?

– Смотря какие.

– Ровно в полдень, когда раскалённое солнце находится в зените, мужчина должен возлечь рядом с прекрасной женщиной, где бы он не находился, нет – нет, это не то, о чём вы подумали, никакой грязи, никакого распутства, они просто лежат рядом, прекрасные, полностью обнажённые, у кабар-

динцев считается, что этот ритуал, посвящённый старинному языческому богу Сунь – Вынь, и его помощнику по имени Подмахни, гарантирует хороший урожай...

– Вот трепло! Какой – какой бог?

– Сунь – Вынь.

– И что ты от меня хочешь?

– Я? Ничего. Так хочет великий и могучий Сунь! Тебя избрали боги для участия в этом прекрасном, старинном ритуале! Ты будешь гордиться этим, и передашь рассказ об этом своим потомкам...

– Нет.

– Это то самое «нет», которое «да»?

– Это то самое нет, которое «нет», шутка затянулась – она смеётся – захочешь чаю попить, заходи в бухгалтерию.

Нежным, скольльзящим движением руки я поглаживаю её по попке – прилипло что – то, какие – то нитки, некрасиво смотрится.

– Ну, ты и фрукт – она отводит мои руки, и уходит, виляя попочкой сильнее обычного.

Я пнул ногой, стоящую на моём пути коробку, и... улёгся спать – день впереди долгий, всех коробок не перетаскаешь...

– Лэонид Виктараувич, я с вами на охоту не поеду, нет, ни за што...

– Эт почему, а Станислау Станислававич? Крови боитесь?

– Ага, особенно своей.

– Эт вы о чём?

– Вы знаете о чём, вернее о ком. Вы што, не видите, в каком он состоянии? Да он нас всех перестреляет, с пьяных – то глаз! Широоокая русская душа, махнул стакан, и давай палить во все стороны! Операция «мордой в снег» панима-эшш!

– Я вас умоляю, у нас там егеря, охрана, всё буде швидко да смачно! Там же вменяемые люди...

– Кто там вменяемый? Этот, который похож на собственный труп...как его...фамилия такая белорусская ...Бульба-нюк...нет, Бульбулис...

– Бурбулис?

– Точно!

– Какой же он вменяемый? Да он типичный граммофончик, бубнит как по – писанному, он механическая кукла, мне кажется, что он скрипит при ходьбе, я боюсь, что он однажды присядет, а у него из задницы вывалится микросхема, он нежить в чистом виде, меня вообще от их делегации потрясывает, от них мертвечиной пахнет, главный их, папа, я его, конечно, уважаю – такую задачу решил, развалить Союз! Но ведь он не соображает ничего, им манипулируют, он так и остался коммунистом до мозга костей, все эти речи про демократию – всё это наносное, он продолжает действовать как старый аппаратчик – та же нетерпимость, диктат, упрямство, его используют как таран, как пробивную силу – сломаем стену, а затем таран на свалку, неужели он этого не по-

нимает?

– Вы слишком драматизируете ситуацию, завтра всё решится, наши имена навсегда войдут в историю! Цезарь, Наполеон и Шушкевич!

– Спартак и Кравчук!

– Лёлик и Болек!

– Бхага – ххаа ха!

Я лежу на заснеженном склоне, продуваемом ветрами, недалеко от охотничьей резиденции, вижу в перекрестье оптического прицела моей СВДшки, обвисшую как у шарпея, скошенную набок, кислую, вечно недовольную рожу доктора физико – математических наук, одна команда, одно слово и его гнилую башку разнесёт в клочья, затем займёмся кандидатом экономических наук (субординацию надо соблюдать), пулю, заготовленную для его головы, я аккуратно надпилил – пораскиньте мозгами, товарищ кандидат! Я сжимаю цевьё до хруста в суставах – ну? Где команда? Где оно? Одно, ключевое слово, по которому, подготовленные, натренированные бойцы короткими перебежками сократят дистанцию, обезвредят охрану, положат этих вершителей судеб холёными мордами в снег, и ...

– Я вообще не собирался ничего подписывать, вы знаете Леонид Маркович, я приехал штобы обсудить вопрос поставок энергоносителей...

– Да вы што? Ни в коем случае не рассказывайте об этом никому, а то прослывёрте дураком – ехал купить газку, а под-

писал документ о развале СССР...

– А шо такое? Я действительно об этом не думал...

– Я вам верю, верю, вот только журналисты не поймут вашей искренности...

– Да, не думал, меня этот ...чёрт, как его ...

– Бурбулис?

– Да! Он меня убедил, так красиво сказал, как это ...»СССР прекращает своё существование как геополитическая реальность и субъект международного права», я аж заорал от восторга!

– Любите мужчин, умеющих красиво говорить, а Станислау Станислауавич?

– Шо за грязные намёки, Леонид Маркавич?

– Я понимаю, что вы делаете, готовите себе алиби на случай ареста, да? Отшень удобная позиция – я ничего не знал, подписывать ничего не собирался...

– Какого ареста? Мы на территории Беларуси находимся, КГБ подчиняется мне!

– Не заставляйте меня сомневаться в ваших умственных способностях, Станислау Станислауавич!

– Альфа – 2 , это Альфа – 1, минутная готовность!

Вот оно! Я медленно выдыхаю, навожу прицел таким образом, чтобы мушка была прямо под носом у цели номер один – дед Мороз подарит вам новый нос на новогодние праздники, неуважаемый товарищ...

– Я ишо кое – што прыдумал, как только мы всё подпи-

шем, позвоним Бушу – мол, так и так, ваше задание выполнено, СССР больше нет! Старик обрадуется!

– Спешите облобызать хозяйский башмак? Сколько в вас холуйского, «большой белый масса назвал меня любимой женой! Буш плюнул мне в лицо, он меня заметил!».

– Вы сегодня очень злы, Леонид Маркавич, вам что – дра-ники несвежие попались вчера? Может быть, вы не выспались?

– Я сам нестоличный житель, я из провинции, но, местечковость вашего мышления даже меня поражает, иногда!

– А шо тут такого? Буш, Миттеран, Тэтчер – светила мировой политики, кто мы такие по сравнению с ними? Мне не стыдно признаться в собственном ничтожестве...

– Альфа -2, отбой! Как поняли меня? Повторяю – отбой! Отбой!

– Какой нах отбой! Ты хотел сказать – «огонь»! Ведь так? «Огонь!?».

– Отбой! Оставить позицию!

– Пошёл ты! Я стреляю! Я услышал команду «огонь!».

– Злобарь! Подъём! Сколько можно валяться?

– Не буду! Буду стрелять! Завалю!

– Из чего ты будешь стрелять? Бредишь, что ли?

Проснись! Сколько коробок сегодня перенёс?

С трудом разлепляя глаза, я оглядываюсь вокруг, надо мной, в доминирующей позе возвышается Светик – ооо, какой вид отсюда! Мне нравится кружевное бельё!

– Ты мне зубы не заговаривай! Почему не работаешь? Попросить Бейвноса, чтобы прислал кого –нибудь – другого?

– А ты опытный манипулятор, торгуешь страхом Светик?

– Что? Ты ещё не проснулся что – ли? Давай, берись за работу!

– Где твоё сочувствие? Перед тобой жертва дедовщины, посмотри на синяки под моими глазами, видишь? Это результат бессонных ночей, я мог бы показать тебе синюю от побоев грудь, а если я сниму штаны, так ты вообще заплачешь, ... Неужели ты такая жестокая, и хочешь, чтобы я вернулся в роту, к этим грубым животным? Я не могу в это поверить, отказываюсь, ты – не такая! Ты нежная, и удивительная...

Я переворачиваюсь на живот, и быстро ползу по – пластунски по направлению к её ногам, она стремительно отходит в сторону – ну, в общем, так, я зайду ещё раз в конце рабочего дня, если ничего не изменится, я пожалуюсь Александру Гивиевичу!

– Всё равно, ты нежная и удивительная...

20.

– Рядовой Злобарь! Зайти в канцелярию!

Стоящий на тумбочке дневальный довольно оскалился – спешишь стучать? Давай – давай, сдаём друзей как стекло-тару!

– Разрешите войти?

– Заходи, вот тебе адреса, вот приглашения, обойди всех

женщин из комендантского взвода, пригласи на завтра в ГДО на концерт. Вопросы есть? Вопросов нет. Выполняй.

КППшницы оказались как на подбор: старые, некрасивые и одинокие, плоскозадые тётки с плохо окрашенными волосами и порченными зубами, некоторые из них картинно всплёскивали руками, умиляясь оказанному влиянию, некоторые предлагали зайти, попить чаю, я твёрдо отклонил все приглашения, мне было куда зайти, поэтому я спешил выйти из общежития, где проживали тётушки – комендантки. На выходе меня подловила компания местных синяков – о, военный, выручай!

– Как я вас могу выручить? Я спешу.

– Третий день квасим, водка уже не лезет, не выливать же, помоги!

– Да вы чего, мужики? Хотите, чтоб меня на губу отправили?

– Да тут всего – то пять капель, пока до части дойдёшь, всё выветрится...

– Да? Точно пять капель?

– Да ты чё – не мужик что ли?

– Ладно, только вы мне сначала скажите, где полковник Жёлудь живёт?

– А тебе зачем?

– Да меня к нему послали, а я адрес потерял.

– Ну ты лох, молодой что – ли? Душара?

– Угу.

– Проспект Скребницкого, воон тот дом, на втором этаже.

– Скребницкого?

– Ну, это мы так между собой улицу Ленина называем, вы её чистите от снега постоянно, скребёте днём и ночью, поэтому – проспект Скребницкого, на, держи стакан!

«Пять капель» оказались полноценным гранёным стаканом, огненная вода пронзила меня до самых пяток, из левого глаза выкатилась слеза – ах, хорошо!

– На, закури!

Я сделал пару затяжек, и мне поднесли второй стакан – давай, за восьмое марта!

– Ну, бля, вы чего?

– Давай – давай, догоняй!

Я выпил второй, он пошёл хуже, последние граммы встали комом в горле – ну всё (неожиданно осипшим голосом произнёс я), я пошёл, на полпути к дому Жёлудя, я почувствовал, что меня развозит, с трудом взобравшись на второй этаж, я позвонил в ту дверь, которая была обита новым дерматином (хозяин – зампотылу, у него не может быть нищенской, простой, деревянной двери) ответом была тишина, я позвонил ещё раз – а что будет, если дверь откроет сам хозяин? Об этом лучше не думать. Дверь распахнулась, на пороге стояла Софья, я пытался произнести приветственные слова, но вместо этого сделал шаг вперёд, и рухнул лицом вниз...

Прохлада... блаженство... я лежу на чём – то мягком... я вскакиваю – где я? Кровать с несколькими подушечками, ро-

зовые шторы на окнах, на стенах фотографии из женских журналов – очаровательная брюнетка с ямочками на щеках – Сандра, блондинка с томным взглядом раскосых зелёных глаз, и торчащими в стороны волосами – Си Си Кетч, чё – то странная какая – то казарма, может быть, я в каптёрке старшины отключился, и теперь могу шантажировать его знанием о его тайных увлечениях? Бейвнос – тайный фанат Сандры? Так и представляю его поющим – in the hit of the night, и игриво покачивающим бёдрами в легкомысленной плиссированной юбчонке, ффу – а почему такой поганый вкус во рту? Ё – моё, я ж нажрался, сколько сейчас времени? Где я? Я встаю с кровати, и чувствую тошноту, мои ноги за что – то цепляются, и я падаю на пол, откуда пытаюсь с уверенностью смотреть в завтрашний день. Софья Жёлудь появляется в дверях комнаты, её волосы подсвеченные лампой из коридора, образуют нимб.

– Ммм... аа, я это...

– Я всё поняла, слова не нужны, я всё прочитала по твоему лицу, ты понял, что любишь меня, но природная застенчивость не позволяла тебе признаться, и тогда, ты выпил для храбрости, и пришёл ко мне, принёс свою любовь, для того чтобы...

Что она несёт? Что за пафосный бред? Что она могла прочитать по моей пьяной морде? Что я жутко хотел женщину, но сама мысль о том, чтобы пойти к Вите вызывала у меня тошноту?

– Я права?

Я пьяно икаю – иик, да...да...всё так...

– Понимаешь, я слишком мало тебя знаю для того, чтобы ответить взаимностью, ты взбесил меня в госпитале, но потом выяснилось, что это – тактический ход, а не со зла, поэтому я не сержусь на тебя, ты мне нравишься, ты милый, но я пока ещё не могу сказать, что люблю тебя...

– Ммм...где у тебя...

– Ты остроумный, весёлый, смешной...

– Где туалет?

– А ещё ты...прости, что ты сказал?

– Туалет!

– Зачем?

– Буэ...быстрее...

– По коридору, и налево...

Я врываюсь в туалет, меня выворачивает желчью, спазм такой силы, что я ощущаю боль даже в заднице. Подержав голову под струёй холодной воды, я выхожу из ванной и сразу иду к двери.

– Постой, куда ты пойдёшь в таком состоянии?

Я вяло машу рукой – ту-туда...

– Куда ты пойдёшь в таком виде? Тебе надо полежать...

Я тыкаю пальцами в запястье, намекая на дефицит времени, и вываливаюсь из квартиры, я настолько пьян, что меня не волнуют последствия, скорее всего я окажусь на губе, а затем меня ждёт длительное прозябание на тумбочке, но в

данный момент, я хочу только одного – упасть где – нибудь, и просто полежать. Дневальный, увидев меня, расцвёл от восторга – ты же пьяный! В жопу! В сопли! В хлам! Это залёт! Сегодня же заедешь на губу! Наконец – то я уйду с тумбочки!

Он ревел, как раненый в жопу слон, я флегматично прошёл мимо, как только я собрался постучать в дверь канцелярии, и получить порцию добра и любви, как дверь распахнулась, из неё выскочил Мазепан, и заорал – дежурное подразделение на выход! Дневальный продублировал команду, послышался топот множества сапог – из спальника неслась толпа свободных от смены солдат.

В военных городках порядок поддерживается силами военнослужащих, любые чрезвычайные происшествия регулируются с участием дежурного подразделения: похороны, драки – ни одно веселье не обходится без роты охраны. Вызов дежурного подразделения (если только это происходит не в ночное время) вызывает прилив злобной радости у его участников – можно безнаказанно дубасить всех гражданских попадающихся под руку. Пользуясь суматохой, я прорвал дневальному – я на склад!

– Что? Куда?

– Склад! Отметь в расходе!

– Кто тебя туда отправил?

– Все вопросы к старшине!

Я тихонечко спускаюсь по лестнице, и вяло бреду, в противоположную от возбуждённой толпы сторону. Светик даёт

мне ключ, и я блаженно заваливаюсь на коробки, предварительно издав пару пошлых восклицаний «ффу» и «наконец – то»...

– Опять? Опять? Снова валяешься? Да что ты за человек? Как я не зайду, он всё время спит! Я тебе обещала? Я иду жаловаться Бейвносу!

– Светик, мне всегда нравилась твоя выдержка, ты – настоящая леди!

Я встаю, и пытаюсь эффектно опереться на коробки, но промахиваюсь, и падаю прямо на Свету, она ошарашенно смотрит на меня снизу, открыв рот буквой «о», первый шок проходит, и по её глазам я вижу, что сейчас она заорёт так, что сирена ПВО треснет от зависти, я мягко закрываю ей рот ладонью.

– Тшшш! Зачем эти звуковые эффекты? Мы же разумные люди, ты привлекательна, я чертовски привлекателен, что может стать помехой нашей любви? Я хочу тебя с того самого момента, когда впервые тебя увидел, видишь как дрожат мои руки – я вытягиваю вперёд ладонь левой руки, одновременно стягивая с неё колготки правой – страсть не даёт мне покоя, ты злодейка украла мой сон...

Я произношу всё это быстрым, горячим шёпотом, не переставая снимать с неё бельё, в тот момент, когда я вхожу в неё, её глаза становятся круглыми, я легонько сжимаю мочку её уха зубами, и она издаёт первый стон, поскольку я ещё пьян, я долго не могу кончить, Света громко и хрипло стонет

– оооо! Такого у меня давно не было! Наконец – то!

Она покраснелась, сдувает со лба прилипшие чёрные пряди, этот жест меня заводит, и я содрогаюсь в сладкой до боли судороге. Мы долго лежим рядом, она встаёт и пытается найти свои трусики – где они?

– А нэту, это мой трофей, как скальпы у индейцев.

– Отдай, зачем они тебе?

– На тумбочке повешу, как знамя!

– Дурак! Забудь, то, что сейчас было! Это ничего не значит, понял?

– Канэшно – канэшно, мы просто друзья – я достаю её трусики, и одеваю их на голову – ммм, какой аромат! Я уже воспрял, и вновь готов любить!

Она срывает тонкие кружева с моей головы, и уходит, яростно помахивая правой рукой с зажатыми в ней трусами. Повалявшись ещё немного, я начинаю ворочать коробки – работать на складе лучше, чем мёрзнуть в карауле, или стоять на тумбе. До отбоя с меня слетают последние остатки хмеля.

– Рота строится для развода! С оружием!

Мы выходим на продуваемый ветрами плац, рядом стоят связисты.

– Ох, рано, встаёт охрана!

– Кто ебётся в дождь и грязь? – Наша доблестная связь!

– Здоров, Злобарь!

– Здорово, Гаврик!

– Как оно?

– Збс. А у тебя?

– Аналогично. Слушай, а этот ваш старшина... как его? О нём такие слухи ходят, наш придурок всё пугает – вот, объединят роты охраны и связи, Бейвнос вашими яйцами новогоднюю ёлку украсит! Чё, сильно злой, да? У нас на этаже слышно, как он на вас орёт. Злобствует?

– Да нормально, у нас крепкая, дружная семья.

– Как это?

– Он ебёт меня, а я ебу его дочечку, так и живём.

– Чё, в натуре?

– Угу.

– Красавец! А он знает?

– Ещё нет. Сюрприз будет.

– Он тебя грохнет.

– Эт вряд ли, я слово волшебное знаю.

– Какое?

– Наклонись поближе, ещё, ещё – он доверчиво тянется в мою сторону, я громко ору ему прямо в ухо – иди на хуй! Испуганный Гаврик шарахается в сторону, наступает на ногу какому – то черпаку, и тут же получает по голове, ко мне бежит замполит – ты чего? Охренел? Ты на разводе, или где? Чего орёшь? Приведите его в чувство! Пиночет чувствительно бьёт меня кулачищем по спине. Проходит десять минут, становится холодно, ожидание затягивается – товарищ лейтенант, чего мы ждём?

– Командира части, чего – то сказать вам хочет.

Проходит ещё минут пятнадцать, все начинают притоптывать ногами, в штаб бежит посыльный, и тут дверь открывается, и полковник Гидрасеменко предстаёт перед нами во всём своём скромном обаянии, он чеканит строевой шаг, двигаясь, по одному ему видимой траектории, когда он приближается к выстроенной части, замполит командует – для встречи справа, на кра – ул! Мы синхронно поднимаем карабины, держим их перпендикулярно земле, делаем равнение направо. Гидрасеменко приближается нетвёрдой походкой, и по рядам пробегает смешок – вместо уставных, с лампасами штанов, на нём пижамные брючки кремового цвета, украшенные весёлыми чёртиками всех цветов, игриво пляшущими в языках пламени.

– Здравстуте, тааарищи салдаты!

–Здрав – гав – гав!

– Бойцы! В это тяжёлое для нашей Родины время, к вам обращаюсь я! Ввраг! Вррраг окружает нас повсюду! С севера, с юга, с...запада и востока, сверху и снизу, он везде! Мы должны быть особенно бдительны сейчас! СССР больше нет! Но вррраги остались! Они ликуют, прразднуют победу! Ррррано! Мы по – прежнему сильны, и от тайги до Британских морей, Крррасная армия всех сильней! Мы не знаем поражений – непобедимая и легендарная, в боях познавшая рраадость побед...Мы,...в общем – я горжусь вами бойцы!

– Он же пьяный сука, в дрова.

– Говорят, его снимут скоро...

– А чё такое?

– Слишком много несчастных случаев...

Гидрасеменко с трудом поднимает веки, выпучивая нали-
тые кровью глаза – к торжественному маршу! Повзводно!
На одного линейного дистанция!

Мы проходим по плацу, командира части уводят в штаб,
ротный командует – не останавливаясь, на стрельбище! Уже
на подходе к стрельбищу старшина, ойкнув, схватился за
карман – сигареты забыл! Кто может бабу уговорить? Тут
рядом склад, у них есть сигареты, но они их не продают, так,
кто может?

– Злобарь.

– Чё? Вот он? Да ладно, правда? Иди сюда, на тебе денег,
купи пачку чего – нибудь без фильтра, скажи там, что уши
пухнут без курева...ну, придумай чего – нибудь...Карабин
отдай Тетере, а то ещё перепугаешь всех до усрачки...

Я вхожу в складское помещение лёгкой походкой счаст-
ливого человека – добрый день, дамы!

«Дамы» недоумённо смотрят на меня, в их глазах читается
немой вопрос – чего припёрся?

– А у вас тут очень мило! Сразу видно, что здесь работают
люди с тонким вкусом! А знаете, ведь мы с вами практиче-
ски коллеги, мой дедушка тридцать лет проработал бухгал-
тером в депо, старик до того привык вести двойную бухгал-
терию, что даже чайные пакетики заваривал по два раза! Я к

вам вот по какому поводу, убываю в очередной отпуск, ехать мне очень далеко, там, куда я еду, меня ждёт любимый дедушка – один я у него остался, сиротинушка... (я издаю мужественный, подавленный стон), но сейчас не об этом, дедушка старенький, он у меня ещё при Ленине вырос, человек старой закалки, курит с семи лет, а время сейчас сами знаете какое – сигарет не купишь, талоны в нашей глухомани никто в глаза не видел, бедный дедушка страдает от никотинового голодания... Никотиновое голодание – страшная болезнь! Она деформирует органы слуха, проще говоря – у дедушки страшно пухнут уши, он отмачивает их в молоке горных яков (очень хорошо снимает синяки и опухоли)...

– Трогательная история (резким голосом, без тени сочувствия произнесла самая старшая из трёх парок), от нас вы что хотите?

– Того же, чего хотел Шикльгрубер от Евы Браун – понимания и сочувствия! Дедушка предпочитает сигареты типа «рак с первой затяжки», «горлодёр», не дайте старику зачахнуть без никотина – продайте мне блок «Примы»!

– Каков фрукт! – произносит вторая товарка с густо окрашенными в синий цвет волосами – всё наврал, а всё равно слушать приятно.

Третья участница сцены (самая молодая) сконфуженно фыркает в ладошку, чтобы не расхохотаться.

– У нас – склад, мы не торгуем товаром – вновь включилась первая (видимо главная здесь) дама.

– Да продайте вы ему пару пачек, Виктория Трофимовна, вдруг он правду говорит – сочувственно произносит синеволосая мадам.

– Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал – то твоё! Шота Руставели, «Витязь в тигровой шкуре» – подключаюсь я.

– Ладно, Тамара, принеси пару пачек – самая молодая ушла на склад, шурша халатом, синеволосая и начальница продолжили говорить о том, о чём говорили до моего прихода.

– Я ей говорю, Софочка, у тебя всё впереди, к тебе такие люди сватались! Сын командира части – Павлик Гидрасеменко! Племянник Хрентюка предлагал руку и сердце! Всем отказала! Не хочу связывать свою жизнь с военными! Она же хочет стать актрисой или певицей, не решила ещё, так вот, недавно появился ещё один сладкоголосый, типа вот этого – она кивнула в мою сторону, я говорит, из богатой семьи, папаша владеет фирмой, чего – то там с подводным плаванием связано, ласты какие – то делает, неважно, в общем, он ей напел, что может поспособствовать её карьере в Москве, и она загорелась! Я ему верю, он – умный, смелый, весёлый... Я ей говорю – ты его не знаешь! А вдруг, он аферист? Ты его видела всего пару раз, а Паша Гидрасеменко – юноша надёжный, положительный... Нет, не хочу жить с солдафоном, хочу в Москву, мне здесь не место, я – бриллиант, и мне нужна достойная оправка! Вот так! И не переубедишь!

Синеволосая задумчиво покачала головой – а может и

правда, а Вик? Оно ей надо – по гарнизонам мотаться? Времена сейчас другие, пусть пробует себя, зачем такой красоте здесь чахнуть? А ты его видела? Какой он?

– Хлыщ очередной, вот скажите, юноша, вы откуда сами?

– Из Тувы.

– Где это?

– Далеко. Семь суток на поезде, затем трое суток на верблюде, и ещё на вертолете лететь...

– Ааа, а я думала из Москвы...

– Я? Да вы что? Я не похож на москвича, они все скользкие, лживые, я им не доверяю.

– Вот! Правильно! Можно ли верить человеку, которого ты видел два раза в жизни?

– Ни за что! Ни в коем случае!

– Вот! А Софочка считает, что можно! А кто ваши родители?

– Совслужащие, папа в комитете по чрезвычайным ситуациям, спасатель, мама – учитель...

– Воот! А то какие – то коммерсанты, да они жулики все...

– Полностью согласен, все жулики, вор на воре, воруги несусветные! Вот у моего дедушки малахай украли, кто украл? Да они – коммерсанты! Я бы их...

В этот момент вернулась Тамара, и протянула мне две пачки «Примы» – сколько я вам должен?

– Нисколько, у нас склад, а не магазин.

– Огромное спасибо, приятно было пообщаться с умными

женщинами.

– Вы тоже очень приятный, думающий молодой человек.

Возвращаясь на стрельбище, я анализировал услышанное, если я всё правильно понял, то главная кладовщица – это мадам Жёлудь, судя по её речам, Софочка загорелась идеей переезда в Москву, славно – славно, выпущенный мной яд уже начал действовать. Я отдал старшине пачку сигарет (вторая досталась мне, а ещё я бескорыстно оставил себе деньги – пустячок, а приятно), меня тут же наградили сачком и отправили ловить гильзы.

Стрельбы проводились по раз и навсегда установленному порядку: старшина дрожащей рукой выдавал по два патрона, стрелки выдвигались на линию огня, а вторые номера становились справа и сзади стреляющего с сачками в руках, СКС – самозарядный карабин, дёргать затвор не надо (если только стрельба не ведётся холостыми), в результате срабатывания затвора гильза выбрасывается наружу, задача второго номера – поймать гильзу и предоставить старшине как доказательство того, что патрон не украден (не перепродан умственно отсталым боевикам, покупающим патроны поштучно). Ситуация сильно напоминала ловлю бабочек, вторые номера должны были совершать пируэты, чтобы поймать разлетающиеся гильзы. Прыгающие по стрельбищу здоровенные имбецилы с сачками, производили забавное впечатление – сон дурака, рассказанный глупцом. Результатом стрельб стал неутешительный вывод о том, что в роте охра-

ны, лучшим стрелком оказался КППШник с ласкающей слух фамилией Арбтрухтер. Он стрелял со снайперской точностью, остальные палили куда попало, чем вселили в командира роты твёрдую уверенность – завет командира части будет выполнен, враг не пройдёт!

21.

– Ёжжик, у меня задержка!

– Какая задержка? Автобус не едет что – ли?

– Ты чего? Дурак? Месячные не пришли!

– Ах, это... Ну и что?

– Как «что»? Я стану матерью!

– Поздравляю. Кто отец?

– Ты! Идиот!

– Слушай, это как – то неожиданно... с чего бы это вдруг?

Никаких предпосылок к этому не было, и вот тебе на!

– Значит так, кончай свои мудацкие шутки, или я всё расскажу папе!

– Виточка, ты не представляешь, как я рад! Всегда хотел семью, мелких гадов... в смысле детей, борщ, футбол по воскресеньям, пиво после работы с тестем, чай с тёщей – не жизнь, а мечта!

– То – то же! Когда мы им скажем?

– Ну, торопиться не надо, мы выберем подходящий момент и...

– То есть ты согласен?

– На что я согласен?

– Жениться на мне?

– Это предложение очень необычное, мне ещё никто, никогда таких предложений не делал, мы обсудим в семейном кругу, и в течение полугода дадим тебе ответ...

– Брось эту бодягу! Говори серьёзно!

– Ой, у меня чего – то в трубке шумит, аж ухо заложило, Витусик перезвони позже!

Так, окно возможностей сужается, это значит, что у меня осталось мало времени, чтобы осуществить задуманное. До обеда я чистил снег на плацу, не успел я снять шинель после возвращения в роту, как дневальный вызвал меня в каптёрку к старшине.

– Разрешите войти, товарищ старший прапорщик?

– Кхе – кхе, тьфу (звонкий плевок в эмалированное ведро) заходи Злобарь. Не думал я, не гадал, что мне с тобою породниться придётся, а вот, под, ж ты... Вита мне всё рассказала...такие дела...да...Где жить собираетесь...у нас ...или?

– Договоримся.

– А ты чем собираешься после срочной заняться? Может по моим стопам? А? Бейвнос и Злобарь! Это сила!

– Посмотрим.

– Да ты не напрягайся так, я всё понимаю, дело молодое, я сам по молодости гулял, эх, аж яйца зудят от воспоминаний!

– Товарищ старший прапорщик, разрешите вопрос?

– Давай!

– А мне вас теперь как, папой называть?

– Ах, ты ж мать твою, ... а ты шутник! Нет, в роте соблюдай субординацию – товарищ старший прапорщик, а дома можешь и папой. Ну, ладно, самое главное обсудили, Вита сказала, что ты от отцовства не отказываешься, жениться, согласен, правильно?

– Ммм, ну как вам сказать...

– Чего ты там мычишь? Да или нет?

– Такие вопросы с кондачка не решаются...

– Чего? Ты свой член, когда в бабу засовывал, о чём думал? Чего там у тебя «не решается»? А?

– Уговорили, умеете вы убеждать, товарищ старший прапорщик!

– То – то же! На том и поладим...

– У меня к вам просьба, товарищ старший прапорщик.

– Что такое? Говори.

– Она немного необычная, я даже не знаю, как это сказать...

– Ну, давай быстрее, чего там у тебя?

– Можно вас обнять? По – родственному?

– Вот же бля, родственничек, ну иди сюда...

– Папа!

– Ну – ну, без этих соплей, а то не утереться после тебя, ласковый как пидор...

Пока он тискает меня в объятиях, я принимаю к нему,

и ощущаю лёгкий запах плесени, (как от чисто вымытого кита́йца) смешанный с ароматом чеснока и застарелого перега́ра. Вырвавшись, я иду к двери, утирая слёзы умиления, на пороге останавливаюсь, и поворачиваюсь к старшине – чуть не забыл...

– Что ещё?

– Да так, мелочь одна, ничего особенного, вот вы сказали про соблюдение субординации, а я вспомнил, что дочка полковника Жёлудя тоже ждёт от меня ребёнка, я вот подумал, и решил – дочка полковника привлекательнее, чем дочка прапорщика! Субординация, понимаешь. А? Папа?

Бейвнос смотрел на меня молча на протяжении нескольких секунд, кровь отхлынула от его лица – сынок, не надо так шутить...

– Я не шучу, всё всерьёз.

Я увидел настоящую боль в его глазах, и получил от этого удовольствие, с которым не сравнится никакой секс. Бейвнос схватил меня за отвороты шинели и шваркнул об шкаф, от неожиданности я потерял равновесие и упал на одно колено, ударом ноги он опрокинул меня на спину, после этого он швырял меня по всей каптёрке, я пересчитал рёбрами все шкафы, видимо в какой – то момент я отключился, потому что звуки перестали доходить до моего слуха, очнувшись, я увидел очень близко от моего лица его изогнутый нос, и губы, выплёвывающие мне в лицо какие – то слова, смысл которых я не понял, я перевернулся на живот, и быстро пополз

по направлению к двери, удар ногой в бок немного изменил траекторию моего движения, но я успел зацепиться за порог и вывалиться в коридор, к каптёрке бежал Мазепан, замполит и кто – то ещё, меня оттащили в сторону, старшина надрывно кричал, на нём (как собаки на медведе) повисли офицеры, дневальный сбегал за совком, и поливал меня водой из него. По какой – то причине мне было тяжело дышать, Мамчик вызвался отвести меня в госпиталь на рентген.

– Ну, чё – допрыгался? Бейвнос теперь тебя с гавном съест, пора задуматься о самоубийстве – ты как предпочитаешь: из окна спрыгнуть, повеситься, а может, дуло карабина в пасть засунешь?

– Умеешь ты подбодрить, спасибо, не всё так плохо, есть у меня мыслишка одна.

– Сбежать решил? Вон Улугбек из комендантского взвода, к нему родственники приехали из Узбекистана, сел к ним в машину и ...ага, домой – у них служба полтора года, он уже полтора отслужил, приедет домой и дембельнётся...

– А мне куда, тоже к Улугбеку? Я – то всего полгода отслужил, ты чего буровишь, Вася? Нет, я ещё здесь побуду...

Врач – рентгенолог уважительно почмокал губами при виде моих синяков и кровоподтёков – с лестницы упал?

– Откуда вы всё знаете?

– Прямо беда с этими лестницами, ступеньки там какие – то дефективные что – ли? У нас целый этаж, таких как ты, страдающих падучей, со сломанными челюстями, пюре че-

рез резиновую трубочку едят, с сотрясениями, сломанными ногами, в пору снимать фильм ужасов: лестницы – убийцы! Лестницы ломают солдатам руки, ноги, выбивают зубы, прижигают сигаретами, и даже насилуют. В мирное время лестницы наносят нам такие потери, какие несёт воюющая страна... Пора бы уже объявить этим лестницам войну... Таак, ну, тебе повезло, тебе попалась незлобивая лестница, ласковая, переломов у тебя нет, полежишь с неделку в госпитале, и обратно, сражаться с...лестницами...

– Нет, он обратно в роту отправится, его там ждут – в разговор, гадостно улыбаясь, вступает замполит – переломов нет, нечего прохлаждаться, служба зовёт!

Мы выходим из госпиталя, замполит скалит плохочищенные зубы, и сладострастно говорит – сгниёшь на тумбочке, Гивиевич на тебе теперь выпится, ох выпится – он визгливо захихикал – я б тебе советовал покончить жизнь самоубийством, тебе всё равно до дембеля не дожить, ты труп! Так что, мой тебе дружеский, бесплатный совет...

– А мы – друзья?

– Ну, это так говорится...

– Ааа, а я – то думал, ...а про самоубийство я уже сегодня слышал от кого – то...

– От кого? Впрочем, неважно... Умные люди мыслят одинаково... С завтрашнего дня, и до дембеля заступаешь в наряд, забудь про увольнения, про отпуск я вообще не говорю, дурак ты братец, ох дурак... Следующие три месяца я

купался в лучах славы (это он – тот самый, который дочку Бейвноса обрюхатил), и наслаждался родственной любовью старшины. Я надраил до блеска все металлические предметы в казарме, выдраенные мной очки в туалете, отпугнули бы своей белизной саму Снежную королеву, я перекидал Эвересты снега на плацу, вычистил тонны свинячьего дерьма в подсобном хозяйстве, и мог бы по праву зваться Геракл – ПВО за этот подвиг по очистке Авгиевых конюшен, старшина приходил на службу малиновый от злости, он аж светился изнутри, словно бумажный фонарик, поприветствовав меня левым прямым в грудь, он шёл в каптёрку, брал из шкафчика засаленную розовую клюшку для игры в хоккей с мячом, и начинал обход роты, педантично выскивая пыль на окнах, дверях, шкафах, неровно повешенные шинели, грязь в спальном помещении, воду на полу умывальника – каждый недочёт сопровождался поощрительным ударом клюшки по спине. Расслабившись подобным образом, старшина становился бодр и весел, привычно снимал меня с наряда (тесть заботился о моём сне, слишком много спать – вредно, четыре часа в сутки вполне достаточно), и отправлял на какую –нибудь увлекательную работу: чистка картошки в столовой, мытьё бочек из – под квашеной капусты, разгрузка вагонов со свинными тушами – его душа пела, а моя... моя была полна самых нежных чувств к нему, степень моей привязанности к Александру Гивиевичу Бейвносу росла с каждым днём...

Жарким июньским днём, в послеобеденное время я при-

вычно топтался на тумбочке, в этот момент резко зазвонил телефон – дневальный второй роты охраны и химзащиты, рядовой Злобарь!

– Псина дрессированная! Рапортуешь как мартышка!

– Я тоже рад тебя слышать Виточка. Как поживаешь?

– «Виточка» – хуиточка, вечно ты со своим сюсюканием, что ты за мужик такой?

– Как твой животик? Растёт?

– Растёт! Хуеплёт!

– А ты в хорошем настроении, чего ты хочешь? Зачем звонишь? Крови попить?

– Ах ты, урод! Я ходила к Соньке Жёлудь, так вот – она не беременна! И вообще, она тебя знать не знает! У неё есть парень, и они собираются пожениться, понял? Козёл!

– Я рад за неё, она заслуживает счастья...

– А я? Я не заслуживаю? За что ты со мной так? Чего я тебе сделала? Ты сам ко мне привязался, заделал мне ребёнка, ославил на всю часть, кому я теперь нужна?

– Виточка, дело не в тебе...

– А в ком?

– Неважно, скоро ты всё поймёшь, и твоя жизнь изменится навсегда...

– О чём ты? О ребёнке?

– Не только.

– Ненавижу эту твою манеру говорить загадками, сука ты гнилая...

– Виточка, я тоже был рад пообщаться, но телефон служебный, я не могу его занимать надолго, целую!

В послеобеденное время в расположении было тихо, заступающие в наряд спали, слышно было негромкое бормотание Мазепана, говорящего с кем – то по телефону.

– Нет, Елена Геннадиевна, я больше не хочу видиться на старом месте...нет, не разлюбил...я – не мальчик, чтоб по складам ныкаться...

Он разговаривает с моей будущей тещенькой! Очень интересно.

– Лена, я тебе уже много раз говорил что...– он понизил голос до интимного шёпота, я оглянулся по сторонам, и прижался ухом к двери – подслушивая, можно узнать много интересного!

– Нет, на склад я больше не приду! Я понимаю, что ты не можешь ходить в гостиницу...что? Да. Завтра он будет дежурным...Где? У тебя? А дочка твоя? Ааа! Целый день? Хорошо! Часиков в одиннадцать я скажу дневальному, что еду в Партизанское, на склады, а ты...ты готовься! Я соскучился!

Тяжеленный пинок по заднице вминает меня в дверь канцелярии, здоровенный комендант Третьяк радостно скалится – ты чего там? Хули ты там уши греешь?

Мазепан выходит из канцелярии – чего за шум? А, резвиться? Ну – ну.

После вечерней поверки я выхватываю Мамчика за ло-

коть – дело есть.

– Какое?

– Важное.

На следующее утро старшина был на удивление благодушен, и обошёлся без дежурного тычка в грудь. Мазепан во всеуслышание объявил об отъезде на склады, и оставил за себя Бейвноса. Мамчик долго выжидал момента, когда поблизости не будет старослужащих, затем быстро юркнул внутрь канцелярии, и тут же выскочил назад.

– Сделал?

– Да.

Томительно потянулись минуты, старшина не выходил из каптёрки, свободные разошлись на работу, в роте остался только я, дежурный по роте, и дневальный второй смены. В двенадцать тридцать старшина вышел из каптёрки, и пошёл по направлению к канцелярии, заглянув внутрь, кашлянул – кхе – кхе, дневальный, я – обедать! Чтоб порядок здесь был! И очки почисти! Приду, проверю!

Бейвнос спускается вниз по лестнице, а я застываю в недоумении – фокус не удался... Надо бы забрать записку, в этот момент в роту вбегает Мазепан, я растерянно ору – дежурный по роте на выход! Мазепан досадливо машет рукой – отставить! – И вбегает в канцелярию, через минуту он выходит в коридор, в левой руке у него записка – дневальный! Кто заходил в канцелярию?

– Старшина.

- Старшина?
- Так точно!
- Он ЭТО читал?
- Не могу знать!
- Читал или нет?
- Не знаю!
- Ты ЭТО написал?
- А что это?

Он вытягивает руку с запиской таким образом, чтобы я мог видеть только её нижний угол, на нём печатными буквами накарябано «...твая жина спит с...».

- Почерк не мой.
- Остряк хуев, значит, ты не знаешь, откуда это взялось?
- Никак нет!
- Ладно! – он плотно закрывает дверь в канцелярию, я

приникаю ухом к двери, слышно только слабое бормотание, он разговаривает по телефону. С кем? Дурацкий вопрос. Объясняет ей, почему они сегодня не встретятся, а может быть, не встретятся больше никогда.

22.

Осенний приказ застал меня врасплох – я уже не пряник, можно расслабиться. Огрев меня двенадцать раз ремнём по заднице, Пиночет довольно улыбается – солнце встало у реки, хуй вам в жопу, черпаки!

- Да ты сам был черпаком, день назад!
- «Был»! Ключевое слово «был»! – он радостно ржёт, по-

казывая здоровенные лопаты зубов – гыы гхы, а теперь я – дедушка! Как же я постарел!

Закончив ужин, я выхожу из столовой, подзываю духа – курить давай!

– Я..у меня...нет...

– Найди, минута времени!

Он суетливо убегает, в этот момент, меня хлопают по плечу – здорово!

– Ооо, Седой! Как оно?

– Блестяще! Покатаемся? Я на колёсах, поедем пару собачек задавим?

– Чего?

– Пошли! Покажу.

Мы садимся в УАЗик, и едем за столовую, по направлению к бане, около складов настоящее лежбище – десятки собак греются на тёплых канализационных люках, Кучерявый жмёт на газ, слышен глухой звук удара, визг, дикий хохот Кучерявого – ещё одну звёздочку на фюзеляже нарисую! Он резко тормозит, даёт задний ход, напуганные собаки с воём разбегаются – ах вы, пидорасы! Ну? Ещё кружок? Я хочу крови!

– Давай. Вот здесь тормозни, я быстро.

– Ты куда?

– Две минуты! Я быстро!

Я забегая в бухгалтерию – есть! Она ещё не ушла, и она одна, все её коллеги уже дома.

– Светик! Привет!

– Привет. Чего надо?

– Какое радушие! Твоя радость от моего визита не знает границ!

– Чего ты хочешь?

– Пригласить тебя на праздник. В субботу, я отмечаю день рождения в ресторанчике «Золотой прапорщик» в Балабаново.

– Кто тебя туда пустит?

– Да я и спрашивать никого не буду.

– Ну да, ты же у нас крут! Как ты выйдешь за пределы военного городка?

– Мне послышалось, или это нотки иронии в твоём голосе? Иронии и скептицизма? Душа моя, эти мелочи не должны тебя волновать, ты мне скажи, ты согласна? Я хочу заглядеть свою вину перед тобой. Я вёл себя как свинья, а на самом деле, я – не такой, я – добрый и ласковый как котик...

– Да уж...

– Ты согласна?

– Не знаю, я подумываю о том, чтобы заявление на тебя написать... ты меня изнасиловал...

– Нам надо об этом поговорить, ну? Соглашайся, я видел, как жадно заблестели твои очаровательные глазки при слове «ресторанчик», будут конкурсы, певца пригласили, шансонье Митя Гунявый с новой юбилейной программой «Сука буду! Полгода на свободе», это же событие десятилетия! О

таких вещах детям рассказывают!

– Раз такие аргументы, то я согласна.

– В субботу, в десять, у третьего КПП, мы тебя подхватим на машине! В десять!

Я быстро сбегая вниз по лестнице, Седой нетерпеливо гасит – ну, ты чего там застрял?

– Иду! Поехали давить твоих любимых собачек.

– Уууу, сучечки мои, едет ваш хозяин!

– Седой, ты в Москве часто бываешь?

– На этой неделе два раза был. А что?

– На следующей неделе встретишься с моим другом, пакет у него заберёшь?

– А что в нём?

– Взрывчатка си – 4, провода, дистанционный детонатор...

– Чего? Шутишь что – ли? Готовишь взрыв столовой, или банщик тебе досадил? Готовишь фейерверк кальсонов?

– Да нет, там гостинцы, родственники с Кавказа передали... ты только это, осторожней с ним, с пацаном, он горец, у него кинжал в жопе зарыт, если чего не так – зарежут!

– Ну, ты меня совсем застращал...

– Да шучу я, просто забери, привезёшь мне.

Вернувшись в роту в хорошем настроении, я зашёл в умывальник, чтобы покурить перед сном, там уже сидели Мамчик и Тетеря.

– Какие дела, Злобарь?

– Всё отлично! В субботу подорвусь отсюда.

– В смысле? – Мамчик забыл выдохнуть и поперхнулся табачным дымом – совсем?

– Ты чего? Выдохни! Смотаюсь в Балабаново, в кабак, отмечу день рождения.

– Как ты это сделаешь? Тебя на КПП тормознут, уедешь на губу, вместо кабака.

– Не ссы, папа всё продумал. Я еду с работягами в третий караул, типа еду вкалывать на ПХД, сваливаю из машины вместе с теми, кто выйдет работать во второй караул, на втором КПП у меня спрятана гражданка, я переодеваюсь и свободно выхожу, лёгкой походкой гуляющего гражданского через первое КПП. В расходе я отмечен, как работающий в третьем карауле...

– До обеда, а потом тебя возьмут за жопу.

– После обеда ты отметишь меня, как убывшего в командировку, ты же у нас дежурный по роте с пятницы на субботу?

– А зачем мне это делать?

– Я приеду со дня рождения с подарками, ты, что больше любишь? Водку или коньяк?

– Водку. От коньяка я блюю.

– Хорошо, договорились, с меня коньячина.

Я прохожу в спальное помещение, и сажусь на койку Васи – губошлёпа.

– Как дела, Васятка?

– Он некоторое время делает жевательные движения губами, затем подносит сложенные гузкой губы к носу – нормально.

– Прикроешь меня в субботу?

– В смысле?

– Я отмечусь в расходе, будто бы я ушёл работать на склад, а сам через забор, около складов дырка, на электричку, и свалю в Митино, у меня там дела.

– А я– то тебе зачем?

– Не тормози, в расходе я буду отмечен только до обеда, после обеда надо будет стереть запись, и написать, что я у стоматолога. Сделаешь? Якши?

– Якши.

– А я тебе привезу здоровенную ром – бабу, пышную такую, текущую ромом, хочешь – трахай, хочешь – ешь!

– Пошёл ты, не надо мне от тебя ничего.

Утро субботы радовало глаз солнечной, осенней погодой. На разводе меня определили работать в столовую, где я и проспал до самого обеда. Поваром в столовой работал Карп – пухленький, с розовым лицом агрессивного поросёнка, паренёк моего призыва. Выспавшись, я берусь за телефон.

– Алло, Самед, салям аллейкум!

– Аллейкум ассалам!

– Ну, как там дела на первом КПП?

– Ооо, брат, такого шухера я давно не видел! С утра приехал замполит, и этот урод, ну, прапор длинный такой с таракаными усами, рожа гнилая, будто всё время срать хочет... как его?

– Папуля, командир второго взвода.

– Точно.

– Где они сейчас?

– Сначала внутри КПП прятались, хотели тебя с поличным взять, затем по территории стали шариться, по ходу им уже надоело...

– Хорошо, спасибо.

– Не за что, всегда рад помочь тебе, зёма.

Пообедав, я возвращаюсь в роту, дневальный зовёт Тетерю и Мамчика в Ленинскую комнату, пропустив их вперёд, я захожу последним.

– Ну, орлы, я вас слушаю!

– А ты же должен был...

– Я вас лохов, взял на понт, мне очень интересно было узнать, кто же это у нас тут так азартно стучит, я впарил вам липу, о своём «гениальном плане» самоволки, и уже с самого утра на первом КПП дежурил замполит, он там целую засаду организовал с целью поимки опасного преступника. А это значит, ... что это значит? Что один из вас, а может быть и оба вы – стукачи. Колитесь суки, кто из вас заложил меня?

Тетеря побледнел так сильно, что стали видны мельчайшие поры на его лице, все вены и прожилки обозначились

под кожей.

– Злоба...эт не я, ты же знаешь, я – детдомовский, у нас за такое убивают...

Мамчик злобно взвизгнул – а кто вчера вечером в канцелярию ходил? Я что ли?

– Меня Мазепан вызывал, насчёт того случая, когда я патроны потерял в карауле!

– Это было две недели назад, какого хера он вчера об этом вспомнил?

– Вчера их нашли, миноискатель привозили...

– Заодно, ты и заложил Злобаря!

– Не пизди о чём не знаешь! Я про себя точно знаю, что я не стукач! А вот в тебе я не уверен!

– Ты чего? Предъявляешь мне? Обоснуй, а то...

– А то, что?

– Стоп, стоп, мальчики, так мы ни к чему не придём. Я оставляю вас, у меня дела, завтра разберёмся...

Я прохожу в спальник к койке Васи, слышу его ровное дыхание – неужели спит? Я сажусь на него сверху таким образом, чтобы ногами заблокировать его руки, мой член находится в опасной близости от его рта.

– Васятка! Подъём!

Он резко дёргается, и начинает испуганно плямкать губами – ты...ты чего?

– Вася, мой милый Вася, теперь я понимаю, за что тебя перевели из твоей части в нашу – сдаём друзей как стекло-

тару?

– Я...это не я...

– Чего не ты?

– Это не я сказал о том, что ты свалить собираешься...

– А кто?

– Не знаю...отпусти...

– А тебе разве не нравится? – я начинаю имитировать лёгкие фрикции – ооо, я,я дас ист Васятка, фантастиш блоудж-об! Мумс – мумс!

– Слезай с меня! Мне...больно...дышать...

– На клык возьмёшь?

– Не смешно...

– И не должно быть смешно, должно быть сладко...сла-денько...ведь так со стукачами поступают – их ебут?

– Это не я!

– Васенька, давай расслабимся – ты уже расслаблен? Нет? А я уже близок,...давай расслабимся, и перенесёмся на несколько месяцев назад, в день бурого пряника, помнишь? Мы с тобой свалили из части, и я сказал – неплохо было бы, чтобы кто – нибудь из офицеров заночевал в роте, и чудо! Случилось чудо! Замполит остался на ночь, и мы избежали долгих ласк со стороны дедов, за что тебе большое спасибо, были и другие подозрительные ситуации, но...нет – нет, не спорь!

Я кладу ему указательный палец на губы таким кокетливым жестом, будто я игривая тёлка.

– Мне так нравятся эти фрикции, которые ты совершаешь своими эротичными губками – муа – муа, туда – сюда, туда – сюда, как будто нюхаешь невидимые яйца, хлопающие тебя по губам, ты просто душка! Так вот, Васенька, вчера я наврал тебе, я никуда не собирался, это была проверка, и ты её с блеском... провалил! Ты, наверное, представлял меня на губе, избитым, униженным, извини, не смог порадовать, в следующий раз, проблема в том, что я весь день проспал в столовке, и одновременно вычислил тебя, стукача ебаного, кроме тебя, никто не знал о том, что я собираюсь свалить через дыру в заборе, ну? Что ты мне теперь споёшь, петушок?

Вася напряжённо молчал, одновременно пытаясь высвободить руки.

– Не надо, у нас нет на это времени, на эту детскую возню, спи, спокойной ночи, дятел – ударник, завтра договорим...

– Вставай, вставай Злобарь!

– Чего такое? – я не мог разодрать глаз – чего случилось?

– Тетеря повесился!

– Что?

Я вывалился из постели, передо мной стоял Мамчик – ты какого...какого ты не спишь? Сколько времени?

– Полшестого, скоро старшина придёт, чего делать – то?

– А где...где Тетеря?

– В сушилке.

– Пошли, посмотрим.

Мы бежим к сушилке, через стекло виднеется висящее

тело, я открываю дверь, и в нос мне ударяет мощный запах перепрелого дерьма – ффффу, что это за вонь?

– Обосрался голубок, когда человек умирает, мышцы расслабляются, вот Тетеря и...

– Бля,... а когда он это...

– Хер его знает, дневальный дрых на тумбочке...

– А ты?

– А я – в канцелярии... чего делать – то?

– Ничего, готовь пиздюлятор, старшина тебе вторую дыру в жопе просверлит... Тетерька, дурачок, нашёл из – за чего вешаться, бля, я такое даже представить не мог...

– Не вынесла душа минета...

– А тебе всё равно, да?

– А нечего братанов закладывать...

– Жёсткий ты тип, прямо этот, как его – шанкр!

– Кто?

– Шанкр.

– А кто это?

– Шлем такой, шляпа у древних славян, из булатной стали, ну, знаешь стишок был: как наденешь шанкр – береги его, он ведь с нашим знаменем цвета одного!

– Красно – бело – голубой что – ли?

– Ага, точно... ну ладно, я сваливаю, ты держись здесь.

23.

– Капитан Дерibas у телефона!

– Осип, здравствуй! Это Гидрасеменко! У нас опять

неприятности в роте охраны...

– Товарищ полковник, поручите это дело кому –нибудь другому...

– Это почему?

– У меня голова другим забита, Света пропала, вторые сутки уже пошли.

– Как пропала? У нас в городке?

– Да. Сказала матери, что идёт на день рождения к другу. Марина спросила – к кому именно? Та не говорит, секрет, говорит, потом расскажу, ушла и всё...

– Да загуляла девка, дело молодое, вспомни себя в её возрасте...

– Да она никогда позже одиннадцати домой не приходила, а тут двое суток! Я все КПП оббегал, солдаты говорят, что похожая на неё девчонка садилась в машину у третьего КПП, машина не наша, внутрь не заезжала, стёкла тонированные, кто внутри – не разглядеть, я уже не знаю – в милицию обращаться надо... А чего с них толку?

– Дааа, дела, извини Осип, а у неё парень был? Кхгм... в смысле есть парень у неё?

– Да она целыми днями в бухгалтерии пропадала, работа – дом, ну, на дискотеку ходит иногда, в баре посидит с девчонками, постоянного кавалера у неё не было. А! Вспомнил! Она говорила недавно, что познакомилась с кем – то, очень необычный говорит тип, но кто он такой – я не знаю.

– Осип, ты погоди в милицию обращаться – она вернётся

через пару дней, наверняка у подружки какой – нибудь, вот мой оболтус недавно...

– Да я всех подружек обзвонил, никто, ни о каком дне рождения не слышал! Тут же городок, все про всех всё знают, а тут – тишина!

– Ну, ты это... не отчаивайся Осип, всё будет хорошо, отбой.

Старшина воспринял новость о самоубийстве Тетери очень спокойно, он явно думал о чём – то другом – дежурный по роте, вызывай милицию!

По вызову пришли два милиционера, они что – то долго делали в сушилке, затем один из них вышел и громко крикнул старшине – поздравляю! У вас убийство!

– Что? Какое убийство? Он же повесился?

– Нам надо осмотреть его постель.

– Это ещё зачем?

– У него на ногах синяки, похожие на отпечаток вафельного полотенца – вон как у этого бойца, а странгуляционная борозда, вот этот след на шее, видите? Ничего не замечаете? Нет? Он повешен на тонком, жёстком шнуре...

– Это шнурок от «афганки», на поясе и внизу проходит...

– Так вот, висит он на шнурке от «афганки», шнур узкий, а борозда широкая, что это значит?

– Что?

– Его задушили в постели, один держал за ноги, другой душил, а затем приволокли в сушилку, чтобы инсценировать

самоубийство.

– Чушь собачья. Мамчик! Когда он зашёл в сушилку?

– Кто?

– Труп! Тетеря этот!

– Не знаю.

– Как это? Где ты был?

– В канцелярии. Дверь была закрыта, я не видел.

– А какого ...она была закрыта? Ты там чего – шершавого гонял?

– Ннет, нниикак нет...

– Кто на тумбочке стоял в это время?

– Рядовой Быдлоус!

– Иди сюда, Быдлоус!

Быдлоус (длинный, гнутый хохол с мутными белёсыми глазами, и здоровенной бородавкой на лбу) подошёл к старшине, старательно сутулясь, и громко шаркая ногами – рядовой Быдло...– Отставить! Во сколько Тетеря зашёл в сушилку?

– Часа в четыре, в полпятого...

– И тебя не заинтересовало, а чего это он так долго не выходит?

– Я уставом зачитался товарищ старший прапорщик, так увлёкся, что и забыл про Тетерю эту...

– Устав учил? Всю ночь? Расскажи – ка мне обязанности дневального?

– Дневальный обязан...мммэ, ээ...стоять...не спать...

мнээ, и ...ээ...

– Хули ты там мычишь, парнокопытное! Вы долбоёбы спали оба, поэтому ни хера не видели! Что? Я не прав? Как он мог незаметно пройти мимо тебя?

– Да не знаю я, может он раньше зашёл, ещё до того как я встал на тумбу!

– Зови дневального второй смены!

– Дневальный свободной смены!

Из Ленинской комнаты с грохотом вылезает колченогий, квадратный ефрейтор с помятым от сна лицом – ефрейтор Брешет по вашему приказанию...

– Дрыхнешь?

– Я? Да чего бя, я тут как ссанный педик, сука...

– Ты как разговариваешь со старшим по званию?

– Да чего бя? Нахуй мне это упёрлось...да ебал я...

– Ты Тетерю видел ночью?

– Кого?

– Тетерю!

– Да не знаю я никаких тетерь, хули мне...

– Видел или нет?

– Да ни хуя я не видел! Я...

– Иди отсюда! Забирай второго дебила, и валите оба очки драить!

Быдлоус и Брешет понуро побрели по направлению к туалету, длинный Быдлоус и невысокий, кривоногий Брешет, вместе выглядели, как дрессировщик с обезьяной на прогул-

ке. Милиционер задумчиво почесал щёку – он всегда так разговаривает? – он мотнул подбородком в сторону Брешета.

– Всегда, по – другому не умеет.

– Так мы посмотрим спальное помещение?

– Зачем?

– Если найдём простыню перепачканную дерьмом, значит наша догадка верна, его убили, если не найдём... то, возможны варианты.

– Да здесь каждый второй ходит с грязной жопой, и спит на обосранных простынях, почти все дрочат – это же армия! Здесь девочек нет, здесь есть мальчишки с большими хуями, и дурными манерами!

– Мы осмотрим спальное помещение?

– Осматривайте.

Милиционеры осмотрели постель Тетери, она была застелена белоснежной простыней, гладкой как поле, было понятно, что на этой простыне никто не спал. Старший по званию милиционер (с лейтенантскими звездами на погонах) задумчиво почесал небритую щёку – короче так: он же не мог вытянуть простыню из – под спящего, скорее всего, он снял её с постели, на которой никто не спит. Старшина! Можно вас на минуточку!

Бейвнос досадливо поморщился – вы мне уже порядком надоели... чего?

– Все кровати заняты? Свободных коек нет?

– Есть, вон в том спальнике, в комендантском взводе...

Сотрудники правоохранительных органов педантично прошерстили комендантские постели, и вдруг тот из них, что был младшим по званию (сержант) радостно крикнул – есть! И поднял вверх, перемазанную дерьмом простыню.

– Никогда не видел, чтобы обосранные простыни приводили человека в такой восторг. Ну и что это доказывает? Что вы с ней делать теперь будете? На анализ отправите?

– Какой анализ? Поменьше смотрите детективы по телевизору, просто это подтверждает нашу гипотезу об убийстве.

– Ерунда. Тетеря повесился, остальное ваши фантазии. Когда вы заберёте тело?

– Это не к нам, мы свою работу сделали.

Милиционеры уходят, раздосадованный Бейвнос скрывается в каптёрке, и выходит, вооружённый своей любимой клюшкой

– Ну – с, начнём наводить порядок.

24.

– Алло! Ильяс, брат, здравствуй!

– Здорово!

– Как твои дела?

– Хорошо, спасибо, у тебя как? Проблем нет со старослужащими, с офицерами? А то мы с ребятами подъедем, разберёмся, любому перо в жопу вставим!

– Да нет, всё нормально, одноклассников наших встречаешь, как они там?

– Хорошо, похоже, что кроме тебя и Хлястика, все осталь-

ные откосили от армии.

– Ммм, понятно, слушай, посылка моя дошла?

– Да, всё путём.

– Ну, как тебе девочка Света?

– Да так, ничего особенного. Лучшая женщина та, которую пожелаешь. Всегда ждёшь чего – то большего.

– Не нравится? Верни обратно!

– Это нереально, я не знаю, где она сейчас ебалом торгует – может в борделях Стамбула, а может в Праге. Кыismet. Бабки получены, дело сделано, кстати, я твою долю передал другу твоему. Он странный какой – то, он не пидор случаем?

– Седой? Нет, он нормальный.

– А ведёт себя так, будто в карий глаз долбится, ужимки какие – то петушинные...

– Нет, он в порядке.

– Когда следующая будет?

– Подожди немного, у меня же не конвейер, требуется время, индивидуальный подход... Слушай, а ты чем сейчас занимаешься?

– Да так... у дядьки подрабатываю...

– А дядька?

– Охраняет Руслана Имрановича.

– Это которого... того самого? Который в Большом Белом Доме?

– Угу.

– Солидно.

– А то, ну ладно брат, рад был слышать тебя, будут новости – звони.

Тетеря был найден повешенным, а Вася просто исчез, никто не знал куда, человек просто растворился в пространстве – как будто его и не было, таким образом, наша рота лишилась двух стукачей за один день. Мамчик ходил по роте с победительным выражением на розовом, сморщенном личике, личике недоношенного имбецила, очевидно, что он считал всё произошедшее своей победой, и страшно этим гордился. Я продолжал исправно ходить в наряды, и обнаружил, что Мазепан имел привычку записывать свои впечатления от произошедших событий, и планы на следующую неделю в сиреневый блокнотик, блокнотик он прятал в стол, и запирали его на ключ. Замочек был примитивный, и отпирали обычной скрепкой.

3 марта 1993.

Отпр. Тройх во втор. Караул. Не работает грибок на периметре.

Был в гостях у В. В. В.В – полный кретин, и не умеет пить. Включил песню «Мы горим как спирт в протянутых руках», налил себе в ладони спирту и поджёг. Теперь ходит по части с марлевыми повязками на руках, при отдаче чести похож на мумию из фильма...

8 марта.

Не забыть поздравить Е.Г. Договориться о встрече.

Отправить Трубина на гарнизонную гауптвахту.

К Е.Г.

Твои глаза как два алмаза,
Что тают в темноте ночной,
Сто пятьдесят вчера я вмазал,
В преддверии свидания с тобой,
Сегодня я всажу все триста –
растёт, растёт накал страстей!
Твой взгляд опасен словно выстрел,
Из миномётов всех мастей,
Твоя корма с турбо надувом,
Изящней чем обводы БТР,
Я завтра выжру все пол-литра,
Иль я не русский офицер?

13 марта 1993 г.

Найти сварщика (вышка во втором карауле). Забрать Трубина с гарнизонной гауптвахты. Готовиться к итоговой проверке.

– Какого... ты тут делаешь? – в дверном проёме стоял Мамчик.

– Ты «Унесённые ветром» читал?

– «Унесённые» кем? Негром? Это про баскетбол что – ли? Я кино такое видел.

– Ага, про баскетбол, там главный герой – негритянский баскетболист Рэтт Батлер, так вот он говорил «подслушивая, можно узнать много интересного», от себя добавлю – и, подглядывая тоже.

– Куда ты там подглядываешь?

– Да так, кое, – какие документы...

– И что там полезного написано?

– Скоро итоговая проверка.

– Тоже мне новость, она каждые полгода, давай вали отсюда, а то, кто –нибудь из офицеров придёт, я по балде из – за тебя получу. Слыхал, что Бейвнос сказал – всем отпороть буквы СА с погонов.

– Зачем?

– Приказ такой. Советской армии больше нет, спарывай буквы.

– Не хочу. Мне с буквами больше нравится.

– Дело твоё, оторвёт старшина погоны с куском ключицы в придачу, будешь знать.

В следующем наряде мне пришлось ждать двух часов утра, прежде чем я смог погрузиться в волшебный мир мыслей Мазепана.

15 марта 1993 года.

Съездить за комбикормом в Петелино. Кардинально решить вопрос с Е.Г. – так больше продолжаться не может!

17 марта 1993 года.

Подрался ефрейтор Арбртрухтер с рядовым Кусаровым. Объяснительные прилагаются.

Объяснительная записка.

Я – ефрейтор Арбртрухтер, 17 марта 1993 года ударил рядового Кусарова ногой обувью в сапог по спине (ниже

спины), потому что этот пид (зачёркнуто), этот низкий, гадкий человек назвал меня пидара...(зачёркнуто) гомосекс...сук... скандалистом (мусчиной, котрый любит других мушщин), а я не такой, он оскорбил чувство моево достоинства, и получил по морд (зачёркнуто) по спине. Презнаю сваю вину, больше так делать не буду.

Арбтрухтер.

Объяснительная записка.

Я, рядовой Кусаров назвал ефрейтора Арбтрухтера пидаром, потому что он сказал, что не будет мыть пол в умывальнике, а он был дневальным первой смены, и должен был помыть пол, прежде чем встать на тумбочку. Он сказал, что еб...(зачёркнуто) голову моего отца, поэтому я понял, что он – настоящий пидар, и назвал его так ещё раз, тогда он ударил меня ногой по ж...(зачёркнуто) задней части спины, ногой обутой в сапог, а я ударил его в грудь. Виноват. Больше не буду.

Кусаров.

20 марта 1993 г.

Добиться госпитализации сержанта Бугрова (он сходит с ума, чуть не перестрелял возвращающихся с караула, потерял карабин при приёмке – сунул за шкаф и забыл).

30 марта 1993 года.

Отправить старшину в командировку в Партизанское (сопровождать команду разгр. Вагоны). Срок командировки 1.04 – 4.04.!!!

Собрать ряд. Злобаря (для перевода в др. часть)

Опа– па! В другую часть! Нет, так мы не договаривались, я ещё не закончил всего, что задумано. Как избежать перевода? А что это у нас – «Отправить старшину в командировку...», надо думать, что счастливый любовничек не упустит шанс воспользоваться отсутствием носатого, и рогатого прапорщика. Надо помочь любящему мужу пережить рогазм, и открыть ему глаза на происходящее, учитывая темперамент Бейвноса, для кого – то эта ситуация должна закончиться плачевно. Я быстро набрасываю текст записки:

«Уважаемый Александр Гивиевич, я ваш давний друг и поклонник, я давно восхищаюсь тем, как стойко вы переносите тяготы и лишения службы, как неуклонно растёт боевая готовность нашей армии в результате вашего чуткого и бдительного руководства войсками. Вы – настоящий патриот, и тем больнее мне наблюдать, что в вашем тылу подняла голову гнилая гидра предательства. В то самое время, когда вы проводите бессонные ночи на службе, укрепляя нашу оборону, в вашей собственной семье, дали всходы протухшие семена измены. Весь военный городок об этом знает, и только вы, как человек благородный не замечаете происходящего, врождённое чувство такта не позволяет вам опуститься до сплетен и пересудов. Чтобы не ходить вокруг да около, скажу прямо – ваша жена вам изменяет с человеком, которого вы считаете своим другом. Чтобы не быть голословным, подтверждаю свои слова фактами. Первого апреля вас отправят

в командировку на три дня. Если вы сможете найти способ вернуться домой в один из этих дней, то вы застанете любовников прямо на месте преступления.

Доброжелатель.».

Минуточку! Я же не знаю – когда именно Мазепан предаётся любовным утехам в компании порочной бухгалтерши Елены Геннадиевны. А если Бейвнос вернётся, а счастливых голубков не будет в любовном гнёздышке? Надо знать точно, в какой день, мщение обрушится на счастливых любовников. Как это выяснить? Есть один способ.

– Алло? Вита, солнце моё, это ты?

– Это ты, урод? Ты смеешь звонить мне, после всего, что ты мне устроил? Ах ты...

– Виточка, зайка, произошло недоразумение, после задушевных бесед с твоим папой, я осознал глубину моих заблуждений, я понял – какой скотиной я был, твой папа привёл очень веские аргументы, он умеет убеждать, и я склоняюсь к мысли о том, чтобы официально оформить наши с тобой отношения, все последние ночи, я плачу в подушку при мысли о том, что мой малютка будет расти без отца, а ты – ты, моя нежная голубка, останешься без мужа! Моё сердце разрывается от боли, я с трудом подавляю рыдания, и задаю тебе главный вопрос – ты согласна?

– Ты чего? Прикалываешься надо мной?

– И в мыслях не держал! Я абсолютно серьёзен! Так ты согласна?

– С чем согласна?

– Ты согласна выйти за меня замуж?

– О! Я не знаю...

– Вита! Соберись! Я уже звонил своим родителям – они благословляют наш брак, папа купил детскую кроватку, а мама купила прихватки для посуды! От таких предложений не отказываются!

– И всё будет по – настоящему? Белое платье, торт...

– Марш Мендельсона, дворец бракосочетаний, дуры, играющие на арфах, кольца, шампанское, подружки невесты, свадебное путешествие на Мальдивы – всё будет!

– Ух ты! Я согласна!

– Ты не представляешь себе, как же я счастлив! Когда мы увидимся?

– Мм, мама отсылает меня в Боровск к тётке...надо сделать УЗИ, ещё кое – каких врачей пройти...

– Когда? Когда? Я рычу от страсти!

– Давай сегодня вечером, завтра утром я уезжаю, вернусь в четверг.

– Сегодня я не могу, я в наряде...значит в четверг! Жду с нетерпением! Целую тебя, моя нежная голубка!

– Так я могу рассказать маме, что мы...

– Пока не надо, я найду, и мы обо всём расскажем, сюрприз будет! Ну, всё, пока – пока, люблю тебя!

– Угу. В смысле я тоже...

Так, она уезжает завтра утром, завтра первое, четверг –

третье, у любовников в распоряжении двое суток, вряд ли Мазепан пойдёт к ней среди белого дня, это было бы слишком нагло, значит первого – второго, вечер – ночь, так и запишем! Я вношу исправление в записку, и засовываю её под дверь каптёрки, на этот раз промаха быть не должно.

Первого апреля не произошло ничего, развод, заступление в наряд, неужели записка не достигла цели? Старшина уехал в командировку, и в роте было тихо и спокойно. Утро вторника было копией утра понедельника, я тоскливо ждал своей очереди на раздаче в столовой, и в этот момент меня кто – то схватил за шею сзади, и начал душить, душить по – настоящему, от неожиданности я выронил из рук поднос, тарелка с кашей плюхнулась на пол, в голове мелькали дурные догадки – кто это? Бейвнос? Мазепан? Кто желает моей смерти? Я пытаюсь разжать пальцы на шее – бесполезно, ни малейшего шанса! Внезапно руки разжимаются, я судорожно глотаю воздух, Седой радостно смеясь своим дурным смехом, спрашивает – прикольно? Меня подруга научила во время секса, так я все простыни обкончал, она решила, что я обоссался, столько спермы из меня вытекло!

– Ты... ты осёл бля! Я чуть не сдох... урод, что за шуточки?

– Чего? Ты не возбуждился? У тебя не встал?

– Пошёл ты...

– Ну, извини, я и забыл, что ты у нас не по этому делу, ты – честный алкаш! Тебе нет дела до девок! Мы не ёбари, мы пьяницы! Вот девиз роты охраны!

– Ты пакет получил?

– Кстати! Тебя только за это придушить надо! Чё за друзья у тебя? Ты откуда этих джигитов знаешь?

– Неважно, в детский сад вместе ходили. Пакет получил?

– Они меня (он понизил голос) чуть в жопу не оприходовали, этот главный у них...как его....

– Ильяс?

– Да...он мне стволом угрожал, глумился сука,...что у тебя за дела с ними?

– Проехали, я не понял, ты пакет взял?

– Да взял, взял, ты поосторожнее с ними, они тебя подставят, эти индейцы, не говори потом, что я тебя не предупреждал!

– Не твои проблемы, не переживай по этому поводу.

Я беру тарелку каши, и сажусь за стол, сержант – дежурный бросает в мою чашку два куска сахара, и пытается пройти дальше, я останавливаю его – мало.

– Чего?

– Сахара мало.

Он кладёт ещё два куска.

– Ещё.

Кладёт ещё два – хватит?

– Я скажу, когда хватит, клади ещё.

Он смотрит на меня выпученными глазами, и механически накладывает сахар в чашку – всё, хватит, вали отсюда. Ошарашенный, он отходит к следующему столу. Я меняю

свою чашку на чашку сидящего рядом Кашея, тот садится, отхлёбывает чаю, кашляет и выплёвывает жижу на пол

– Бля! Это чё такое? Бурда, столько сахару – там ложка не двигается, какой шакал мне столько сахару навалил?

Я показываю глазами на дежурного, Кощей возмущённо орёт

– Слышь ты! Иди сюда, дятел! Я этот чай тебе щас в очко залью, неделю срать не будешь!

Испуганный сержант подбегает к нашему столу – я...да я, мне сказали...

Кощей хватает кружку и делает такое движение, будто собирается плеснуть чаем в сержанта, тот отпрыгивает назад, и выбивает поднос из рук хмурого, насупленного как английский бульдог ефрейтора из автороты. Ефрейтор отвешивает сержанту тяжеленный пинок, сержант падает на стол и сбивает локтем шапку с головы Тышмана, злющего дембеля из Коми, тот с рычанием вскакивает, сержант в ужасе валится на пол, все радостно гогочут. От входа в столовую несётся распаренный Кунг – Фу, его конопатое лицо блестит от пота – слышали? Вы слышали?

Он плюхается за наш стол, отпивает сладенького Кашеева чая – пиздец!

– Кому?

– Мазепану! Во дела! Кто бы мог подумать!

– Что случилось?

– В штабе все на ушах! Гидру вызвали, дежурный по части

за жопу держится – не знает, срать ему или танцевать! Оооо!

– Да объясни нормально, чего ты причитаешь как бабка контуженная! Чего случилось?

– Ща, отдышусь. Короче. Я сегодня посыльным в штабе, с самого утра всё было нормально, полчаса назад прибегает Бейвнос...

– Откуда прибегает, он же в Партизанском?

– В этом всё дело...прибегает Бейвнос, ручищи в крови, весь заляпан кровищей, весь, будто быка выпотрошил, прибегает и орёт – самоубийство! Самоубийство!

– Кто самоубился?

– Мазепан!

– Ни х...себе! А Бейвнос тут причём?

– А притом. Он говорит, что он зашёл в свой подъезд, а там Мазепан лежит, Мазепан дважды выстрелил в себя из пистолета, Бейвнос стал делать ему искусственное дыхание, и перемазался кровью.

– Бред какой – то, какого хера Мазепан решил застрелиться в подъезде Бейвноса?

– Ага, дежурный говорит, что Мазепан харил жёнушку Бейвноса, видимо тот прознал и...

– Кого? Да я её видел, её трахнуть можно только под наркомом, ей бы молот метать, или ядро толкать – баба – тяжеловес, битюг блядь! Объём бицепса такой, что Шварцнеггер стыдливо скулит от зависти...

– Не знаю, так говорят...

– Так это чего получается, Бейвнос грохнул Мазепана? Вот это да! Чума! Бомба!

– Я представил Бейвноса, делающего Мазепану искусственное дыхание рот в рот! Я бы на его месте умер и без огнестрельных ранений!

– Бха – га – га!

– А кто теперь у нас командиром роты будет?

– А чего будет с Бейвносом?

– Какая разница! У нас, похоже, и командир части новый будет, Гидру теперь точно снимут!

– Во дела! Вот тебе бабушка и Юрьева хрень!

25.

Товарищи солдаты! Меня зовут капитан Выдирайло! Я – ваш новый командир роты! Я строг и справедлив, слуга царю, отец солдатам! Тем из вас, кто честно несёт службу, бояться нечего! Наша рота охраны и химзащиты останется лучшей в части, в смысле несения караульной службы, всё останется по – прежнему. Позвольте представить вам нового старшину нашей роты – старшего прапорщика Мамона!

Новый ротный был высок, худ, сутул, горбатый нос, голубые глаза, рыжие волосы, длинные морщинистые, верблюжьих губы, и очаровательная привычка перекатывать что – то невидимое во рту, видимо наслаждался неповторимым вкусом верблюжьей колючки. Мамон был невысок ростом, усат, в моменты гнева закатывал глаза под лоб, и несказанно радовал собеседника видом желтоватых белков. Выдирайло вы-

зывал старослужащих в канцелярию для знакомства, дошла очередь и до меня.

– Я всё о тебе знаю, всё, что происходило между тобой и Бейвносом, меня не касается, вся эта история с его дочкой, меня волнует другое – в роте должен быть порядок, и в его наведении я буду опираться на вас, на опытных солдат, я считаю, что молодых надо держать в узде, и лучше чем вы – старослужащие, этого не сделает никто. Если в роте будет порядок, я закрою глаза на некоторые ваши шалости, но! Это не касается пьянства! Я знаю, что у тебя были проблемы с этим, так вот! Напьёшься – отправлю на губу, затем переведу в роту obsługi к чурбанам, дослуживай там. Мы друг друга поняли? Отлично! Можешь идти.

...– Злобарь, зайди в каптёрку, старшина зовёт.

Мамон расслабленно растёкся на стуле, усы импотентно обвисли, лоб блестел от пота.

– Разрешите войти, то...

– Входи. Получи и распишись.

– Что это?

– Приватизационный чек. Расписался? Чтобы вас не огорчить, разрешите получить...

– Угу. А что это такое?

– Один гандон с противной рожей, по телеку говорил, что на эту бумажку можно две «Волги» купить.

– Правда?

– Врет, конечно, по его роже видно, что ворюга, здесь ка-

кое – то наебалово, правда я ещё не понял, какое именно...

– Так чего делать с этой бумажкой?

– А я откуда знаю, каждый, кто заходит сюда, спрашивает одно и то же – «чего делать, товарищ старший прапорщик?». Чего хочешь! Хочешь – продай, вон в городке объявление висит «куплю ваучеры», хочешь пропей, только так, чтобы я тебя не спалил, хочешь – жопу вытри, у нас теперь свобода, вот и думай сам. Зови следующего.

В полном соответствии с принципом свободы потребителя, управляющим рыночной экономикой, я обменял свою бумаженцию на две бутылки водки, и взял их с собой в караул, чтобы отпраздновать переход к политике «шоковой терапии».

Мы заступили в караул в 18 – 00, к 19 – 00 (за исключением азиата, не прослужившего ещё и полугода, и помощника начальника караула) весь наличный состав был пьян. Между караулами существует система оповещения о проверках, наш караул (третий) называли лесным, он находился дальше всех остальных, и проверяющие приезжали к нам в последнюю очередь. Поступил звонок из первого, затем второго караула, это означало, что проверяющий где – то поблизости. Напившись тёплой водки, и закусив её луковицей, я почувствовал такую расслабленность, что не смог выйти на пост, и вместе с другим караульным завалился под батарею сушилки. Мы утоляли голод горелыми сухарями, и хихикали как дебилы, катаясь по полу от смеха. Отдыхающая смена зава-

лилась спать, вместе с ними упал на топчан Кашей из бодрствующей смены, начальник караула заметался по караулке – часовых на посту нет, только два солдата могут связно выражать свои мысли – э! Товарищи солдаты! Кто будет отвечать на вопросы проверяющего? А что будет, если он объявит «караул в ружьё»? Ау? Где ещё один боец из бодрствующей смены?

– Он ушёл за ужином...

– Какой ужин? Машина ещё не приезжала!

– А кто об этом знает? Ушёл за ужином...

– Кто будет говорить с проверяющим?

– Индеец... Как тебя звать?

– Уладжун.

– Во! Ула... жмун... мун всё знает, праильно?

– Так точно!

– Маладец!

Проверяющий оказался бодреньким живчиком, обошёл всё караульное помещение, позвал караульного бодрствующей смены.

– Обязанности часового.

Уладжун глубоко вздохнул – ох – ох, ох, часовой запрыщено... спат – сыдэт, прислонялся к каму – ныбуд, примат от кого – то, и пердават каму – то эти самые... как будэт культурно сказат... срат и ссат?

– Естественные надобности.

– Точно! Эбстэствынны понадобасты!

– Достаточно! Я вижу, что ты знаешь. А где второй караульный?

– Жрать.

– Чего «жрать»?

– Ушел. Жрать.

– Не понял, что значит «ушел. жрать»?

Начальник караула пришёл на помощь идейному потомку жителей лаконики – он пошёл за ужином.

– Ааа, понятно. Ладно. А чего это часовые не звонят? Они же должны с каждого грибка отзваниваться?

– ?!

Проверяющий подождал двадцать минут, и уехал, не дождавшись моих звонков, я не мог позвонить, потому что спал в сушилке, выполняя строгий завет нового командира роты.

Каждое утро в роте начиналось с зарядки, Бейвнос лично выгонял всех из казармы, и строго следил за проведением зарядки, Мамон был историческим оптимистом, поэтому доверял проведение зарядки сержантскому составу. По утрам мы выгоняли молодых на зарядку, и совершали неторопливую прогулку, сопровождая её утончённой светской беседой на философские темы, эдакие перипатетики в кирзачах.

– Я выхожу короче на остановку, никого! Один сморщенный дятел в шляпе, и больше никого! Я грю, слышь! Во скока автобус? Он грит – в пять! Я грю – закурить дай! Протягивает сигарету, хорошую, с нипелем. Я грю – деньжатами

помоги, в отпуск еду, голяк на базе. Он достаёт трясущимися куриными лапами лопатник, и начинает искать купюры по-мельче... Короче! О чём я ни попрошу – всё делает! Не к чему придраться! Ну, сука, увёртливый гад, как его подловить?

– Как?

– Я нашёл выход!

– Какой?

– Я ему грю – дядя, ты в армии служил? Ага, гворит, служил. А как у вас с там с пидорами было? До сих пор балуешься? Или бросил? Вилка! Признаёшься что бросил, значит, ты – бывший пидор! А если не бросил, значит, ты – и сейчас пидор!

– Ну и...?

– Дядя затрясся, блеет, мычит...

– А ты?

– А я ему в грызло – на! Пидорюга, не отвертишься!

– Отоварил?

– А как же! Котлы снял, во – смотри, нравятся? – Мамчик закатал рукав афганки, продемонстрировав золотые часы – видал сасун?

– Не видал, и не сасун...

Откуда – то сбоку появился мужчина в ярко – розовом спортивном костюме, хорошо уложенные волосы, холёное лицо, внимательные голубые глаза, он подбежал к нам, и с лёгкой одышкой спросил – почему стоим, бойцы? Почему не бегаем?

– Иди куда шёл, дед – куртуазно вступил в разговор Брешет. КППшник Третьяк сконфуженно фыркнул, и потянул Брешета за рукав, тот отмахнулся – отвали! Пан – спортсмен строго посмотрел на Брешета – хамите, товарищ солдат, представьтесь, пожалуйста!

– Чего? Я? Бл... – Третьяк зажал ему рот рукой, и что – то прошептал на ухо, Брешет, открыл рот, потом закрыл, и стал похож на аквариумную рыбу, тупо выпускающую воздух ртом. Розовокостюмный спортсмен рывкнул – бегом! Быстро! Марш! Все неспешно потрусили вперёд, я медленно пошёл вслед за бегущими – а вас, товарищ солдат, это не касается?

– У меня хронический бронхит, я недавно из госпиталя, у меня освобождение.

– Фамилия?

– Злобарь.

– Запомню. А что это оттопыривает вам штаны, рядовой Злобарь? Достаньте, пожалуйста, ... о сигареты! Интересно, получается – бегать вы не можете, а курить можете?

– А я не затягиваюсь.

– Я всё понял – обладатель гламурного костюма рванул вслед за бегущими, невежливо повернувшись ко мне спиной...

– Алло, Соня? Здравствуй, это Злобарь.

– Здравствуй, зачем ты звонишь мне? После того, что ты сделал с несчастной Витой, ни одна честная девушка не

должна с тобой разговаривать, если ты рассчитываешь ко мне подкатить...

– Да нет, я не собираюсь к тебе «подкатывать», я по другому поводу звоню, ты помнишь наш разговор о твоём будущем?

– Ну, ...помню, а что?

– В субботу приезжает мой дядька...

– Очень рада за тебя, а мне то, что с того, что приезжает твой родственник?

– Он работает продюсером на канале моего папаши, если ты хочешь, я могу договориться с ним о том, чтобы он тебя прослушал, если конечно, ты действительно этого хочешь.

– Я..я...а что надо делать?

– Спеть песню, станцевать, декламировать стихи, показать своё умение держаться перед камерой...

– Мне надо подготовиться?

– Сонечка, если тебя устраивает волшебная, брызжущая весельем жизнь прапорщицкой жены, увлекательно проводящей время в ГДО и видеосалоне, пьяный муж в засаленной портупее, целлюлитные, распухшие жёны других прапоров, постепенная утрата человеческого облика, грязные орущие дети, если всё это – твоя мечта, тогда давай закончим этот разговор, и попрощаемся...

– Нет, нет, я не хочу жить в военном городке, меня уже воротит от этих рож, видеть их не могу...

– В субботу приходи часикам к десяти к третьему КПП...

– К третьему? Зачем? Он что, на КПП меня слушать будет?

– Нет, конечно, поедете в этот ваш культурный центр... как его...»Золотой прапор», там и видеосъёмка, и эстрада, не в гостинце же ему тебя прослушивать, правильно?

– Ну...да,...а он ко мне приставать не будет?

– Сонечка, открою тебе секрет, который известен всем, на телевидении работают гомосексуалисты и евреи, так вот, мой дядя – не еврей, понимаешь?

– Ааа, да, кажется да...

– Отлично, ну, пока!

– Пока! Слушай, а тебе это зачем надо? Зачем ты мне помогаешь? У тебя какие – то планы по отношению ко мне, да?

– Нет, никаких планов у меня на тебя нет.

– А зачем тебе это надо? Он тебе платит за это, да?

– Нет. Просто не могу видеть, как ты здесь чахнешь, а как представлю, что тебя обнимают мохнатые прапорщицкие руки – брррр! Аж передёрнуло! Ты достойна большего!

– Ты такой благородный! Прямо этот ...как его ...у Достоевского был в книге...

– Князь Мышкин?

– Да! В общем – идиот! Во!

– Ну, спасибо Сонечка, ладно, пока, и ещё...ты пока о прослушивании никому не говори, а то начнут судачить – актрисуля, то сё – ну, ты понимаешь? Заранее не надо об этом извещать.

– Никому? Даже маме?

– Даже маме! Потом скажешь, когда выступать начнёшь, хорошо?

– Ну, ... хорошо.

– Счастливо!

– Пока!..

– Алло, Ильяс, брат, как дела?

– Отлично, как у тебя?

– И у меня тоже. Я насчёт посылки, в субботу, в десять, третья КПП.

– Красавец! Мне как раз бабки нужны, срочно, очень вовремя! Как там насчёт предыдущей? Всё тихо у вас?

– Всё в порядке, насчёт денег я позже позвоню, хорошо?

– Хорошо! Жду звонка!..

Пятница началась со строевого смотра, в тот момент, когда мы привычно сделали «равнение направо» на плац вышел холёный пижон, встреченный нами на зарядке, но на этот раз не в розовом спортивном костюме, а в мундире полковника.

– Кто это?

– Дуровец, новый командир части...

Сзади тихо заматерился Брешет – а я ему чуть в торец не заехал, сука...

– К торжественному маршу, повзводно, на одного линейного дистанция...

Мы чеканили шаг мимо нового командира, я (как и по-

ложено старому) шёл в предпоследнем ряду, как только мы прошли мимо Дуровца, тот вскрикнул – Злобарь не поёт!

Я громко выругался – ёбаны в рот!

– Что вы сказали, товарищ солдат?

– Я говорю, что пою во весь рот!

– Ааа, а то мне другое послышалось. Ты не пел!

– Чтоб у тебя жена храпела!

– Чтооо?

– Я говорю – половина роты не пела!

– Гм, рота охраны – пройти с песней ещё раз!

Длинный, нескладный Выдирайло, подбежал ко мне, нелепо вихляясь – Злобарь! Ты хотя бы рот открывай, он не отстанет!

Мы браво промаршировали мимо нового командира, я несильно открывал рот, изображая пение.

– Злобарь не поёт!

Выдирайло затряс веснушчатými щеками – ты чего? Жену его оприходовал что – ли? Чего он прибодался?

Я недоумённо пожал плечами. Во время третьего прохода Дуровец подбежал ко мне, и, сделав ладошку кульком, напряжённо прислушивался к моему пению, пришлось просто-нать – взвейтесь соколы орлами...

– Чего так тихо поёшь? Еле – еле...

– Хронический бронхит, товарищ полковник!

– Помню – помню, рота охраны возвращайтесь в расположение.

Выдирайло недобро улыбаясь, поманил меня пальцем.

–Иди сюда. Талантливый ты парень, Злобарь. Умеешь наживать себе врагов. Если честно, то я тебе не завидую, тебе осенью на дембель, что – то подсказывает мне, что уедешь ты отсюда после того, как Ельцин звякнет новогодним стаканом об экран телевизора.

Я решил вздремнуть перед заступлением в караул, прилёг, как только блаженная нега стала охватывать меня своими цепкими руками, со стороны качалки раздались громкие крики, затем громкий топот ног – вниз! Вниз! Он ещё жив!

– Чего там?

К моей кровати подошёл Мамчик, он с трудом сдерживал радостную улыбку.

– Чего ты такой счастливый?

– Всё!

– Чего «всё»?

– Пиночет «всё».

– А поточнее?

– Упал вниз из окна качалки.

– Как это? Он чего на подоконнике гантелями размахивал, птичек сшибал?

– Ублюдок готовился к дембелю, загорал на подоконнике, я говорит, приеду к своей девчонке шоколадным, гха – ха, приедешь сука, только горизонтальным, хы – хгы!

– Ух, ты лютый, злопамятный ты тип Мамчик, уж, сколько времени прошло, а ты всё помнишь, кто прошлое помянет

– тому глаз вон...

– А кто забудет – тому оба!

– Так это ты его...?

– Что ты, что ты! Несчастный случай, человек не рассчитал, и выпал из окна третьего этажа, какое несчастье, а ведь он должен был уволиться через неделю, ай – ай! – Мамчик лицемерно почмокал обветренными губами.

По взлётке бежал дневальный, Мамчик окликнул его – чего там?

– Да ничего, жить будет!

– Так он чего – живой?

– Да, подумаешь, с третьего этажа упал, здесь невысоко.

– Стой бядина, сюда иди, чего он сказал?

– Да ничего, мычит только, наверное, дураком останется.

– Ладно, вали отсюда.

– Чего – то ты разнервничался Мамчик, опасаясь Пиночета? Чего он должен был сказать? Назвать того, кто помог ему полететь?

– Иди ты... – Мамчик раздражённо взмахнул рукой, и ушёл в сторону канцелярии.

26.

– В связи с событиями в Москве, сегодня заступаем в караул с усилением, понятно? Понятно.

Мы сидели в Ленинской комнате, и ожидали развода, на экране телевизора догорал чёрно – белый дом правительства. Камера выхватила лестницу, с обеих сторон которой,

скрестив руки на затылках, стояли защитники Белого дома, откуда – то появился отчаянно храбрый гражданин, который начал героически наносить безоружным, стоящим к нему спиной людям неловкие удары, тычки, отвешивать оплеухи. Сидящий перед телевизором капитан радостно засмеялся – так им! Красно – коричневая сволочь, коммуняки херовы, всех расстрелять! Не вижу среди пленных Руцкого и Хасбулатова, где они? Этих двоих повесить прямо перед входом в дом правительства, и не снимать трупы до Нового года, в назидание остальным ублюдкам!

Демократически настроенный капитан оказался нашим начальником караула. Он продолжал радоваться победе демократии и за ужином, азартно поедая сечку, он оживлённо размахивал руками, и увлечённо митинговал – вот теперь заживём! Запретим компартию, поднимем экономику, построим правовое государство, уничтожим ядерное оружие, сократим армию, Россия станет ведущей, демократической мировой державой! Мы проведём люстрацию, привлечём к ответственности всех, причастных к сталинским репрессиям, вычистим эту гулаговскую сволочь из государственного аппарата, распустим КГБ – оно нам не понадобится, поскольку Россия вольётся (наконец – то!) в цивилизованную семью народов, откроем границы – нас ждёт процветание! У нас огромный экономический потенциал, тупые коммуняки не умели управлять экономикой – наштамповали танков, а бабских прокладок производить так и не научились, да че-

го там прокладки – джинсов нормальных нет! Мы создадим новую экономику – экономику знаний! Мы...

– Кгхм, прошу прощения, можно спросить, товарищ капитан?

– А? Ну давай.

– Кто создаст новую экономику?

– Наши выдающиеся экономисты – Гайдар, Абалкин, Шаталин...

– Это случайно не тот Гайдар, который возглавлял отдел экономики в журнале «Коммунист»?

– Тот самый, Егор Тимурович.

– Тот самый, который десятилетиями воспевал преимущества плановой экономики перед рыночной, а теперь рассказывает о преимуществах рынка по сравнению с плановой экономикой?

– Да.

– Действительно выдающийся, и самое главное – очень, очень принципиальный экономист. А Шаталин, это какой Шаталин, тот который автор «500 дней»?

– Да.

– Действительно, это свежие лица, с очень – очень нестандартными идеями. Успех реформ неминуем!

– Мне кажется, или я слышу нотки сарказма?

– Я очень серьёзен, никакого сарказма!

– Да что ты об этом знаешь? Мальчишка! Ты какого года – семьдесят третьего? Что ты знаешь об СССР? О привилеги-

ях партноменклатуры? Об этих зажавшихся рожках? То ли дело Борис Николаевич – титан! Боец! Не побоялся бросить вызов системе, и победить! Вот при ком точно не будет никаких привилегий! Скромный, умный, обаятельный, интеллигентный – настоящий демократ!

– Бесспорно! Вы полностью правы, привилегии – абсолютное зло! Главная причина всех наших несчастий! Борис Николаевич умеет с ними бороться! Он подержал за хвостик дохлую рыбку в универсаме, прокатился в трамвае в сопровождении журналистов, и все сразу поняли – этот смелый паренёк не допустит привилегий! Беспощадная борьба! До полного уничтожения всех, кто недоволен привилегиями!

– Нет, ты всё – таки издеваешься надо мной! Ты красно – коричневый! Злобствуешь, потому что твоих дружков постреляли сегодня, я прав?

– Вот типичная манера: навесить ярлык – «красно – коричневый», вам так проще, правда? Если вы чего – то не понимаете – шлёп, налепил этикетку, и всё встало на свои места! Жизнь не так проста, как кажется, она ещё проще...

– Ты о чём? Ты же коммуняка! Или нет? Я не понял...

– Об этом я и говорю, ... значит, демократию строите, а кто у нас демократ? Кто будет строить?

– Как кто? А Ельцин? А Сахаров?...

– Мой папаша – царствие ему небесное (если помрёт когда –нибудь) работал с Ельциным в Московском городском комитете партии, он уже тогда был демократом, и нещад-

но увольнял секретарей обкомов, искусный руководитель, я бы сказал – изощрённый! Сегодняшний расстрел всенародно избранного парламента, характеризует его как ярко выраженного демократа, весь цивилизованный мир рукоплещет, Конституционный суд тоже поддержал, и квалифицировал его действия как «государственный переворот».

– Откуда ты об этом знаешь?

– Каждый вечер мы смотрим программу «Время» – спасибо родному командованию!

– Верховный совет препятствовал демократическим реформам...

– За что был очень демократичненько расстрелян!

– Не надо передёргивать, в здании Белого дома собрались фашиствующие молодчики с оружием в руках, они угрожали стабильности и порядку...

– Товарищ капитан, вы не на митинге...

– Кстати, многотысячные митинги свидетельствуют о всенародной поддержке курса, избранного Ельциным!

– Гитлера тоже поддерживали миллионы, ни о чём эти митинги не свидетельствуют, кроме успешной работы теле и радиоканалов, эти же самые люди будут проклинать Ельцина через пару лет...

– Какая гадость – сравнивать Ельцина с Гитлером!

– Вы, конечно же, правы! Гитлер всего лишь поджёг рейхстаг, а Ельцин расстрелял парламент, сравнение некорректно.

– Действия Ельцина позволили избежать гражданской войны...

– Боевые действия в центре Москвы – это не гражданская война?

– Нет! Это подавление мятежа! Ельцин был вынужден это сделать...

– Он же большой демократ – почему не решить проблему демократическим путём, путём переговоров?

– Коммунно – фашисты терроризировали население, убивали милиционеров, действия Ельцина – защита демократии!

– Также, как и роспуск СССР?

– СССР – империя зла, тюрьма народов, его надо было уничтожить! СССР развязал Вторую мировую войну, да – да, захват и раздел Польши вместе с Гитлером...

– Прошу прощения, вы ведь – большой демократ, я правильно понимаю?

– Да! Я – демократ, и горжусь этим!

– Скажите, пожалуйста, почему ваш великий демократ наплевал на волю народа, выраженную в результатах референдума о сохранении СССР? Подавляющее большинство высказалось за сохранение союза, не так ли?

– Результаты референдума можно не учитывать, народ одурманен советской пропагандой, прибалтийские республики не участвовали, да он уже развалился к тому времени!

– Действительно, демократия – гибкая система, взяли и

проигнорировали результаты всенародного голосования, чего тут такого? Меня больше вот такая проблема занимает: как построить абсолютно новую Россию в условиях, когда все кадры старые, все бывшие, как вы метко выразились «коммуняки»?

– Это легко, они были вынуждены вступать в коммунистическую партию, принимая эту гнилую идеологию внешне, они отвергали её внутренне, и делали всё возможное для того, чтобы разрушить систему изнутри, поэтому...

– Вы сейчас о ком говорите? О глистах? «отвергали внутренне...разрушить систему изнутри»?

– Это называется диссидентство.

– Глисты – диссиденты? Очень верная метафора, вы просто поэт! Полностью согласен с вами, от этих людей исходит осязаемый запах дерьма.

– Не надо передёргивать! Мы – современники важнейших исторических событий! Мы – строители демократической, не тоталитарной России! Потомки будут гордиться нами!

– Извините, что прерываю ваш митинг, можно мне маленькую ремарочку, меня вдруг озарило, хочу поделиться видением будущего, можно?

– Запад поможет нам кредитами, специалистами, технологиями, Запад заинтересован в существовании сильной, процветающей России! Мы...

– Да – да, «Заграница нам поможет» – старинный лозунг всех напёрсточников, я читал Ильфа и Петрова, простите за

эрудицию. Боюсь, что не разделяю ваших радостных ожиданий, я объясню причины. Вы, конечно же, знакомы с теорией вентиляции политических элит великого итальянского политолога Винченцо Панталоне?

– Ну...да, в общих чертах...конечно...

– Правда? Поделитесь со мной, я столько слышал, но нигде не мог найти информацию о ней.

– Ну,...там говорится о том, что элиты ...вентили – лируют...

– Как это? Каков механизм вентиляции?

– Ээээ... не помню подробностей...

– Потому что их нет, не было никакого «великого политолога Панталоне», панталоны – это штаны такие...

– Мальчик! Не надо читать мне лекций, да ещё таким менторским тоном, я забыл больше, чем ты знаешь! Ты думаешь, что подловил меня на незнании? Да плевать мне на твои панталоны! Твой тухлый Союз развалился! Пришло наше время!

– Прошу прощения, а мы можем поговорить спокойно, без этих лозунгов? А то у меня такое ощущение, что вы на трибуне, а я, (вдохновившись вашими призывами) должен взбрыкнуть ногами, схватить гранату, и броситься под танк ради идей демократии.

– Все признают, что демократия – самый прогрессивный строй...

– Я не признаю!

– Ну, хорошо, все (кроме тебя) признают, что демократия...

– Стоп! Я уже всё понял. Давайте порассуждаем, что ждёт нас в ближайшие годы?

– Процветание! Экономический подъём!

– Откуда?

– Запад предоставит нам...

– Да – да, извините, забыл.

– Равенство в правах! Не совковая уравниловка со спецраспределителями, а реальное равноправие! Торжество общечеловеческих ценностей! Отмена таможенных пошлин и виз, свободное перемещение...

– Простите, что прерываю, есть такой принцип: готовься к худшему, и воспринимай лучшее как должное. Я вижу будущее так: люди близкие к власти сейчас будут жрать, чавкая, толкаясь, срыгивая друг на друга, будут рвать советское наследство на части, урча от жадности и проклиная дряхлый «совок». Когда первый голод будет утолён, часть из них (те, кто поумнее) уедут на Запад, остальные построят себе дворцы, обнесут их заборами, выставят охрану, и будут гадить в шёлковые «панталоне» при любых разговорах о пересмотре итогов приватизации, и пугать всех разговорами о неизбежности гражданской войны.

– Фу, как пошло, откуда такой извращённый взгляд на человеческую натуру?

– Оттуда. Творцы вашей «новой экономики» являются яр-

ко выраженными дегенератами, я использую этот термин в медицинском смысле.

– Аргументы?

– Их есть у меня. Аркадий Гайдар – радикальный революционер, ярый защитник советской власти, тамбовским крестьянам делал «дырка в голова», его сынок Тимур – умеренный консерватор, вице – адмирал, внучек Егор – радикальный либерал, демократ. Вот вам теория вырождения политической элиты в действии: от радикального революционера до яркого либерала. Вывод? К власти пришли ярко выраженные дегенераты!

– Не согласен! Гайдар – интеллектуал, и очень компетентный экономист, и вообще – зачем так огульно охаивать всех? Там разные люди...

– Очень разные, правда есть кое – что общее: все потомки сталинских палачей. Вот увидите, пройдет время, и они будут визжать, завывать и требовать от всего русского народа покаяния за те преступления, которые совершили их дедушки. Те, кто был наиболее обласкан злобной советской властью, будут гнусаво и картаво орать громче всех, расчёсывать до крови несуществующие язвы, и выставлять себя жертвами режима.

– Какой бред, фантастика!

– Проворовавшиеся демократы дискредетируют сам термин, сейчас на футболе кричат «судья – пидорас!», а будут кричать «судья – демократ!», это слово станет ругательным,

и демократами будут называть самых заскорузлых, скудоумных идиотов.

– Это какая – то ахинея! Что ты несёшь? Демократия – высшая ценность, и ...

– Посмотрим. Ваш кумир дорвётся до элитной водки, и будет смешить всю страну своими пьяными выходками, его окружение разворует всё, что можно и нельзя, и в обстановке хаоса к власти придёт тот, кто выдвинет лозунг пересмотра приватизации, демократов первой волны будут судить и расстреливать под аплодисменты народа, спецслужбы создадут отдел, сотрудники которого будут заниматься возвращением незаконно приобретённой собственности, в том числе и из – за границы...

– Это же...это гражданская война...

– Сегодняшний расстрел Белого дома – это гражданская война!

– Это ответ на агрессию коммуно – фашистов, этих выродков надо было раздавить!

– Я правильно понял: коммунисты – это запятнавшие себя кровью преступники, которые захватили государство, уничтожили миллионы людей, установили тиранию, и поэтому должны быть уничтожены?

– Несомненно! В точку! Ты сформулировал то, о чём я хотел сказать!

– Это не я. Это малоизвестный австрийский художник Адольф Гитлер, «Майн Кампф».

– А? Да? Ну, неважно, подумаешь...

– Ай– ай, демократы и Гитлер – близнецы – братья, кто больше матери – истории ценен, мы говорим демократы, подразумеваем...

– Опять наврал? Нет такой цитаты?

– Есть, к сожалению для вас...

– Откуда ты всё это знаешь?

– В университете учился...

– В каком?

– У нас в Союзе один университет.

– А как же ты в армии оказался?

– Это долгая, печальная история, нет времени рассказывать, я лучше закончу с предсказанием. Пройдёт несколько лет, и сторонники ваших взглядов превратятся в обычную секту, власть дистанцируется от вас, юродивых, ваши патологические бредни будут необходимы ей для того, чтобы продемонстрировать электорату альтернативу – вот какие скудоумные приматы могут прийти к власти, если вы не проголосуете за нас. Ну, и конечно для того, чтобы задурить мозги Западу – у нас плюрализм, понимаэшш! Даже пещерные антикоммунисты водятся! Мы – демократическое государство! Вам оставят пару телеканалов, и радиостанции, где вы сможете вволю покликушествовать, побиться в слюнявых истериках, напророчить грядущую гибель России, у этих каналов будет своя аудитория: присыпанные нафталином, всклокоченные шестидесятники с мятыми, серыми лицами,

безумные, с вытарашенными глазами антисталинисты, булькающие слюнями выпускники психиатрических клиник, послушницы монашеского ордена святой, непорочной Валерии, ну, и те, кто заразился демократическим недугом половым путём – экзальтированные бабёнки, чьи трусики набухают влагой при произнесении нескольких кодовых слов: права человека, плюрализм, невмешательство государства, и прочая галиматья для наивных лохов. Для достижения наиболее бурного оргазма, произносить эту чушь надо в определённой последовательности. Начинать надо мягко: монетаризм, монетаризм – чувствуете, как эндорфины неслышно проникают в мозг? Закройте глаза, повторяйте за мной: монетаризм, монетаризм – мягше, мягше! С французским прононсом – монь – е – таризьм! Теперь, когда мозг получил первую инъекцию гормона удовольствия, убыстряем темп фрикций – шо – ко – вая те – ра – пия! Те – ра – пия! Те – ра – пия! Быстрее! Ритмичнее! Пробирает? Ещё нет? Хорошо, тогда ударное воздействие – громко, гортанно, раскатисто – Гай – даррр! Гай – дарр! Гай – дарр! Воот! Уже лучше! Для того чтобы предотвратить преждевременную эякуляцию, остужаем пыл – Сталин! Берия! ГУЛАГ! Не надо так реалистично представлять, а то возникнут проблемы с эрекцией, наша задача – оттянуть момент наивысшего блаженства, а не отменить его совсем. Теперь, чувствуя некоторое приятное томление, негромко шепчем – ваучччер, ваучччер, Чччу-байсссс, айсс, согласно канонам тантрического секса, надо

чередовать удары: один глубокий – два поверхностных, поэтому! На счёт – раз – два – три делаем: Фэ – эР – эС! Фэ – глубокий удар! эР – лёгкий! эС – лёгкий! Фэ – эР – эС! Фэ – эР – эС!

– Что такое ФРС?

– Федеральная Резервная система. И ударная концовочка, для достижения крещендо – бак – сы! Бак – сы! Бак – Сы! Бак – сы! (Я совершаю ритмичные движения бёдрами в бешеном темпе, капитан смотрит на меня, открыв рот от изумления).

– Да ты...ты больной...как же я сразу не догадался...

– Здорово я, да? Ничего не могу с собой поделать, как только речь заходит о таком извращении, как демократия, я становлюсь неудержим.

– Знаешь, что...иди – ка ты мил человек на пост, сейчас ведь твоя смена?

27.

– Во, давай по этой вышке!

– Злобарь, я не могу, Мамчику попадёт за патроны...

– Хули ты ноешь? Это его проблема, не твоя, стреляй давай!

– Я не могу, я...а если он узнает?

– Тебе что, в жбан пробить что – ли? Стреляй сука!

Ефрейтор Кот – низкорослый, с рябеньким кругленьким личиком, в безжизненно отвисших на тощей заднице штанах, порывисто вскидывает карабин, и, не целясь, стреляет в сторону вышки, стоящей на периметре.

– Мимо. Целься лучше.

Вторая пуля пробивает окрашенную зелёным цветом боковину – вот! Так лучше! Теперь давай по прожектору... чего вылупился? Стреляй! Опять мимо, да ты чего, в глаза долбишься что – ли? Дай карабин!

Прожектор брызнул стеклянными осколками – Оооо! Ефрейтор Кот стал снайпером!

Пуля повторно пробивает прожектор – какая кучность! Ты просто ас! С такими способностями, и всего лишь ефрейтор? Да тебе давно пора кинуть две сопки на погон, дай высморкаюсь, подставляй плечико!

Он покорно подставляет левое плечо – ну ты дятел, ты правда ждёшь, что я высморкаюсь? Тряпка.

Я расстреливаю оставшиеся патроны – о, ствол горячий, на, держи, почистишь потом.

Демократически настроенный капитан подозрительно смотрит на меня – что за канонада? Кто стрелял? Я уже хотел помощь вызывать, думал, что вас там убили обоих, с грибков не отзваниваетесь, что за халатное несение службы? Чего молчите Злобарь?

– Соблюдаю субординацию, ефрейтор Кот старший по званию, с него и спрос.

– Ефрейтор, доложите, кто стрелял?

– Никто не стрелял, всё тихо.

– Почему не отзванивались?

– Связь не работает, вторую неделю связистов ждём, ни-

как не доедут.

– Да я лично бегал на периметр, и звонил сюда, в караулку, с первого грибка. Всё работает!

– Первые, может, и работают, а дальние – нет.

– Ладно, разберёмся.

Я завалился спать в сушилке, мне снилось, что я играю в футбол, в зале ожидания Ленинградского вокзала, мы гоняем мяч между рядами стульев, ворота сделаны из урн, в одной команде со мной играет жирный, раскормленный как хряк Рональдо, я раз за разом вывожу его пасом на свидание с вратарём, и каждый раз тупой боров не успевает замкнуть передачу, он просто не может бегать, пот льётся по выпуклым, тотально наетым щекам, его мучает одышка, в вытаращенных, налитых кровью глазах застыло жалобное выражение, как у загнанной скотины.

– Дебил бля! Шевели жирной задницей! Здесь тебе не серия А!

– Пор фаворе синьоре, скузи!

– Чего? Кого ты перед игрой пёр? В джакузи хочешь? Рано! Хотя бы один гол забей!

Рональдо подходит ближе, и наступает ярко – розовой бутсой мне на ногу.

– Ты чего, интурист тупорылый? Попутал?

Он отвечает на чистейшем русском языке – тебе пора на пост! Вставай! Твоя смена уже началась!

– Что? Пошёл ты! Каждый толстопузый мордovorот будет

мне указывать...

– Подъём рядовой! Встать!

– Да ты чего... Вгрызлось хочешь получить?

Я чувствую острую боль в ноге, и... просыпаюсь... я заснул на панцирной сетке натянутой над батареями сушилки, заснул прямо в шинели, пот льётся по моей шее, щекам, ощущение такое, будто я в парной. Я не поместился на сетке полностью, ноги выступали за кромку, капитан – демократ прижал мою правую ступню бедром, и продолжал долдонить с упорством дятла – подъём! Тебе пора на пост! Тебе пора на пост! Тебе пора на пост! Я подам рапорт о том, что ты специально опаздывал с выходом на пост, чтобы стоять меньше, чем молодые солдаты! Это отвратительно!

По возвращении в роту, я подошёл к Мамону – я на почту схожу, товарищ старший прапорщик?

– Эт зачем?

– Мама старенькая, я ей после каждого караула звоню.

– Иди.

– Алло, Ильяс! Привет брат!

– Здорово!

– Как дела?

– Не очень.

– Что такое?

– Дяди больше нет.

– О... он был там?

– Да.

– Соболезную...слушай, а как там моя посылка?

– Всё нормально, получена, бабки...

– Вот! Я насчёт денег, слушай, нам надо увидится, у меня есть мыслишка, как нам за твоего дядю отомстить и денежек заработать, подъезжай, захвати карту Московской области.

– Ладно. В следующую субботу.

– Счастливо.

Я возвращаюсь в роту в приподнятом настроении, дневальный показывает глазами на канцелярию – тебя Выдирайло искал.

– Разрешите войти, товарищ капитан?

– Заходи. Выдирайло встал и проорал – Дневальный, звони в первый караул, пусть пришлют караульного свободной смены и помощника начальника караула.

– Зачем звали, товарищ капитан?

– Возьми зубную щётку, мыло и полотенце, оставь ремень.

– ?!

– На губу пойдёшь.

– Это почему?

– Капитан Бредяев написал рапорт о том, что ты стрелял в него на периметре.

– Что? Этот пидор...

– Полегче с выражениями, ты об офицере говоришь. Подсумок сдал? Старшина патроны проверил? Все на месте?

– Все, и даже без наколов. Можете и карабин мой посмотреть, из него давно не стреляли.

– Ты же не идиот.

– Похоже идиот, раз на губу загремел.

– Бредяев пишет, что «рядовой Злобарь угрозами вынудил ефрейтора Кота» – сучий кот! «вынудил ефрейтора Кота похитить патроны у спящего рядового Мамчика, находившегося в отдыхающей смене, и произвёл в меня три выстрела с расстояния в пятьдесят метров» – ну, это уже оскорбление! Три выстрела, и ни разу не попал с пятидесяти метров! Вот гандон! Какой результат у тебя на последних стрельбах?

– 27 – восьмёрка, девятка и десять.

– О том и речь, переборщил Бредяев с фантазиями, что у вас с ним случилось?

– Да так, я когда – то близко знал его маму...

– Гха – ха – ха, ну ты гад! Дневальный! Где караульный? В общем, так, пишет он полный бред, и ефрейтор Кот всё отрицает, но! Пока не разберёмся, ты посидишь на губе, условия там хорошие, наши ребята создадут тебе уют, отдохнёшь, окрепнешь, а там и дембель не за горами – до нового года совсем чуть – чуть осталось, иди.

Гауптвахта оказалась небольшим одноэтажным сооружением, совмещённым со зданием первого караула: узкий коридор, ряд камер справа от входа, меня поместили в третью по счёту камеру, я был в ней первым и единственным сидельцем. Пол в камере был ниже уровня пола в коридоре, под потолком было небольшое оконце, с трудом пропускавшее свет, четыре стены, покрытые бетонной шубой, и пристёгну-

тые к стене нары – вот и весь антураж. Пошатавшись по камере полчаса, я стал скучать, выполнил несколько подходов приседаний, отжиманий, провёл пять раундов боя с тенью, снял афганку, и в этот момент дверь в камеру открылась. На пороге стоял радостно улыбающийся, незнакомый мне прапорщик.

– Привет.

– Привет.

– Не «привет», а здоровья желаю товарищ старший прапорщик!

– Не вижу у вас второй звезды на погонах, товарищ прапорщик.

– Со зрением проблемы? Это лечится. Фамилия, звание, за что помещён сюда?

– Рядовой Злобарь, за что помещен, не знаю.

– Не виноват?

– Так точно.

– За одну твою рожу, тебя следовало посадить давным – давно.

– На свою посмотри.

– Ах, ты, сявка неучёная! Ну, начнём уроки учить!

Дверь в камеру закрылась, пока я соображал – что это было, раздался скрежет поворачиваемого ключа, кто – то стоящий за дверью, плеснул на пол воды, и щедро посыпал получившуюся лужу хлоркой, в дверь заглянул улыбающийся прапорщик – с лёгким паром!

К горлу подкатила тошнота, из глаз брызнули слёзы, меня начал бить кашель, понимая, что будет дальше, я обмотал голову афганкой, и начал карабкаться по стене, в надежде вдохнуть воздух из оконца под потолком, попытка стоила мне двух сломанных с мясом ногтей, я отбежал в дальний отлучи угол, опустил голову между ног, и попытался дышать реже, стены камеры начали кружиться перед глазами, и наступила темнота...

– Ну? Очухался? Ещё хочешь? – радостно скалился прапор. – Бери тряпку, приводи свою камеру в порядок, будешь пасть открывать, я тебе устрою Бухенвальд, понял? Не слышу?

Я пытаюсь послать его, но меня вырвало чем – то зелёным, держащий мою голову у себя на коленях Кашей, брезгливо развёл руки, и я громко стукнулся затылком об пол.

– Заодно и коридор помоешь! Слушай сюда! Когда я открываю дверь в камеру, ты докладываешь – старший по камере рядовой Злобарь! За время моего дежурства происшествий не случилось! Ты понял? Не вздумай пожаловаться дежурному по части, а то я тебя здесь угандошу! Вопросы есть? Вопросов нет.

Прапор ушёл, мы остались вдвоём с Кашеем. Я пытаюсь встать, но получается у меня плохо, изо рта вырываются несвязные звуки, ощущение такое, будто у меня волчья пасть. Я с трудом сажусь, и делаю руками движения, повторяющие движения уборщицы, Кашей хмуро кивает – понял,

вытру.

Он моет пол в коридоре, убирает хлорную лужу в камере.

– Тебе не повезло, этот debil с нами в первый раз заступил, весь караул от него вешается, всё пытается делать по уставу – наглухо завёрнутый придурок, остальные начкары нормальные, а этот, похоже, башку застудил в детстве, придётся тебе потерпеть до следующей смены. В общем так. Скучно станет – стукнешь в дверь...

– Неэ...стучать – не моя фишка...

– А...ожил...заебись, в общем, маякнёшь часовому – он даст почитать, тут журналы есть, книжки какие – то, покурить, похавать, в общем – всё, чем богаты.

– Массаж шиацу в комплект входит?

– Смеюсь. Дело вот в чём, мы тебе поможем, чем сможем, но если тебя запалят: дежурный по части, начкар – кто угодно, выкручивайся сам. Заранее не пугайся, когда кто –нибудь придёт, неважно кто – мы позвоним часовому, он даст знать тебе. Лады?

– Угу. Спасибо, брателло.

Я заползаю в камеру, ложусь на пол, и проваливаюсь в сон.

– Встать! Встать! Часовой, почему арестованный спит в неположенное время? А?

Я пытаюсь разлепить глаза, голова такая тяжёлая, будто к ней привязана двухпудовая гиря, сухой язык царапает небо словно рашпиль, к горлу подкатывает тошнота, во рту устойчивый вкус хлорки.

– Представьтесь, товарищ солдат.

– Рядовой Злобарь.

– Причина ареста?

– Не знаю.

В двери камеры стоит майор с повязкой дежурного по части на рукаве – товарищ прапорщик (начальнику караула), за что арестован этот боец?

– Не могу знать, товарищ майор! Его привели под конвоем из роты охраны, мне не сообщили причину ареста!

– После смерти Мазепана в роте охраны полный бардак, у них взлётка провалилась прямо у входа, рядом с дневальным дыра в полу размером со слоновью жопу, доски дыбом стоят, как ирокез у панка, а старшина только глазами ворочает и усищи топорщит, ни хера не делает, при Бейвносе такого беспредела не было. Единственная рота в части была, где было хоть какое – то подобие дисциплины, а теперь... Закрывай камеру!

Утром принесли горячей каши, не успел я поесть, как дверь со скрежетом открылась – выходи на работу!

Выводящим был Бубер, чернявый, невысокий, закатанные на огромных, перевитых венами предплечьях рукава, открывали любопытному взгляду многочисленные татуировки.

– Очухался? – у Бубера был низкий, скрежещущий бас.

– Да, нормально.

– Во, смотри, видишь этих двоих из первой камеры?

– Угу.

– Мамон поймал позавчера, прятались у дороги, в посадке.

Впереди плелись два азиата, в длинных, до земли шинелях, натянутых на уши зимних шапках, вид у них был жалкий, как у пленных румын под Сталинградом.

– Приводят их сюда, они по – русски почти не говорят, объяснить из какой они части не могут, документов у них нет, один другому чего – то долго втирает по ихнему, тот подумал и отвечает – турма! Турма!

Бубер захохотал так громко, что азиаты от неожиданности присели – они думают, что здесь «турма»! Тупорылые индейцы, блядь!

– Губу охранять прикольно?

– Да. Я только вывожу, на работу, в сортир, на посту не стою. Вообще – веселуха. Вон видишь идёт татарин, вон тот – э! Морда, сюда смотри, я тебе говорю еблан!

Все, кто шёл впереди, обернулись на этот крик – тебе, урод!

На меня смотрел тот самый татарин, который так удачно срубил меня с ног в мою бытность в приёмнике, тот самый, с которым я хотел по квитаться.

– Видишь его?

– Ну, я его знаю, я думал он дембельнулся уже.

– Не, он в автороте порезал троих, сидит, ждёт отправки на зону, или на дизель, я хуй его знает. Ну вот, Панк от нече-

го делать подучил его, приходит дежурный по части, открывает камеру, этот урод представляется – рядовой Урюк...

– Чего, в натуре Урюк?

– Не тормози, я просто фамилию не помню, какой – то там ...уллин, Закидуллин, или Заглотнуллин, по херу короче! Так вот, дежурный спрашивает – за что арестован? Этот урод говорит – «за кровавый рэзня!».

– Дежурный говорит – кто тебя научил?

– «Мэня никто нэ учил! Я сам всэх порэззал!» – бгхаа – хаа! Прикинь! Но при этом борзый сука! В прошлую смену просится в сортир, я говорю – сорок пять секунд у тебя! Он не торопясь идёт к туалету, сморкается, расстёгивает штаны, короче, пока он на корточках присел, время вышло. Я говорю – иди в камеру, время вышло.

– А он?

– Послал меня.

– Ну?

– Ну? Урюк! Иди сюда!

Татарин недовольно разворачивается и неторопливо идёт к нам.

– Бегом!

Он подбегает к нам быстрой рысцой – рядовой За...

– Заткнись! Во, видел?

Бубер показывает на рот татарина, сначала я не понимаю, что он имеет в виду – улыбнись, сука!

Татарин растягивает рот в кривой ухмылке, и я вижу, что

уголки рта у него надорваны, а на щеках кровоподтёки, делающие его лицо похожим на клоунскую маску.

– Съебал отсюда, бегом! Я ему пальцы в рот засунул, и растянул шлем – маску, как на противогазе, потом вытащил обойму, загнал ему в пасть, тут – то из него гавно и пощёрло...

– В смысле?

– Обосрался. А вчера ночью пацаны будят его часа в три – вставай! Он такой – куда? Как куда? На расстрел! Вывели его во дворик, Болт зачитал приговор – именем российской федерации, рядовой Урюк приговаривается к расстрелу, за убийство... он стоит улыбается, Болт командует – целься! Огонь!

– И чё?

– Бабахнули так, что галки на заборе обосрались!

– Боевыми?

– Бля, ты чего – то быстро отупел, всего сутки на губе, а тормозишь так, будто полгода сидишь, конечно, холостыми, грохоту от них, мама моя родная! Урюк падает на землю, а Кусаров – из второго взвода пряник, знаешь его? Нет? Не важно, короче Кусаров подходит и контрольный в спину делает, патрон хоть и холостой, а по спине ебашит нормально, укатайка! Все ржали как подорванные...

– А чё татарин?

– Тёпленького по ноге пустил, ходит теперь в обоссанных и обосранных штанах, тебе повезло, что тебя не с ним в ка-

меру посадили, там вонищца как на параше. Стой! Пришли!

– Где это мы?

– Кладбище. Кто – то из офицеров ласты склеил, будете могилу копать.

28.

Днём, в камере было абсолютно нечем заняться, поэтому все сидельцы были рады любой работе, деды, черпаки – все, кому было «не положено» работать в обычных условиях, здесь готовы были выполнять самую грязную работу. Нас гоняли мыть огромные (метра три в диаметре) бочки из – под квашеной капусты, в то самое время, как я тёр её боковину грязной тряпкой, и мутные потоки стекали вниз, повар – сержант невозмутимо набирал капусту из бочки для того, чтобы выложить её на ужин. Мы убирали здоровенные кучи свиного дерьма на подсобке, красили бордюры, разгружали тяжеленные, скользкие свиные туши, убирали территорию военного городка, засранную её обитателями. Пленные азиаты перед каждым отбоем орали высокими голосами – губари, отбой! Скорей бы утро, и снова в пахоту!

Выходя из камеры на работу, я увидел пухлощёкого младшего сержанта, оживлённо махающего руками перед носом у азиатов – дезертиров. Поняв, что толку от разговора с ними не будет, он резко развернулся и направился ко мне – здорово!

– Привет.

– Меня Петей зовут, а ты...?

– Мохандас Карамчанд. Можно коротко – Великая душа.

–?! Прикалываешься надо мной? Слушай, тебе очки нужны?

– Какие очки?

– Фирменные, трэшерские, Джеймс Хэтфилд в таких выступал в Тушино, зелёный колор...

– Не пизди Петюня, я был на том концерте, не было у него очков...

– Во бля, наконец – то попался специалист! А то всё лохи какие – то! Эти два ишака из кишлака, я полчаса убил на них – спрашиваю: молитвенные коврики нужны, вы же мусульмане, намаз надо делать? У них во рту комки говна какого – то, бубнит что – то, ничего непонятно, чего – то такое, короче к херам меня послал.

– Может быть «харам»?

– Может и «харам», а я услышал «к херам», раз так, то я время на них тратить не буду, ну чего – полтинничек, не дорого для тебя?

– В смысле?

– За очёчки, родные, с автографом Хэтфилда!

– Зачем они мне? По губе рассекать?

– Понял, другое предложение, эксклюзивно для тебя, я вижу, ты разбираешься в теме, редчайший артефакт! Косуха, в которой умер Клифф Бёртон! Та самая, в которой он был одет в день, когда автобус Металлики перевернулся. Пятна крови, блевотина – всё аутентичное! Берёшь? Только для те-

бя, и только сегодня, отдам даром – всего две, две! Две тысячи рублей! Я понимаю твой восторг, тебе нужно время, чтобы осознать своё счастье, но жадный блеск твоих глаз говорит мне, что ты согласен! Только потому, что ты мне чрезвычайно симпатичен, готов дать тебе рассрочку – тысячу сегодня, остальные в течение недели, позже не могу, мне надо уезжать...

– Я тебя первый раз вижу, но ты мне уже нравишься, значит уезжаешь, да?

– Да. Через неделю.

– В отпуск?

– Да нет, насовсем.

– Прямо отсюда уезжаешь? На личном лимузине?

– Издеваешься? Я понимаю, ты мне не доверяешь...

– Конечно, доверяю, полностью! Сначала ты пытался втюхать мне очки кота Базилио, выдавая их за очки Хэтфилда, теперь облёванную косуху какого – то бомжа выдаёшь за куртку Бёртона – ты редкий... талант Петюня!

– Ладно, согласен, развод был дешёвый, я ж не знал, что ты специалист. Так и быть, хранил для себя, но раз такая ситуёвина... медиатор от гитары Кирка Хэммета, с отпечатком его зубов! С Тушинского концерта, стопроцентный эксклюзив!

– Петя, остановись, хватит. Ты меня просто ошеломил своим напором, и если бы не отсутствие денег, я бы купил у тебя всё, не потому, что оно мне нужно, а в благодарность

за твой талант продавца. Денег у меня нет, поэтому ты зря тратишь время.

– Вот же незадача...

– Слушай, а ты, правда, решил соскочить отсюда?

– С какой целью интересуешься? Просто так, или планы имеешь?

– Просто так.

– Аааа, просто так...

– Места в лимузине продаёшь? Или сдаёшь в аренду?

– Денег нет, нет продажи, извини.

Петя отвернулся от меня, и побежал догонять тех, кто ушёл вперёд, он быстро вытащил из строя невысокого бело-брысого ефрейтора, и начал что – то оживлённо ему объяснять, ожесточённо жестикулируя. Я показал на Петю, и спросил у выводящего – это кто? Выводящий (здоровенный парень из Казахстана) рассмеялся – это же Петя, ебонист из ГДО!

– Кто?

– Баянист, говорят, что он племянник этой...издалеекаа, дооолго, тичоооот риика Вооолга...

– Чё? В натуре?

– Говорят.

– За что сидит?

– Это целый боевик. Петюня нажрался, и пошёл куролесить по городку, продал баян какому – то кавказцу, а потом Петюне скрутило живот, он заходит в первую попавшуюся

дверь, вываливает гунявого, и начинает смачно, урча от удовольствия, ссать. А дверь эта была входом в отделение милиции. Восхищённые игривостью Петюни менты гонятся за ним, чтобы выразить своё уважение и восторг. Петя бежит к родному ГДО, там сторожем работает старый дед Василич, он ни хера не видит, и плохо слышит, но злющий как Мамон с похмелья. Петя кричит – Василич, за мной хулиганы гонятся, задержи их! Василич хватает газовый балончик, и устраивает ментам раз – пшик, два – пшик! А затем, добавляет по голове металлическим прутом. Итог: весь наличный состав милиции нашего городка в больнице, Петя на губе. Говорят, что его на следующей неделе везут в Москву, поэтому он устроил распродажу, пытается продать всё, что у него есть...

– Хитрожопый.

– Как все вы, москали...

– Слушай, я перетру вот с тем человечком?

– Запрещено, ты же знаешь.

– Цвай минут, быстро!

У забора стоял Ильяс, одетый в стильный синий костюм, он был похож на молодого, преуспевающего бизнесмена.

– Здорово брат!

– Здорово!

– Это что? У вас в детском садике прогулка такая, с вооружённым воспитателем?

– Да. Перед тихим часом. Затем плюшки с чаем, и спать.

Слушай, ровно через неделю Мерседес поедет в Кантемировскую дивизию...

– Какой мерседес?

– Паша – мерседес.

– А. Понял.

– На те деньги, которые мне причитаются от второй посылки, надо достать РПГ, лучше двадцать седьмой, и выстрелы к ним, сможешь?

– Постараюсь.

– Ещё нужны люди, человек десять – пятнадцать, машины, штук пять, рации, и железо, тяжёлое... а! Еще специалист по взрывному делу, есть у тебя такой?

– Ты войну затеял?

– Да нет, так пошуметь немножко... ты карту привёз?

– На. Ильяс просунул мне карту через прутья забора, выводящий отвернулся, и я спрятал её под афганку

– Хорошо. Через три дня пришли человека, пусть заберёт карту.

– Ладно, привет.

– Привет.

Я вернулся к арестантам, и тут же был награждён лопатой – копай давай, нечего шарить!...

На следующее утро Петя сразу же взял меня в разработку, схватив мою руку, он горячей скороговоркой шептал мне прямо в ухо – землячок, только для тебя, как для ветерана эротического фронта...

– Ветерана? Хорошо, что инвалидом не назвал...

– Не цепляйся к словам... товар эксклюзивный, французский эротический журнал «Дип Блю», последний экземпляр, быстро разбирают, тебе со скидкой, всего за двести пятьдесят отдам, решайся быстрее, а то у меня есть другие претенденты, ну? Согласен?

– Чего за название такое? Дип Блю? Это случаем не пидорский журнал? Петя, ты чего мне пытаешься продать? Красочные фотографии мужских членов в натуральную величину? Ты сам этот журнал читал?

– Зёма, не тяни резину, я вижу заинтересованность с твоей стороны, слышу твоё тяжёлое похотливое дыхание, так хватит этих тупых возражений, какая разница – чьи там фотографии? Надо быть гибче, терпимее, и потом – почему ты уверен, что ты не из этих? Ты что, никогда не смотрел на мужиков в бане, и не думал об этом? Только честно? А? Чего молчишь?

– Нет.

– Чего «нет»?

– Нет, не думал.

– Бля, ну ладно, ты какой – то непробиваемый, ты – единственный, кто у меня ничего не купил. Чего бы тебе предложить? «Юпи» уважаешь? Чего смотришь? «Юпи» – присыпка разноцветная, её с водой бодяжат, получается сладенькая водичка, возьмёшь? У меня целая коробочка осталась. А?

– Петя, а ты можешь мне армейскую взрывчатку достать,

гексоген, или чего – nibудь в этом роде?

– Я всё могу, а тебе зачем? Соскочить отсюда хочешь?

– Ага, угадал.

– Гонишь, ведь гонишь сука! Я же чувствую, что ты издеваешься!

Петя брезгливо вырвал свою руку, и стремительно побежал вперёд.

– Петро! Не уходи! Не бросай меня! А как же деньги?

Выводящий остановил меня – ты не идёшь.

– Почему?

– Приказано тебя оставить здесь. Вернись в камеру.

Я не успел сделать и двух подходов отжиманий, как дверь в камеру открылась – выходи! Меня завели в караульное помещение, в бодрствующей смене меня поджидал осунувшийся, похудевший Дерibas.

– Здравствуй Злобарь!

– Здравсте.

– Я долго думал, что в моих размышлениях не так? Что – то не сходится. Вроде бы ты причастен ко всем смертям, произошедшим в последнее время, но прямых доказательств твоей вины нет. И при этом, ты ведёшь себя так нагло, будто ты невиновен, или тебе известно что – то такое, что неизвестно остальным. Я навёл о тебе справки, и выяснил, что ты – непростой сучий потрох. Кем тебе приходится полковник семьдесят пятой части Банько? Его не Евгений зовут, случаем? Очень удачно было бы – Е Банько! А?

– Тупая шутка, не ожидал от вас.

– Что? Правда? Не ожидал? Ну, так кто он тебе?

– Никто.

– Этот «никто» каждый день звонит полковнику Дуровцу, и интересуется – как тебе сидится? Когда тебя освободят? Удивительное любопытство, тебе не кажется?

– Нет. Как вы говорите его фамилия? Надо запомнить, поблагодарить за заботу после дембеля.

Дерибас громко расхохотался – после дембеля? Ты всерьёз считаешь дембельнуться? Ты отсюда прямиком в дисбат поедешь, а может быть и в зону, это уж как повезёт. На тебе висят три трупа, плюс покушение на жизнь офицера при исполнении, и при таком раскладе ты считаешь уволиться в запас?

– Да, и выйду через первый КПП, а...нет.

– Дошло?

– Угу. Я отсюда выеду на машине, с вами в качестве шофёра.

– Да ты оптимист! Бездёжный! Полный неадекват! Значит, разрешишь мне порулить машинкой, везущей тебя на дембель? Ахаа – ха – хаа! Давненько я так не смеялся!

– Заметно. Вы вообще плохо выглядите, какие – то проблемы дома?

– Чччто? Что ты знаешь о моих проблемах?

– Ничего. Просто предположил.

– Закрыли тему. Идём дальше. В твоём личном деле ска-

зано, что твой отец – инженер в Росагропром...пуксконаладке, вот же название, какой идиот придумал... так вот, я навёл справки, инженера с такими данными в этой спукско...насадке...в общем, такого человека там нет, и никогда не было. Кто твой отец? Каким образом ты, наглая москальская рожа, оказался в подмосковной воинской части? Молчишь? Вот причина твоей наглости, ты – оборзевший от безнаказанности мажор, ты думаешь, что тебе всё можно? Я докажу тебе, что ты ошибаешься. Будешь сидеть, также как и все.

– Это вряд ли.

– Помечтай. Богатый папаша тебе не поможет, так и знай.

– Я прошу прощения, для чего я здесь? Выслушивать ваши угрозы мне малость надоело, может быть, у вас есть что –нибудь по существу?

– Кхгм. Действительно, я отвлёкся. Итак, я проанализировал обстоятельства гибели Филимонова, Тетери, случай с Вафиным, и пришёл к выводу, что заблуждался. Я исходил из предположения о том, что ты действовал в одиночку, но это предположение было ошибочным, каждый раз (за исключением Пакуши, его ты убил сам), рядом с тобой был ещё один человек, смекаешь, о ком я говорю?

– ?!

– Я говорю о несчастном Мамчике, которого ты запугал своими угрозами, и сделал соучастником своих преступлений. Он боялся твоей мести и молчал, но сейчас, когда ты оказался на гауптвахте, рядовой Мамчик встал на путь ис-

правления, дал против тебя показания – вот они! Целое дело, твоё дело, это твой приговор, сука ты хитрожопая!

Настала моя очередь смеяться, я хохочу долго, наслаждаюсь недоумённым выражением лица Дерибаса.

– Ой, рассмешил, укатайка, как там ты сказал – «несчастный Мамчик», умора!

– Опять бредишь, он дал показания, и всё встало на свои места, все тёмные пятна твоей истории побледнели и прояснились...

– Красиво говорите...

– Издеваешься? Ну – ну.

– Что же рассказал вам «несчастный Мамчик»?

– Нет, так не получится, я хочу устроить между вами соревнование – кто из вас больше напоёт про другого, рассказывай!

– Нечего рассказывать, вы не поверите, но моя совесть чиста, я – не убийца, я хорошо сплю по ночам, я – не виноват.

– Я так и думал, в следующий раз я устрою вам перекрёстный допрос.

– Отлично!

– Ладно, ты уверен, что не хочешь мне ничего рассказать? Точно? Тогда на сегодня всё. В камеру его! Да, если передумаешь, и захочешь сообщить что – то, обратись к начальнику караула, он свяжется со мной.

29.

– Мульттики любишь?

– С какой целью интересуешься? Хочешь стать моей Белоснежкой?

– Часики с Микки – Маусом хочешь? Родные, прямо из Диснейленда!

– Нет Петро, спасибо, не надо.

– Ну ладно, тогда я сваливаю, бывай Злобарь!

– Давай Петя, пока, слушай можно тебя спросить, давно хочу...

– О чём?

– Это правда что ты... внук или племянник... этой...

Петины толстые щёки подтянулись вверх на невидимых ниточках, глаза превратились в щёлочки, в этот момент он стал похож на сытого, лучащегося самодовольством хомяка.

– Нет брателло, всё ещё хуже. Намного хуже...

Петя выписывает пухлой рукой изящную фигуру, и величаво удаляется по коридору в сопровождении выводящего. Я спрашиваю у часового – куда его?

– В Москву.

– Зачем?

– Никто не знает. Слухи разные ходят.

– Чего нового в роте?

– Мамон гоняет всю роту, жопа в мыле, завтра Грачёв должен в кантемировку приехать, командование части трясётся от страха – вдруг к нам завернёт? На хуй мы ему нужны, тут километров пятьдесят ехать, так нет, снег должен быть белым и квадратным, дороги чистят с утра до вечера, в спаль-

нике все железки, ну знаешь те, которыми двери обиты? Все отдраили, взлётку чуть до дыр не продрали, даже дыру у тумбочки заделали, короче, сейчас лучше в карауле стоять, чем в роте быть. Ладно, ты извини, мне тебя надо закрыть, сам понимаешь – служба.

На следующее утро я окликнул часового – передай начкару, что я хочу говорить с Дерибасом.

– Решил признаться?

– Ага, надоело сидеть.

– Сегодня в части запарка, Дерибас может и не прийти.

– Придёт.

В половине третьего дверь в камеру открылась – прошу, вас ждут!

Я зашёл в караулку, и не смог сдержать улыбку – таких совпадений не бывает! В начкаровской за пультом, сидел тот самый капитан Бредяев, который обвинил меня в покушении. В бодрствующей смене нервно расхаживал Дерибас, за столом, уставившись остановившимся взглядом в стену, сидел Мамчик. Я подошёл к нему и протянул руку для приветствия – бедный, бедный, «несчастный Мамчик»!

Мамчик приоткрыл рот – отставить! Давайте ещё целоваться здесь! – Дерибас не одобрил моего порыва.

– Сегодня мы всё выясним, всё узнаем. Итак. Начнём с обстоятельств гибели рядового Филимонова. Мамчик, расскажи, как всё произошло.

– Ну, ... это ... я стоял у заднего бортика, и подавал брёвна,

а он ...Злобарь значит, толкнул бревно в голову Фили, вот и... всё.

– Что скажешь Злобарь? Вывели мы тебя на чистую воду? А? Нечем крыть? Давай дальше...

– Не спешите, вы же умный человек, знаете физику, а верите всяким сказкам. Итак. Мы подаём брёвна, у самого бортика стоял я, за мной Тетеря, в конце Мамчик. Вопрос: кто придаёт бревну ускорение: тот, кто стоит с краю (то есть я) или тот, кто стоит в конце (Мамчик)? Я всего лишь сопровождаю бревно, оно проходит через мои руки, но направляет его движение тот, кто держится за его конец, то есть Мамчик. Масса в движении, я ничего изменить не могу, это как снаряд, движущийся по направляющим, «Катюша», так вот, Мамчик – двигатель, а я – всего лишь рельса, направляющая.

– Врёшь гад, это ты его убил!

– А зачем мне это? Он тебя ушибал, не меня, напомнить тебе?

Дерибас сиял от счастья – девочки не ссорьтесь, пойдём дальше. Смерть Тетери. Мамчик, тебе слово.

– Этот пид...

– Без выражений.

– Он обвинил нас с Тетерей, ... что мы... эти... стукачи. Тетеря не стукач, я это точно знаю...

– Потому что ты сам – стукач, тебе ли не знать!

– Я никогда не стучал! Я не дятел!

– А что ты делаешь сейчас, милый «несчастный Мам-

чик»? Как это называется?

– Спасая свою жизнь!

– Не отвлекайся Мамчик! Ближе к телу!

– Он нас обвинил, но доказать не смог, и поэтому... убил Тетерю.

Я рассмеялся – блестяще! Логика, форма, изложение – всё на высоте! Можно вопросик задать? Назови фамилию дежурного по роте в ночь смерти Тетери?

– Я дежурил.

– Я правильно понял – я убил Тетерю на глазах у тебя и дневального, а вы спокойно за этим наблюдали?

– Мы спали, а ты его убил, и притащил в сушилку.

– Ты это видел?

– Нет.

– А почему думаешь на меня?

– А на кого ещё?

– Железная логика. На самом деле всё было так. Я рассказал Мамчику и Тетере кое о чём, наутро это информация стала известна ротному, я решил с ними поговорить, Тетеря был не такой человек, чтобы стучать, детдомовец, для него это было западло, а вот Мамчик сразу обвинил во всём Тетерю, а утром сиял, как начищенный пятак, так его обрадовала смерть друга. Учитывая, что Мамчик дежурил по роте в ту ночь, у него было полно возможностей для того, чтобы убить бедного Тетерьку.

– Брехня. Докажи!

– Ты же знаешь, что Тетеря не повесился, его задушили в каптёрке.

– В какой каптёрке, в постели!

– Гм, ты осведомлён лучше меня. Откуда знаешь, что в постели?

– Я... не знаю... я так думаю.

– Как думаешь, почему я не стал выяснять – кто из вас двоих стукач?

– Не знаю.

– Я это знал. Мы с Тетерей давно подозревали, что ты сука, и придумали эту наживку вдвоём. Мне его смерть была не нужна, его убил тот, кто боялся, что Тетеря расскажет правду.

Мамчик побледнел, его глаза перебегали с меня на Дерибаса – врешь пидорас! Ты это сейчас придумал! Гнида!

– Как там насчёт Пиночета? Вся рота видела, что я спал перед караулом в то время, когда он выпал, ты был свободным, и пришёл ко мне сияя – Пиночет всё!

– Враньё! Враньё! Враньё! Всё враньё, от первого слова до последнего!

Дерибас удовлетворённо улыбнулся – рядовой Мамчик, я арестовываю вас по подозрению в убийстве рядового Филимонова, Тетери, и покушению на убийство рядового Вафина.

– А я ему верю! – в разговор вступил начкар – этому фашисту – он указал на меня – доверять нельзя. Это такой смрадный гад, ненавидит нашего президента, демократию,

общечеловеческие ценности...

– Поэтому вы и написали на меня кляузу, обвинив в том, чего не было? Типичный подход стукача, прошу прощения – демократа!

– За что ты ненавидишь чистых и благородных людей? Почему ты презираешь великие идеи, выстраданные поколениями борцов за свободу?

– У меня с вашей властью эстетические расхождения, они хотят строить капитализм, ублюдочный строй торгашей и вору, мне это неинтересно. Достаточно посмотреть на рожи ваших кумиров, на них печать вырождения: один – тупой деревенский алкаш, другой псевдо экономист – дегенерат, видел бы его дедушка, кончил бы собственными руками. Ничего у них не получится. Разрушат всё, в том числе и армию, и вы же офицеры, будете стреляться, и вешаться, от тоски и безысходности, помяните моё слово. Армию он не любит, и боится, он же штафирка, сейчас после октябрьских событий, армия в фаворе, но это ненадолго. Наша задача – изменить его симпатии в сторону спецслужб, вояки могут идти...

– Чья это «наша» задача?

Я быстро вскакиваю со стула, разрываю дистанцию, и правой рукой бью начкара в лицо, доворачивая корпус, вкладывая в удар всю, накопленную за время сидения на губе злость. Он валится на спину, я открываю его кобуру и вытаскиваю ПМ. Дерibas смотрит на меня, открыв рот.

– Мамчик! Быстро! Бери скотч! Вяжи руки этому ... демо-

кратически настроенному пидору. Крепче! Сделай пять шагов назад!

Я пробую крепость скотча – теперь ноги! Быстрее!

– Чего орёшь? Тебе слабо выстрелить!

Я снимаю ПМ с предохранителя, мягко жму на курок, звук выстрела неожиданно громкий, сильно бьёт по ушам. Мамчик растерянно смотрит на меня, затем валится на пол, зажимая ладонью рану на бедре.

– Ты меня убил! Здесь же артерия! Я кровью истеку! Вези меня в госпиталь! Мама! Ааааа!

Из отдыхающей выбегает заспанный ефрейтор – чего случилось? Что за грохот?

Я бью его пистолетом по голове, несильно, чтобы проснулся.

– Ты! Заклей пасть этому...Мамчику!

Ефрейтора начинает трясти, он не может отклеить кончик скотча, я даю ему пощёчину – соберись, тряпка!

Он старательно залепляет стонущему Мамчику глаза.

– Стой. Мамчик, зачем ты это сделал?

– Что? Бляааа, больно...

– Зачем убил Филю, Тетерю, Пиночета?

– Я...меня...обидели...

– Обидели. Всех ебли, тебя не видели...Вяжи его!

Старательный ефрейтор залепляет Мамчику не только глаза, но и рот.

– Хорошо. Теперь руки. Сделал? Иди сюда, повернись

спиной.

Он послушно поворачивается, я бью его ещё раз, на этот раз, вкладываясь в удар. С первого удара вырубить его не получается, из раны на его голове хлещет кровь, приходится добавить несколько раз, помещение становится похоже на мясные ряды. Я пячусь назад, держу Дерибаса на прицеле, левой рукой нащупываю телефонный шнур, и обрываю его.

– Капитан, капитан, улыбнитесь, ведь улыбка это флаг корабля, капитан, капитан...ты меня слышишь? Это тебе на память, стукач ебаный!

Я стреляю лежащему на полу начкару в колено – наверное, больно? Да? Ничего, будет время подумать, на больничной койке. Дерибас, иди сюда. Сейчас мы с тобой идём в парк, берём машину, и уезжаем. Дёрнешься – убью!

– Чч-то ты делаешь? Ты же себе срок только что поднял...Мы же выяснили, что ты невиновен в убийствах, Мамчик всё признает, я...я его заставлю...у меня опыт...ему не отвертеться...тебе же на дембель скоро,...что ты творишь?

– Ты не поймёшь. Пошли.

Мы выходим из караулки, на дороге никого нет, как обычно после обеда, часть опустела. Быстрым шагом доходим до открытых ворот автопарка. Недалеко от входа стоит УАЗик с открытыми дверями.

– Садись за руль, я рядом.

– Э!эээээээ! Куда? Выходи из машины! – к нам бежит чумазый сержант – вы кто такие? Кто разрешил?

– Рот закрой! – я показываю ему ПМ – на землю! Быстро!
Считай до ста, медленно, будешь стараться, останешься жив.
Давай!

– Один, два, три...

– Медленнее!

– Одииин! Двааа!

– Поехали!

Меньше чем за минуту мы доезжаем до первого КПП, никого из комендантов в поле зрения нет, КПП выглядит необитаемым, я толкаю Дерибаса в бок стволом пистолета – посигналь!

– Звуковые сигналы запрещены...

– Приди в сознание, граммофончик. Сигналь!

Дерибас послушно сигналил, минуты через полторы, неспешно, с чувством собственного достоинства, на крыльцо выходит сержант Третьяк, расстёгнутое пш услаждает любопытный взор рыжей шерстью, густо растущей на пухлой груди, бляха ремня привольно болталась в районе яиц героя.

– Шевелись, сука тупая!

Третьяк обалдело открывает рот – чтооо?

– В уши долбишься? Шевели жирной жопой!

Третьяк раздражённо открывает правую створку ворот, мы выезжаем из части, не дожидаясь, пока он откроет левую.

– Чего дальше будешь делать, герой?

– Езжай прямо, я скажу, когда повернуть.

– Ты понимаешь, что ты натворил? Минут через пять, обо

всём случившемся доложат командованию части, они позволят в милицию и ГАИ, те перекроют дороги, к вечеру тебя поймают, только на этот раз тебя поместят не на губу, где тебя охраняли твои дружки, и где тебе устроили курорт, а в тюрьму, к матёрым зека, которые обожают таких свежих мальчиков с упругими розовыми попками...

– Чувствуется глубокое знание темы, смачно вы про почки рассказываете...

– Хватит паясничать, поехали обратно в часть, я поговорю с Дуровцом, зачтём тебе явку с повинной...

– Да – да, я покаюсь, признаю вину, буду сотрудничать со следствием, отсижу, и встану на путь исправления «на свободу с чистой совестью» лет через десять выйду на свободу, и буду честно работать на заводе... капитан, у меня что, на лбу написано «лох»? В карауле все лежат спелёнутые, связь я им отрубил, пока из парка дойдёт новость об угоне машины, пока они найдут кого –нибудь вменяемого, время – то обеденное, всё командование дома... Тебе ли не знать, как работает система? Капитан, ты меня держишь за дурака, напрасно, напрасно... Здесь поворачивай, мы уже почти приехали... давай в сторону Алабино...

В этот момент меня начало трясти, адреналин, вольготно игравший в моей крови, перестал выделяться в необходимом количестве, и я почувствовал тошноту, пот пропитал гимнастёрку, рука с пистолетом стала трястись. Дерibas уловил перемену, и сгруппировался, готовясь действовать.

– Останови!

– Что? Заколдобило тебя? Первый раз стрелял в человека?

– Тормози, я говорю!

Дерибас останавливает машину, я стреляю поверх его головы, пуля пробивает брезентовый верх, горячим после выстрела стволом я давлю ему на шею – даже не думай, сука! У меня ещё пять патронов, я не промахнусь, ... рули давай! Нам нужен парк, в Алабино есть парк, нам туда.

Дерибас побледнел, зло сжал губы, и вёл машину, недобро косясь в мою сторону, и периодически потирая рукой шею в том месте, где Макаров оставил свой поцелуй. Мы недолго поплутали в Парковых и лесных улицах, прежде чем нашли нужный парк. Недалеко от входа припарковались три чёрных, мощных автомобиля. От первого неторопливо отделилась стройная фигура Ильяса, он сменил костюм на камуфляж, но даже в нём, он выглядел стильно.

– Эййеее, братуха! Как дела? О, да ты с пленным! Зурик! Оформи дядю!

– Нет, ещё рано, он понадобится живым.

– Ммм, жаль, ну ладно, чего мы делаем?

– Ты карту получил?

– Да, но понял не всё, твои каракули не разберёшь, я со школы помню, у тебя всегда по – русскому тройка была...

– Зато у тебя всегда была «пятёрка», поэтому я в армии, а ты...

– Я теперь тоже – он игриво повёл камуфлированными плечами.

– Давай карту, будем посмотреть!

– Зурик! Неси карту!

Из второй машины вылез здоровенный, приземистый, похожий на обитателя адлерского обезьяньего питомника Зурик. Он неспешно приблизился, помахивая здоровенными волосатыми ручищами, подойдя ближе, он плотоядно улыбнулся, отдал Ильясу карту, и вернулся к машине.

– Бррр, бля, это кто? Улыбка как у людоеда, у меня аж внутри чего – то заурчало.

– Это Зураб, мой внучатый племянник, добрейшей души человек...

– Чем занимается? Носочки вяжет, и переводит старушек через дорогу? Творит добро?

– Ну что ты, он работал в НИИ, теперь безработный, я же не мог его бросить, пригрел, всё – таки родственник...

– Ладно, к делу. Мерседес поедет из Москвы по Киевскому шоссе, дорога широкая, на ней у нас мало шансов, нам надо оттеснить его вот сюда, на московское малое кольцо, направить его в объезд, смекаешь?

– Зачем?

– Здесь дорога уже, нам будет легче...охотиться.

– Как мы это сделаем?

– Для этого нам и нужен бравый капитан. Ты привёз ми-
нёра?

– Да.

– Мы сейчас с тобой и капитаном прокатимся куда – ни-
будь, где можно пожрать, я шашлычка бы навернул с огром-
ным удовольствием, а минёр пускай поработает над УАЗи-
ком.

– А этот хуй согласится сесть в заряженную машину?

– А кто ему скажет, что она заряженная?

– Ну, ты змей!

– Мы делаем на Киевском шоссе большой бах, с таким
расчётом, чтобы Мерседес поехал в сторону Голицыно...

– А если он повернёт в сторону Подольска?

– Вряд ли, но на всякий случай, придётся поставить груп-
пу и на том направлении, людей хватит?

– Должно хватить.

– Вот здесь, недалеко от Алабино, мы перегордим доро-
гу, достали грейдер?

– Пришлось постараться.

– Усекаешь, почему засада будет здесь?

– Удобные пути отхода, в разные стороны...

– Да, уходим двумя группами, одна на Алабино, другая на
Юшково, сменные тачки, одежда – всё готово?

– Сопли в рот, баранки в чай! Как делать будем?

– Как в афгане, сжигаем первую и последнюю машину,
шоссе двухполосное, на встречу им не выскочить...

– У них тачки бронированные...

– РПГ пробьёт, двадцать седьмому это не помеха, первы-

ми будут менты ехать, у них брони нет.

– Ты, правда, рассчитываешь завалить пернатого?

– Да нет, шансов мало, но напугать, и пошизить, мы точно сможем, видеокамеру взял?

– Зачем?

– Как зачем, твой человечек всё снимет, будет видеоотчёт, наше портфолио, я знаю людей, которые за такое отвалют бааальшие, бааааальшущие бабки! Если всё будет так, как задумали, новые заказы, а с ними ещё больше бабок, нам обеспечены.

– Это так глупо, что может получиться.

– Всё, поехали хавать, и дай мне какую – нибудь нормальную одежду, с сегодняшнего дня я – гражданский, не могу больше видеть эту армейскую парашу.

30.

– Вы чего задумали, сопляки? Думаете, у вас получится? Вон в Москве были люди покруче вас, и ничего не получилось, трупов навалили, а толку?

– Они допустили ошибку.

– Это какую же?

– Классиков надо изучать. «Оборона – это смерть восстания!» Чьи это слова?

– Маркса? Или Энгельса? Неважно. Вас же разорвут, там профессионалы, а вы любители, вас перестреляют как уток, и ради чего? Ну, понятно, ты – Дерibas ткнул указательным пальцем в мою сторону – конченный отморозок, обор-

зевший от безнаказанности мажор (Ильяс радостно загоготал – мажор! Из хрущёвки!) – а тебе это зачем? Ты молод, умён, богат, чего тебе надо? Зачем так глупо рисковать? Вы хотите победить государство? Это же машина! Это утопия! У вас ничего не выйдет! Откажитесь от своих планов, пока не поздно! Победить не удастся! У них техника, связь, ресурсы, а что у вас? Вам крышка!

– Идея тогда становится материальной силой, когда овладевает массами! Наступает эпоха новой, старой идеи. Правильно говоришь Дерибас – у них техника, связь, ресурсы, а ещё бардак и бюрократия. Я сбежал из воинской части с оружием в руках, и ещё взял тебя барана, в заложники. Мы сидим в этом кафе часа полтора, проехали через несколько милицейских постов – никто нас не остановил, и не задержал, а если попробуют, я дам денег, и ...счастливого пути, товарищ рядовой!

– Какая ещё «новая старая идея»?

– «Мы во всеуслышание отрицаем практику террора в Европе» – говорили наивные эсеры в начале века. А мы эту практику поощряем, и будем развивать. Буржуазное государство слабо. У власти торгаши, а они – ссыкуны по своей природе. Ты правильно сказал – глупо пытаться победить армию, мы и не пытаемся, мы пойдём другим путём. Представь себе: тёплый осенний день, выходной, тысячи москвичей едут с детьми на ВДНХ, карусели, мороженое, фонтаны, вторая половина дня – бум! Взрыв на станции метро ВДНХ!

К станции подъезжают машины скорой помощи, пожарные, менты, выносят раненых – бум! Второй взрыв! В толпе любопытной ботвы, которая обязательно соберётся поглазеть на раненых и убитых, как это было у Белого дома в октябре. Мясо, кровища, паника. В это же самое время – взрыв в Сокольниках! На Юго – Западной! В Выхино! Что тогда начнётся в нашей любимой столице? Не поможет армия, когда враг невидим, она бессильна!

– Ты...ты...детей, невинных, незащитных...урод, ты же сам из Москвы...

– Да не в Москве дело, это я для примера, представь Париж, Прагу, Варшаву – любой европейский город, буржуины расслабились, они не готовы к подобному, пара – тройка терактов, и они будут вымаливать пощаду, большие города незащитны, есть система коммуникаций, водоснабжение – рвануть может где угодно, ментов не хватит, чтобы всё контролировать. Террор – это скальпель, с помощью которого можно вскрыть любую систему обороны. А насчёт невинных, это ты тем Расскажи, кого на стадионе «Красная пресня» расстреляли в октябре, вон дядю его, например. Невинных нет.

– Вас надо уничтожать, как бешеных тварей, пока вы...

– Стоп, стоп – какой пафос, капитан – к чему эти эмоции?

– К тому! Ни хера у вас не получится! Нормальных людей больше, вы не сможете без поддержки, это первый закон борьбы с любыми партизанами – лишить их поддержки!

– У «нормальных людей» перед глазами то, что вы сделали со страной, они вас ненавидят, и будут аплодировать вашей долгой, мучительной смерти...

– А если не будут? Если не станут вам помогать?

– Станут. На этот случай у них есть жёны и дети. Ильяс – телефон!

– Ибрагим! Трубу!

Коренастый Ибрагим передаёт Дерibasу трубку, тот недоумённо смотрит, прикладывает к уху – я напряжённо вглядываюсь в его лицо, в трубке слышен высокий женский голос, срывающийся на плач. Лицо Дерibasа побледнело, вытянулось и как – то обвисло, на нём мгновенно проступили рытвины, оспины, поры, невидимые ранее – Света! Ты жива! Золотце моё! Я сходил с ума, мы...мы с мамой думали, что тебя убили,...что...где ты? Я приеду за тобой! Света!

– Ибрагим!

Ибрагим протягивает руку, Дерibas отталкивает его, и пытается отвернуться к стене, не выпуская телефона из рук.

– Ибрагим!

Ибрагим наносит быструю серию ударов по корпусу, и вырывает телефон из руки Дерibasа. Проходящая мимо официантка недоумённо смотрит на нас, Ильяс упруго встаёт, обнимает её за талию, и уводит в сторону, до меня доносится его мурлыкающий голос – ...друг...выпил,...хулиганит...надо было успокоить...вот вам за моральный ущерб...

Он возвращается лёгкой, танцевальной походкой – шлю-

ха! Но такая сладкая! Ухх, бля!

Дерибас хрипит, и смотрит на меня с ненавистью – где она? Где моя дочь? Говори! Говори урод!

– Тшшш, спокойнее, товарищ капитан, а то Ибрагим продолжит сеанс массажа.

– Где она?

– В каком – нибудь турецком борделе, прямо сейчас, какой – нибудь жирный, потный турок, колыхая складчатым пузом, загоняет в неё свой огромный чёрный член! Ями! Мумс – мумс! Дас ист фантастиш!

Ильяс хохочет, плечи Дерибаса начинают содрогаться.

– Тю! Ты шо? Плакаешь? Не к лицу это такому бравому вояке, как ты.

– Ублюдок...если бы я только знал,...а Соня? Соня Жёлудь – это тоже ты?

– А як же ж! Це мы...

Хоть я и ожидал этого, но момент броска всё равно прозевал, Дерибас прыгнул вперёд, зажав вилку в вытянутой правой руке, выцеливая моё горло, если бы не бдительный Ибрагим, срубивший его правым крюком, быть бы мне покойником.

– Слушай сюда, капитан, я имею тебе сказать кое – что очень важное. Ты меня слышишь? А?

– Да.

– Ты хочешь увидеть свою дочечку?

– Хочу.

- Тогда тебе придётся кое – что сделать для меня, перейдём к бартеру, ты мне – я тебе. Так устроена демократия?
- Что я должен делать?
- Сядешь в тот самый УАЗик, на котором мы приехали, и устроишь ДТП на шоссе. После этого, я тебя больше не держу, можешь валить.
- А Света?
- Если всё пройдёт так, как задумано, послезавтра она вернётся домой.
- Как я могу тебе верить?
- Как хочешь, хочешь – верь, хочешь не верь, а часики – то тикают – Яа! Яа! Фик мих! Дас ист фантастиш! Ну?
- Сука, как ты можешь такое творить, ты человек или нет? Ведь у тебя тоже есть родители, что же ты играешь человеческими жизнями, ведь ты же моей дочери... мне... всей моей семье ...ты нашу жизнь подрубил под корень... тебе самому не страшно?
- Вай! Баюс! Баюс! Злой Дэрибасса мэня накажиит!
- Не паясничай, лучше скажи – за что ты так со мной? Это что – то личное? Что я тебе сделал?
- А я тебе?
- Ты о чём?
- Обо всём, о Пакуше, о Филе, о...да ладно, не важно...
- Так это – месть? Ты мне мстишь, за то...
- Не отвлекайся капитан, ответь на вопрос – да или нет?
- Быстро!

– Да. Да! Да! Мать твою!

– Вот и хорошо. Ильяс – сколько сейчас времени?

– Шестой час.

– Пора выдвигаться. Поехали!

В дороге нас застаёт звонок от одного из людей Ильяса – Мерседес выехал из Москвы по Киевскому шоссе.

Ибрагим напутствует Дерибаса – ты въезжаешь в самую гущу машин, твоя задача – перекрыть движение, понял? Нам нужно сделать шоссе непроезжим, нужно большое ДТП! Давай, поехал!

УАЗик отъезжает в сторону шоссе, не доехав пары метров до проезжей части, машина останавливается. Ильяс недоумённо смотрит на меня – чего он тормозит? Передумал? А если он сейчас выскочит и побежит к ментам? Чего тогда делать? Муса, иди сюда!

– Подожди. Не сиздипи.

Мы расположились за деревьями, подальше от проезжей части, отсюда видно, что Дерибас оживлённо жестикулирует, трясёт головой, складывалось ощущение, что он с кем – то беседует. УАЗик не двигался с места.

– Ну чего? Я жму? – Муса показал мне мобильный телефон.

– Рано. Он не выехал на шоссе, чего толку жать? Ибрагим, сбегай, узнай, что с ним.

Ибрагим посмотрел на Ильяса, тот (после небольшой паузы) утвердительно кивнул, Ибрагим быстро побежал к ма-

шине. Муса задумчиво смотрел на телефон, Ильяс нервно крутил тонкими пальцами дорогую зажигалку. Ибрагим вернулся через семь минут.

– Что там? Чего он тормозит?

– Он... (Ибрагим тяжело дышал после бега)... он башкой поехал, ...психика не выдержала...

– Чего?

– Он это... разговаривает разными голосами... я сначала подумал, что в машине ещё кто – то есть... два голоса – один низкий, бацище такой, а другой высокий, тонкий ...

– ?!

– Высокий голос выкрикивает ругательства, материт нас всех, особенно тебя – он ткнул пальцем в мою сторону. Бас ему отвечает, рассуждает... короче там психушка... финиш полный!

– Что ты ему сказал?

– Угрожал ему.

– Он понял?

– По – моему, он даже меня не заметил. Когда я уходил, он начал петь песню...

– Бля, приехали! Время идёт, а этот кретин решил именно сейчас сойти с ума, сука, я его грохну!

– Не надо. Ибрагим, звони дочери, говори ей чего хочешь – угрожай, обещай свободу, пусть убедит его выехать на дорогу.

Ибрагим вытащил телефон, и отошёл в сторону, он что

– то отрывисто говорил в трубку, и зло притопывал правой ногой.

– О! О! Поехал!

УАЗик тронулся с места, доехал до проезжей части, и снова встал. Затем Дерibas начал медленно кружить по обочине, Ильяс несдержанно матерился – Ибрагим! Беги к нему с телефоном, узнай, что этот мудака вытворяет!

Ибрагим сорвался с места, и побежал к машине, за секунду до того, как он достиг цели, машина резко рванула с места, ударив правым крылом отчаянно загудевшую шестёрку, УАЗ мотало по дороге так, будто за рулём сидел в дупель пьяный водитель. Ибрагим растерянно стоял у обочины, зажав телефон в руке. Дерibas вылетел на встречную полосу, послышался заполошный вой автомобильных сигналов. Летевшая по встрече машина ударила УАЗик в левое заднее крыло, УАЗик развернуло поперёк дороги, Дерibas нажал на газ, и, вылетев на свою полосу, врезался в бок сто тридцатого ЗИЛа.

– Муса!

По обочине быстро бежал гаишник, он что – то кричал и размахивал жезлом. Водитель сто тридцатого Зила выскочил из кабины, и безуспешно рвал на себя дверь Уазика, переполненный тёплыми чувствами по отношению к Дерibasу.

– Муса! Жми!

Муса радостно осклабился, и нажал на кнопку вызова. Наступила давящая, вязкая тишина. В воздух взлетел какой –

то предмет, напоминающий офицерскую фуражку, описав красивую параболу, он упал на землю. Ильяс недоумённо смотрел на Мусу, тот потрясённо смотрел на телефон, и судорожно жал пальцем на кнопку вызова.

– Ты – чёрт тупой, ты...

В этот момент УАЗик разорвало на части, взрыв был такой силы, что от ударной волны заложило уши, воздух поплыл и разделился на слои, один из людей Ильяса, снимавший всё происходящее на видеокамеру, не устоял на ногах, и упал. Стало очень тихо. Шоссе было усеяно какими – то ошмётками, ЗИЛ (вернее то, что от него осталось) отбросило на обочину, на шоссе образовалась здоровенная воронка. Клубы дыма и пыли медленно оседали на дорогу. Ильяс бросился к Мусе, и, схватив его за кадык, стал кричать высоким, срывающимся голосом – ты сволочь, тупой кретин! Ты сколько взрывчатки туда напихал? Ты нас всех чуть не угандошил!

– Ильяс! Сейчас не время, сваливаем! – я хватаю его за рукав – пора на позиции! Он смотрит на меня невидящими глазами.

– Ильяс! Очнись! Время! – я отталкиваю Мусу – свали отсюда!

Я тащу Ильяса за рукав, он находится в состоянии близком к тому, что в боксе называют «гrogги», голова болтается как у пьяного, ноги заплетаются... Мы добегаем до машины – поехали! Быстрее! Водитель горланно матерится, машина

срывается с места. Минут через двадцать машина резко тормозит – приехали! Ильяс не произнёс ни единого слова за всё время нашей поездки. Мы бежим по склону, между деревьев оборудована позиция для стрельбы – лёжка, рядом лежат несколько гранатомётов, выстрелы к ним, бутылки с водой, рации. Мы с Ильясом одновременно плюхаемся на землю, и некоторое время просто лежим, восстанавливая дыхание.

– Ты как? Пришёл в себя?

– Да. Я Мусе яйца оторву, debil тупой, ни хера нормально сделать не может, так рвануло, что у меня очко до сих пор ходуном ходит! Слушай, хотел спросить, ... а ты всё это всерьёз говорил... ну там, в кафе...

– О чём?

– О терроризме... капитализме...

– Мой папашка говорил: никогда не позволяй правде испортить хорошую речь.

– Ты всё наврал?

– Почти.

– Тогда ради чего всё это?

– Ты за дядьку хочешь отомстить, или нет?

– А ты здесь причём? Ты его не знаешь, ... не знал, ... не видел никогда...

– «Не знаешь»? Так он жив?

– Нет – нет, дядю убили во время штурма Белого дома, ... но мы не об этом сейчас говорим... я не пойму – в чём твоя

заинтересованность? Я тебя со школы знаю, ты не коммуняка, не фанатик, ты циничный, расчётливый гад...

– Вон оно чего... значит – «гад»?

– Я хотел сказать «тип», оговорился, прости. Так вот, советская власть тебе по барабану, мы с тобой не настолько дружны, чтобы ты ради моего дяди башку под пули подставлял, чего тебе надо? Кто ты?

– Я часть той силы, что вечно хочет зла, и вечно совершает благо...

– Опять бредишь?

В рации зашипело – ...кабанчик проехал в вашу сторону...

– О! Слыхал? Едет! Потом договорим, сначала дело.

Ильяс встал.

– Ты куда?

– Ссать хочу.

– Сейчас?

– Угу.

Хлопок был негромким, и поначалу я даже не почувствовал боли, просто онемение в нижней части спины, я обернулся, и увидел Ильяса с пистолетом Макарова в руке.

– Ты...ты чего сделал?

– Извини, я должен был...это часть договорённости, иначе дядю не отпустят.

– Ты меня сдал?

– Да.

Ильяс стреляет ещё раз, я чувствую тепло разливающееся по телу, голова мягко кружится, а по дороге проезжает машина с мигалкой, вслед за ней тянется вереница чёрных, тупорылых, похожих на кашалотов автомобилей.

– Ильяс мне холодно, ... что ты натворил, дебил блядь...

...А теперь криминальные новости. ЧП в воинской части Н – ского гарнизона. Тяжело ранив двоих, и захватив в заложники третьего военнослужащего, из части сбежал карательный. Дезертир был убит в ходе задержания. Тяжёлое наследие советского прошлого до сих пор даёт себя знать, отрыжка тоталитаризма в виде дедовщины, неуставных отношений – всё эти жуткие пережитки коммунистического прошлого должны быть беспощадно искоренены в новой, демократической России. А теперь о новостях культуры...